

Г 67
16888
№ 7

История
государства
русского
№ 7

20

23

28511126

5 АВГ 1977

24 ЯНВ 1978

8104

ДЕК

5м

230203

IV

-3=786

20 02 84

5р

30584

32

310

84

54

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

**ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.**

ТОМЪ VII.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

Изданіе съ позволеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1830.

Г67
16888
w7

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО

ПЕЧАТАНО

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНІЮ.

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

ГЛАВА I.

Государь Великій Князь Васи-
лій Іоанновичъ.

Тясное зачпочисіе и смершь Іоанпова внука, Димитрія. Общій характеръ Василіева правлєнія. Посольство въ Тавриду. Царевичъ Казанскій принимаетъ Ввру пашу и женител на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Липовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наследникомъ. Миръ. Союзъ съ Мепгли-Гиресемъ. Освобожденіе Лешифа. Неудовольствія нашего Посла въ Тавридѣ. Мирный договоръ съ Ливонією. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности.

Г. 1505 — 1509.

Василій пріялъ державу отца, но г. 1505 безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, ко-
—509—
шорые напомнили бы Россіянамъ о злополучномъ Димитріи, пышно вѣнчанномъ и сверженномъ съ престола въ пемницу¹. Смерт.
Василій не хотѣлъ бытъ великодушнымъ: Дими-
итрія
цсавидя племянника, помня дни его сча-

Томъ VII.

925 $\frac{7}{67}$

РИБЛІОТЕКА
Гос. Иуд. Вѣд. - тѣл.
Библиотека

СВЕРЕНО
1886 г.

СВЕРЕНО
с фот...

Г. стія и своего уничтоженія, онъ безжалостно осудилъ сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ онъ людей, онъ свѣта солнечнаго въ пѣсной, мрачной палатѣ³. Изнуряемый горестію, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ оправды, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, Димитрій пресѣвился въ 1509 году, бывъ одною изъ умилительныхъ жертвъ лютой Полипки, оплакиваемыхъ добрыми сердцами и находящихъ мстителя развѣ въ другомъ мѣрѣ³. Смерть возвратила Димитрію права Царскія: Россія увидѣла его лежащаго на великолѣпномъ одрѣ, шоржесшвенно опиѣваемаго въ новомъ храмѣ Св. Михаила и преданнаго землѣ подлѣ гроба родителева.

Завѣщаніе, писанное симъ Княземъ въ присушествіи Духовника и Боярина, Князя Хованскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ и въ самой немницѣ имѣлъ казну, деньги, множество драгоценныхъ вещей, отчасти данныхъ ему Василиемъ, какъ бы въ замѣну престола и свободы, у него похищенныхъ. Исчисливъ все свое достояніе, жемчугъ, золото, серебро (всѣмъ болѣе десяти пудъ), Димитрій не располагаетъ ничѣмъ, а желаетъ един-

ственно, чтобы инокшорые изъ его земель были отданы монастырямъ, всѣ крѣпостные слуги освобождены, вольные призрѣны, купленные имъ деревни возвращены безденежно прежнимъ владѣльцамъ, долговыя записи уничтожены, и проситъ ошомъ Великаго Князя безъ униженія и гордости, повинулся судьбѣ, но не забывая своихъ правъ³.

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Иоаннова. Будучи подобно отцу ревнишею Самодержавію, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ Полипикѣ вишней и внушительней; рѣшилъ важныя дѣла въ Совѣтѣ Бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Иоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждалъ собственное, являлъ скромность въ дѣлѣхъ Монархической власти, но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не спрашавъ войны, и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастьемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію⁵; не унижилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Иоанна еще казался достойнымъ Самодержавія.

Зная великую пользу союза Мевгли-

Г.
1505.
— 509.

Г.
1505.

Об-
щій
хар-
актеръ
Васи-
ліева
пра-
вде-
нія.

Г. Гиреева, Василий неперпѣливо желалъ возобновить его: увѣдомилъ Хана о кончинѣ родившейся и пребывалъ отъ него новой *Шертной* или клятвенной грамоты. Менгли-Гирей прислалъ ее съ двумя своими Вельможами: Боларе Московскіе нашли, что она не такъ писана, какъ данная имъ Иоанну, и предложили иную. Послы скрѣпили оную печатями, а Великій Князь отправилъ знашнаго Окольничаго, Константина Заболоцкаго, въ Тавриду, чтобы удостовѣриться въ искренней дружбѣ Хана и взявъ съ него присягу⁶.

Измѣна Царя Казанскаго требовала мести. Въ сіе время братъ Алегамовъ, Царевичъ Куйдакулъ, будучи нашимъ плѣнникомъ, изъявилъ желаніе принявъ Вѣру Христіанскую. Онъ жилъ въ Ростовѣ, въ домѣ Архіепископа: Государь велѣлъ ему пріѣхать въ Москву; нашелъ въ немъ любезныя свойства, умъ, добронравіе и ревность къ познанію истиннаго Бога⁷. Его окрестили шоржественно, на Москвѣ-рѣкѣ, въ присутствіи всего Двора; назвали Петромъ и черезъ мѣсяцъ удостоили чести быть зятемъ Государевымъ: Великій Князь выдалъ за него сестру свою, Евдокію, и симъ брачнымъ союзомъ какъ бы давъ себѣ новое право располагать

Царевичъ Казанскій принявъ нашу Вѣру и женился на сестрѣ Великаго Князя
Г. 1506.

жребіемъ Казани, началъ готовиться къ войнѣ съ него. Димитрій, Василіевъ братъ, предводительствовалъ ратию, судовою и конною, съ Воеводами Теодоромъ Бѣльскимъ, Шеиномъ, Княземъ Александромъ Ростовскимъ, Палецкимъ, Курбскимъ и другими⁸. 22 Мая пѣхота Россійская вышла на берегъ близъ Казани. День былъ жаркой: упомленные воины сразились съ непріятельскими толпами передъ городомъ и истребили ихъ; но конница Татарская захватила ихъ въ пылъ, отрѣзала онѣ судовъ и сильнымъ ударомъ смѣшала Россіянъ. Множество пало, упонуло въ Поганомъ озерѣ или опдалось въ плѣнъ; другіе открыли себѣ путь къ судамъ, и ждали конной рати: она пришла; но Государь, свѣдавъ о первой неудачѣ и въ этотъ же день выслалъ Князя Василія Холмскаго съ новыми полками къ Казани, не велѣлъ Димитрію до ихъ прибытія перевозить города. Димитрій ослушался, и посрамилъ себя еще болѣе. Время славной ярмонки Казанской приближалось: Магмешъ-Аминъ, величался побѣдою, и думая, что Россіяне уже далеко, 22 Іюня веселился съ Князьями своими на лугу Арскомъ, гдѣ спояло болѣе тысячи шапуровъ; купцы иноземные раскладывали

Г. 1506.
Походъ на Казань.

Г.
1506.

товары, народъ гулялъ, жены сидѣли подъ пѣвню наметовъ, дѣти играли. Вдругъ явились полки Московскіе: «они какъ съ неба упали на Казанцевъ,» говоритъ Лѣтописецъ: топтали ихъ, рѣзали, гнали въ городъ; бѣгущіе давили другъ друга и задыхались въ тѣснотѣ улицъ. Россіянѣ могли бы легко взять Казань приступомъ: она сдалась бы имъ чрезъ пять или шесть дней; но упомянутые побѣдители хотѣли отдохнуть въ шатрахъ: увидѣли шамъ яства, напитки, множество вещей драгоценныхъ, и забыли войну; начался пиръ и грабежъ: ночь прекращила оныя, упрямство возобновило. Болре, чиновники нѣжились подъ Царскими наметами, любовались симъ зрѣлищемъ и хвалились, что они ровно черезъ годъ опметили Казанцамъ убіеніе нашихъ купцевъ; войны пили и шумѣли; справа дремала. Но Магметъ-Аминъ бодрствовалъ въ высокой спрѣльницѣ: смотрѣлъ на ликованіе безпечныхъ непріятелей, и гошовилъ имъ мстѣ за мстѣ, внезапность за внезапность. 25 Іюня, скоро по восходѣ солнца, 20,000 конныхъ и 30,000 пѣшихъ ратниковъ высыпало изъ города и съ крикомъ устремилось на Россіянъ полусонныхъ, кошорыхъ было вдвое болѣе

Г.
1506.

числомъ, но которые въ смятеніи бѣжали къ судамъ, какъ спадо овецъ, въ слѣдъ за Воеводами, безъ устройства, безъ оружія⁹. Лугъ Арскій взмокъ отъ ихъ крови и покрылся шрупами. Князь Курбскій, Палецкій, лишились жизни: Воевода Шениъ остался плѣнникомъ; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою бипвою загладишь свою оплошность и робость: никто не мыслилъ о томъ; въ безпамятствѣ ужаса кидались на суда, отрѣзывали якори; спѣшили удалиться. Одна конница Московская подъ начальствомъ Федора Михайловича Киселева и нашего служиваго Царевича Зеденал, Нордоулашова сына¹⁰, оказала нѣкоторую смѣлость: шла сухимъ путемъ къ Мурому, и въ 40 верстахъ отъ Суры настигшая Казанцами, отразила ихъ мужественно. Въ войскѣ у Димитрія находилось нѣсколько иноземцевъ съ огнеспрѣльнымъ снарядомъ: только одинъ изъ нихъ привезъ свои пушки въ Москву. Товарищи его явились вмѣстѣ съ нимъ къ Государю, кошорый, принявъ другихъ милосливо, сказалъ ему гнѣвно: «Ты берегъ снарядъ, а не берегъ себя: узнай же, что люди искусные мнѣ дороже пушекъ»¹¹. Василій не наказалъ Вое-

Г. 1506. водъ изъ уваженія къ брату, главному Полководцу, слѣдственно и главному вивновнику сего бѣдствія; но Димитрій съ много времени уже не бывалъ никогда начальникомъ рапи.

Такимъ образомъ и Василіево государствованіе, подобно Іоаннову, началось неудачнымъ походомъ на Казань. Честь и безопасность Россіи предписывали Великому Князю смирить Магменъ - Аминя: уже знаменитый нашъ Полководецъ, Даниилъ Щеня, готовился итти къ берегамъ Волги¹²; но върломный присяжникъ изъявилъ раскаяніе: или убѣжденный Менгли-Гиреемъ, или самъ предвидя худыя слѣдствія войны для слабой Казани, онъ писалъ къ Василію весьма учтиво, просилъ извиненія и мира. Государь требовалъ освобожденія Посла нашего, Михайла Яроукина, также всѣхъ захваченныхъ съ нимъ купцевъ и военнопленныхъ Россіянь: Магменъ-Аминъ исполнилъ его волю; новою клишвенною грамопою обзался бытъ ему другомъ, и призналъ свою зависимость опъ Россіи, какъ было при Іоаннѣ¹³.

Въ сношеніяхъ съ Липвою Василій изъявлялъ на словахъ миролюбіе, спарался вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Іоанновой, Король Александръ

Дѣла Липовскія.

опправилъ Посла въ Москву съ обыкновенными жалобами на обиды Россіянь¹⁴. Государь выслушалъ, обѣщавъ законное удовлетвореніе, привѣтствовалъ Посла, но не далъ ему руки, для того, что въ Липвѣ свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Извѣстіе о новомъ Монархѣ въ Россіи обрадовало Короля. Всѣ знали швердоспѣ Іоаннову: неопытность и юность Василіева казались благопріятными для нашихъ естественныхъ недоброжелателей. Александръ надѣялся заключить миръ, приславъ въ Москву Вельможъ Глѣбова и Сапѣгу; но въ опѣтъ на ихъ предложеніе, возвративъ Липвѣ всѣ наши завоеванія, Боаре Московскіе сказали, что Великій Князь владѣеть только собственными землями и ничего уступитъ не можетъ¹⁵. Глѣбовъ и Сапѣга выѣхали съ неудовольствіемъ; а въ слѣдъ за ними Государь послалъ объявить зяпю о своемъ восшествіи на престолъ и вручить Еленѣ золотой крестъ съ мощами по духовной родинелы. Василій призналъ жалобы Липовскихъ подданныхъ на Россіянь совершенно несправедливыми, и, къ досадѣ Короля, напомнилъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ, чтобы онъ не беспокоилъ супруги въ разсужденіи ея Вѣры. — Однимъ

Г. 1506.

Г. 1506. словомъ, Александръ увидѣлъ, что въ Россіи другой Государь, но также система войны и мира. Все осталось, какъ было. Съ обѣихъ споронъ изъяслялась холодная учтивость. Король дозволилъ Греку Андрею Траханіоту ѣхать изъ Москвы въ Ипалію черезъ Литву¹⁶, въ угодность Василию, который взаимно оказывалъ снисхожденіе въ случаяхъ маловажныхъ: такъ, на примѣръ, отдалъ Митрополиту Кіевскому, Іоанъ, сына его, бывшаго у насъ плѣнникомъ¹⁷.

Въ Августъ 1506 года Король Александръ умеръ: Великій Князь немедленно послалъ чиновника Наумова съ утѣшительною грамотою ко вдовствующей Еленѣ; но въ тайномъ наказѣ предписалъ ему объявить сестрѣ, что она можетъ прославить себя великимъ дѣломъ: именно, соединеніемъ Литвы, Польши и Россіи, ежели убѣдитъ своихъ Пановъ избрать его въ Короли; что разновѣріе не есть истинное препятствіе; что онъ дастъ клятву покровительствовать Римскій Законъ, будетъ отцемъ народа и сдѣлаетъ ему болѣе добра, нежели Государь единовѣрный¹⁸. Наумовъ долженъ былъ сказать поже Виленскому Епископу Войтеху, Папу Николаю Радзивилу и всѣмъ Думнымъ Вель-

можамъ. Мысль смѣлая и по тогдашнимъ Г. 1506. обстоятельствамъ удивительная, внушенная не только властолюбіемъ Монарха-юноши, но и проницаніемъ необыкновеннымъ. Литва и Россія не могли дѣйствительно примириться иначе, какъ составивъ одну Державу: Василий безъ наславленія долговременныхъ опытовъ, безъ примѣра, умомъ своимъ постигъ сію важную для нихъ обѣихъ истину; и если бы его желаніе исполнилось, то Сѣверъ Европы имѣлъ бы другую Исторію. Василий хотѣлъ отворотить бѣдствія двухъ народовъ, которые въ теченіе прехъ слѣдующихъ вѣковъ рѣзались между собою, споря о древнихъ и новыхъ границахъ. Сія кровопролитная плямба могла прекратиться только гибелію одного изъ нихъ; повинуюсь Государю общему, въ духѣ братства, они сдѣлались бы мирными властелинами полуночной Европы.

Но Елена отвѣтствовала, что братъ ея супруга, Сигизмундъ, уже объявленъ его преемникомъ въ Вильнѣ и въ Краковѣ. Самъ новый Король извѣстилъ о томъ Василія, предлагая ему вѣчный миръ съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ свободу Литовскимъ плѣнникамъ и мѣста, кои завладѣли Россіяне уже послѣ ше-

спильшняго перемирїя. Сїе требованіе казалось умѣреннымъ; но Василій — досадуя, можешь бысть, что его намѣреніе царствованїя въ Липвѣ не исполнилось — хотѣлъ удержатъ все, оставленное ему въ наслѣдіе родителемъ¹⁹, и жалуеть, что Липовцы пресупають договоръ 1503 года, перевозятъ набѣгами владѣнія Князей Спародубскаго и Рыльскаго, жгунъ села Брянскїя, опничаютъ наши земли, послаъ Князя Холмскаго и Болрина Якова Захарьевича воеванъ Смоленскую обласнь. Они доходили до Мещиславлї, не встрѣтивъ непрїятеля въ полѣ²⁰. Королевскіе Послы еще находились тогда въ Москвѣ: Сигизмундъ упрекалъ Василю, что онъ, говоря съ нимъ о мирѣ, начинаеть войну²¹.

Въ сїе время славный Конспанинъ Оспрожскїй, измѣнивъ данной имъ Василю присягѣ, утвержденной ручашельствомъ нашего Митрополиша, бѣжалъ изъ Москвы въ Липву²². Любовь къ опечесиву и ненависть къ Россїи заставили его опспидишь себя дѣломъ презрительнымъ: обмануть Государя, Митрополиша, нарушитъ клятву, уставъ чесни и совѣспи. Никакія побужденїя не извиняють въроломства. — Сигизмундъ принялъ нашего измѣнника, Конспанина, съ мило-

Г.
1508.

спїю: Василій скоро опспиль Сигизмунду, объявивъ себя покровителемъ еще важнѣйшаго измѣнника Липовскаго.

Никпо изъ Вельможъ не былъ въ Липвѣ столь знаменъ, силенъ, богатъ помѣстьями, щедръ къ услужникамъ и спрашенъ для непрїятелей, какъ Михайлъ Глинскїй, коего родъ происходилъ опъ одного Князя Татарскаго, выѣхавшаго изъ Орды къ Виповну²³. Воспитанный въ Германїи, Михайлъ заимствоваль обычаи Нѣмецкіе, долго служилъ Албрехту Саксонскому, Императору Максимилиану въ Италїи; славился храбростїю, умомъ, и возвращаясь въ опечество, снискалъ милоспъ Александрову, пакъ, что сей Государь обходился съ нимъ какъ съ другомъ, повѣряя ему все тайны сердечныя. Глинскїй оправдываль сїю любовь и довѣренноспъ своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быспрымъ нашеспвїемъ привело Липву въ шрепей; когда Александръ, лежащїй на смертномъ одрѣ почти въ виду непрїятеля, пребоваль усердной защиты опъ Вельможъ и народа: Глинскїй сълъ на коня, собралъ воиновъ, и славнѣйшею побѣдою утѣшилъ Короля въ послѣднїи минушы его жизни²⁴. Зависпники молчали; но смерпъ

Г.
1508.

1. 1508. Александрова отвергла имъ уста: говорили, что онъ мыслилъ овладѣть престономъ и не хотѣлъ присягать Сигизмунду. Всѣхъ болѣе ненавидѣлъ и злословилъ его Вельможа Забрezenскій. Михаилъ неопоспунно убѣждалъ новаго Короля быти судіею между ими. Сигизмундъ медлилъ, доброхотствуя непріятелямъ Глинскаго, который вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и сказалъ ему: »Государь! мы оба, ты и я, будемъ раскаиваться; но поздно.« Онъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Василиемъ, уѣхалъ въ свой городъ Туровъ; призвалъ къ себѣ родственниковъ, друзей; пребоавалъ полного удовольстворенія отъ Сигизмунда и назначилъ срокъ. Слухъ о томъ достигъ Москвы, гдѣ знали все, что въ Липвѣ происходило: Государь угадалъ тайную мысль Михайлову, и послалъ къ нему умнаго Дьяка, предлагая всѣмъ прѣмъ Глинскимъ защиту Россіи, милость и жалованье²⁵. Еще соблюдала приспойность, они ждали рѣшительнаго Королевскаго отвѣта: не получивъ его, поржественно объявили себя слугами Государя Московскаго, съ условіемъ, чтобы Василій оружіемъ укрѣпилъ за ними ихъ города въ Липвѣ, помѣстныя и тѣ, которые имъ волею или неволею сдадутъ

ся. Съ обѣихъ сторонъ утвердили сей договоръ клятвою. Пылая злобою мести, Михаилъ нечаянно схватилъ врага своего, Вельможу Забрezenскаго, въ увеселительномъ его домѣ близъ Гродна: опескъ ему голову²⁶; умерщвилъ многихъ другихъ Пановъ; составилъ полкъ изъ Дворянъ, слугъ и наемниковъ; взялъ Мозырь; заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреємъ и Господаремъ Молдавскимъ²⁷, изъ коихъ первый обѣщалъ завоевать для него Кіевъ. Пишущъ, что Глинскіе дѣйствительно имѣли намѣреніе возстановити древнее Великое Княженіе Кіевское и господствовать въ немъ независимо; что многіе изъ тамошнихъ Бояръ прислгнули имъ въ вѣрности; что Михаилъ думалъ жениться на вдовствующей супругѣ Симеона Одельковича, Анастасіи, и имѣлъ пріобрѣсти законное право на сіе Княжество, но что добродѣтельная Анастасія, гнушалась его измѣною, не хотѣла о томъ слышать²⁸.

Глинскій ждалъ Московской рати. Вое-Войва воды наши, Князя Шемякинъ, Одоевскіе, Трубецкіе, Воропынскіе, пришли къ нему на Березину, осадили Минскъ и разоряли все до самой Вильны; другіе воевали Смоленскую область²⁹. Желая и надѣясь

наслѣ- сокрушитъ Липву, Василій двинулъ еще
дш- полки изъ Москвы и Новгорода къ Ор-
комъ. шѣ: первые вель знашнѣй Бояринъ Яковъ
Г. Захарьевичъ, послѣднѣ славнѣй Князь Да-
1508. нилъ Щеня. Глинскій, Шемякинъ, оста-
вивъ Минскъ, явились близъ Друцка, обя-
зали шамошнихъ Князей присягою вѣр-
ности къ Государю Россійскому и соеди-
нились подъ Оршею съ Даниломъ: громили
пушками спѣны ея; замышляли приступъ.

Никогда Липва не бывала въ опаснѣй-
шемъ положеніи: Россія возстала, Менгли-
Гирей и Волохи готовились къ нападению;
внутри бунтъ и правленіе новое, коего
всѣ пайны, всѣ способы были извѣстны
Глинскому; наемные Королевскіе воины,
Нѣмцы, претовали жалованья, а распочи-
тельность Александра испощила каз-
ну³⁰. Но Сигизмундъ имѣлъ твердость,
благоразуміе и счастье, копорое въ дѣ-
лахъ міра не рѣдко смѣется надъ вѣро-
яшностями ума. Съ необыкновенною дѣя-
тельностью собравъ, успроивъ войско,
онъ приблизился къ Оршѣ, чптобы спа-
спи сію важную крѣпость. Полководцы
Василіевы изумились, сняли осаду и спа-
ли на восточномъ берегу Днѣпра. Дней
шесть непріятели черезъ сію рѣку смо-
прѣли другъ на друга: Россіяне ждали къ

себѣ Липовцевъ, Липовцы Россіяны³¹. На- Г.
конецъ Воеводы Московскіе пошли къ Кри- 1508.
чеву, Мстиславию; разорили пѣсколько
сель и спѣшили назадъ, защишили соб-
ствениые предѣлы: ибо Король, вступивъ
въ Смоленскъ, опрядилъ войско къ Доро-
гобужу, къ Бѣлой и къ Торопцу. Василій,
поручивъ Князьямъ Спародубскому и Ше-
мякину оберегать Украйну, вельѣлъ Бол-
рину Якову Захарьевичу споятъ въ Вязмѣ,
а Данилу выгнать Липовскій опрядъ
изъ Торопца, гдѣ жили, малодушно при-
сягнувъ Сигизмунду, съ радостію вспрѣ-
пили нашего Воеводу, копорый донесъ
Государю о бѣгствѣ непріятеля³².

Хотя Василій по видимому не имѣлъ
причины славиться успѣхами своихъ Пол-
ководцевъ, ни важными для Россіи слѣд-
ствіями измѣны Глицкихъ: однакожь ка-
зался доволенъ первыми, и съ великою
милостію угостилъ Михаила, копорый
пріѣхалъ въ Москву, пировалъ во дворцѣ,
былъ одаренъ щедро, не только одежа-
ми богатыми, доспѣхомъ, Азіатскими ко-
нями, но и Московскими селами съ двумя
помѣстными городами, Ярославцемъ и
Медынью. Братья Михайловы оставались
въ Мозырѣ, а люди, сокровища и знатнѣй-
шіе единомышленники, Князя Дмитрій

Г. 1508. Жижерскій, Иванъ Озерекій, Андрей Лукомскій, въ Почепѣ. Михаилъ просилъ у Государя воинъ для обереженія Турова и Мозыря: Василій далъ ему Воеводу, Князя Несвицкаго, съ Галицкими, Костромскими рапниками и съ Тапарами³³.

Между шѣмъ Липовцы сожгли Бѣлую и взяли Дорогобужъ, обращенный въ пепель самими Россіанами³⁴. Конспаншинъ Оспрожскій предводилъ частію Сигизмундовой рапи, общалъ указъ ей пушъ къ Москвѣ. Но Великій Князь не перялъ времени: самъ распорядилъ полки и велѣлъ имъ съ двухъ споронъ, Холмскому изъ Можайска, Боярину Якову Захаревичу изъ Вязьмы, ишли къ Дорогобужу, гдѣ начальствовалъ Воевода Королевскій, Станиславъ Книпка: сей гордый Панъ, имѣвъ нѣкоторыя выгоды въ легкихъ сшибкахъ съ опрядами Россійскими, уже думалъ, что наше войско не существуетъ, и что бѣдные останки его не дерзнутъ показаться изъ лѣсовъ: увидѣлъ полки Холмскаго и бѣжалъ въ Смоленскъ. — Такимъ образомъ непріятели выгнали другъ друга изъ своихъ предѣловъ, не бывъ ни побѣдителями, ни побѣжденными; но Король имѣлъ болѣе славы, среди опасносшей новаго правленія

и внутренней измѣны опразивъ вѣшняго, сильнаго врага, столь ужаснаго для его двухъ предшественниковъ. Г. 1508.

Не ослѣпляясь легкомысленною гордостію, боясь Менгли-Гирей и желая успокоить свою Державу, благоразумный Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василію, который не отпринулъ его. Глинскій хвалился многочисленностію друзей и единомышленниковъ въ Липвѣ; но, къ счастью всѣхъ Правленій, измѣнники рѣдко поржествуютъ: сила беззаконная или первымъ возстаніемъ испровергаетъ законный уставъ Государства, или ежечасно слабѣетъ отъ нераздѣльнаго съ нею спраха, отъ естественнаго угрызенія совѣсти, если не главныхъ дѣйствующихъ лицъ, то по крайней мѣрѣ ихъ помощниковъ. Тщешно Глинскіе старались возмутить Кіевскую и Волынскую область: народъ равнодушно ждалъ происшествій; Бояре отчасни желали успѣховъ Михаилу, но не хотѣли бунтомъ подвергнувъ себя казни; весьма не многіе присоединялись къ нему, и войско его состояло едва изъ двухъ или трехъ тысячъ всадниковъ; начальники городовъ были вѣрны Королю. Счастію Иоаннова оружія въ войнѣ Липовской способствовалъ Менгли-Гирей:

Г. 1508. Василій еще не видалъ въ немъ дѣятельнаго усердія къ пользамъ Россіи, и не смолря на союзную грамоту, утверженную въ Москвѣ словомъ и печатнію Ханскихъ Пословъ, разбойники Крымскіе безпокоили нашу Украйну, такъ, что Великій Князь долженъ былъ защитить оную войскомъ. Надежда, возбудишь Ногаевъ къ сильному впадению въ Литву, не исполнилась: слуга Василіевъ, Князь Темиръ, ѣздивъ къ Мурзамъ, Асану и другимъ, сыновьямъ Ямгурчей и Мусы, съ предложениемъ, чтобы они, содѣйствуя намъ, опмспили Королю вѣроломное заключеніе Хана Шигъ-Ахмета, связаннаго съ ними родствомъ и дружбою: Темиръ долженъ былъ веспи ихъ къ берегамъ Дона и Днѣпра; но не могъ успѣть въ своемъ порученіи³⁵. Сіи обстоятельства, моленіе вдовствующей Королевы Елены, рѣшительность Сигизмунда и сомнительный успѣхъ войны склонили Василія къ искрешнему миролюбію. Король прислалъ изъ Смоленска въ Москву Спанислава, Воеводу Полоцкаго, Маршалка Сапѣгу и Войтсеха, Намѣстника Перемышльскаго, которые, слѣдуя обыкновенію, сначала перебували всего, а наконецъ удовольствовались не многимъ: хохъли Черняговз, Любеча, До-

рогобужа, Торопца, но согласились взять Г. 1508. единственно пяць или шесць волостей Смоленскихъ, опшяшыхъ у Литвы уже въ государствованіе Василіево. Написали договоръ пакъ называемаго вѣчнаго мира. Миръ. Василій и Сигизмундъ, именуясь брапьями и свапами, обзались жипъ въ любви, доброжелательствовати и помогати другъ другу на всякаго неприятели, кромъ Менгли-Гирей и пакихъ случаевъ, гдѣ будеть не возможно исполнить сего условія (которое, слѣдственно, обращалось въ ничто). Король утверждалъ за Россіею всѣ пріобрѣтенія Іоанновы, а за слугами Государя Россійскаго, Князьями Шемякинымъ, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воропынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Бѣлевскими, Мосальскими, всѣ ихъ опчины и города. За то Василій обѣщаль не вступатся въ Кіевъ, въ Смоленскъ, ни въ другія Литовскія владѣнія. Далѣе сказано въ договоръ, что Великій Князь Рязанскій, Іоаннъ Іоанновичъ, съ своею землею принадлежитъ къ Государству Московскому; что ссоры между Литовскими и Россійскими подданными должны бытъ разбираемы судьями общими, присяжными, коихъ рѣшенія исполняются во всей силѣ; что Посламъ

Г. и купцамъ обѣихъ Державъ вездѣ *путь*
 1508. *чистъ* и свободенъ: вѣдншь, торгующъ,
 какъ имъ угодно; наконецъ, что Липов-
 скіе и наши плѣнники освобождаются
 немедленно. О Глинскихъ не упоминается
 въ сей грамотѣ; но судьба ихъ была рѣ-
 шена: Василій призналъ Мозырь и Туровъ,
 города Михайловы, собственностию Коро-
 левскою, обѣщая впредь уже не прини-
 мать къ себѣ никого изъ Липовскихъ
 Князей съ землями и помѣстьями⁵⁶. Онъ
 удовольствовался единственно словомъ
 Короля, что Глинскіе могутъ свободно
 выѣхать изъ Липвы въ Россію.

Послы Сигизмундовы были десять
 разъ у Государя и дважды обѣдали. Раз-
 мѣнялись договорными грамотами. Сеймъ
 Липовскій одобрилъ всѣ условія. Король
 цѣловалъ крестъ въ присутствіи нашихъ
 Пословъ, въ Вильнѣ⁵⁷. Россіяне и Липов-
 цы были довольны миромъ; но Глинскіе
 изъявляли негодованіе, и Сигизмундъ увѣ-
 домилъ Великаго Князя, что Михаилъ не
 хочетъ ѣхать въ Москву, думая бѣжать
 въ спешн съ вооруженными людьми сво-
 ими и мстить равно обонмъ Государ-
 ствамъ; но что войско Королевское уже
 идетъ смиришь сего мятежника. Василій
 просилъ Короля не тревожить Глинскихъ

и дать имъ свободный путь въ Россію. Г.
 1508. Пролывая слезы, они выѣхали къ намъ
 изъ опечесова со всѣми ближними. Липва
 жалѣла, а болѣе опасалась ихъ: Россія
 не любила: Великій Князь ласкалъ и че-
 стилъ, думая, что сіи измѣнники еще
 могутъ быть ему полезны.

Едва ли имѣя надежду и самое жела-
 ніе долго оспанься въ мирѣ съ Липвою,
 Василій нетерпѣливо ждалъ вѣстей изъ
 Тавриды, чпобы удостовѣриться въ важ-
 номъ для насъ союзѣ Менгли-Гиреевомъ.
 Можетъ быть, сей Царь и не участво-
 валъ въ набѣгѣ Крымскихъ разбойниковъ
 на Московскіе предѣлы, по усердіе его къ
 Россіи явно охладѣло: державъ Заболоцкаго
 долѣе года, онъ прислалъ гонца въ Москву
 съ пребываніемъ, чпобы его пасынокъ,
 сверженный Царь Казанскій, Абдыль-Ле-
 пифъ, былъ опущенъ въ Тавриду. Ве-
 ликій Князь не сдѣлалъ сего, однакожь
 возвратилъ Лепифу свободу и милосер-
 діе, дозволивъ бышь во дворецъ, обѣщая Ко-
 ширу въ помѣстье⁵⁸. Вѣроятно, что слухъ
 о мирныхъ переговорахъ Сигизмунда съ
 Васиіемъ рѣшилъ наконецъ Менгли-Ги-
 релъ утвердить дружбу съ нами: по край-
 ней мѣрѣ онъ немедленно опущилъ по-
 гда Заболоцкаго и прислалъ прехъ Вель-

Г. 1508. можъ своихъ въ Москву съ Шершною золотою грамошою³⁹: далъ кляшву за себя, за дѣшей и внучапъ, жити въ брашпствѣ съ Великимъ Княземъ, вмѣспъ воеапъ и миришься, съ Литвою и съ Тамарами; унимапъ, казнипъ своихъ разбойниковъ, кровинельствовапъ нашихъ купцевъ и пупешеспивениковъ; однимъ словомъ, исполняпъ всѣ обязанности пѣсной, взаимной дружбы, какъ было въ Юанново время.

Государь приказалъ вспрѣшипъ Пословъ съ великою честію, звапъ во дворецъ къ обѣду, и клалъ на нихъ руки въ знакъ благоволенія. Они представили ему 16 грамопъ отъ Хана, писанныхъ весьма ласково. Менгли-Гирей убѣждалъ Василія послать судовую рашъ съ пушками для усмиренія Аспрахани, обѣщаль всѣми силами дѣйствовашъ прошивъ Сигизмунда и помогапъ Михаилу Глинскому, коего называлъ любезнымъ сыномъ; просилъ ловчихъ пшицъ, соболей, рыбнихъ зубовъ, лашъ и серебряной чары съ два ведра⁴⁰; претовалъ какой-то дани, плашимой ему Князьями Одоевскими; а всего болѣе желалъ, чпобы Государь позволилъ Абдыль-Лешифу ѣхашъ въ Тавриду для свиданія съ машерью. Сіе послѣднее казалось Васи-

лію столь важнымъ, что онъ собралъ Думу Боярскую и хопълъ знапъ ея мпѣнїе⁴¹. Приговорили не оппускапъ Лешифа. Государь велѣлъ ему самому явинься въ Думу и говорилъ такъ: »Царь Абдыль-Лешифъ! ны вѣдаешъ, что опецъ мой лишилъ тебѣ свободы за вину не малую. »Въ угодность нашему брапу, Менгли-Гирею, забывъ твое преспупленіе, я милоспиво дарую тебѣ вольность и городъ. Выслушай условія.« Они состояли въ томъ, чпобы Лешифъ кляпвенно обѣзался вѣрно служитъ Россіи, не выѣзжашъ самовольно изъ ея предѣловъ, не имѣпъ сношенія съ Литвою, ни съ другими нашими врагами, и чпобы Менгли-Гиревы Послы ушвердили сей договоръ собственною ихъ присягою. Лешифъ винилъся, благодарилъ, считалъ себя недоспойнымъ видѣпъ лице Государево; клялся не угнеташъ Хреспіанъ, не ругашъ надъ свашынею, доносипъ Великому Князю о всякихъ злодѣйскихъ умыслахъ пропивъ него или Государства. Вмѣсто Коширы, прежде обѣщанной, ему дали Юрьевъ. Доспойно замѣчанія, чпо и самъ Великій Князь присягнулъ въ доброжелательствѣ къ Лешифу, такъ же, какъ и въ вѣрности къ Менгли-Гирею, исполняя претоб-

ваніе Пословъ Крымскихъ и совѣтъ Бо-
ляръ. Намѣстникъ Перевицкій, Морозовъ,
быль отправленъ въ Тавриду изъявиль
благодарность за дружбу Хана, увѣриль
его въ нашей, извѣстиль о заключенномъ
съ Липвою мирѣ, и сказалъ наединѣ,
что долгое молчаніе Менгли-Гиреево без-
покою Государя; что носился даже слухъ
о присоединеніи Ханскихъ сыновей къ Си-
гизмундовой рати¹²; что сіе обстоятель-
ство ускорило для насъ миръ, но что
Великій Князь оспариваетъ другомъ Менгли-
Гирея, и не боится новой, справедливой
войны съ ихъ общинами, естественнымъ
недругомъ; что намъ нельзя послать лю-
дей съ огнеспрѣльнымъ снарядамъ къ
Асрахани, ибо нѣтъ судовъ въ гошовно-
сти; что Россіи, упомянутой войнами,
хотя мирной съ Липвою, но угрожаемой
Ливонскими Нѣмцами, нужно оидохнове-
ніе; что самъ Іоаннъ никогда не посы-
лалъ нуда войска⁴³, и проч. Уже вѣстий
льшамъ и здоровьемъ, Менгли-Гирей не
могъ жить долго: Василій приказалъ Мо-
розову тайно видѣться съ Ханскимъ стар-
шимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ; обязавъ
его клятвою въ дружбѣ къ Россіи и при-
слагнувъ ему въ нашей именемъ Государя.
Сей Посоль имѣлъ неприязность въ

Г.
1509.

Тавридѣ отъ свосвольства и корышполю- Г.
бія Ханскихъ Вельможъ. Государь именно 1509.
велѣлъ Морозову наблюдать свое досто- Не-
инство и не терпѣть ни малѣйшаго для удо-
насть униженія въ обрядахъ Посольскихъ: поль-
ибо Крымскіе Мурзы любили величаться наше- ствля
передъ Россіянами, вспоминая старину. гоПо-
«Я сошелъ съ коня близъ дворца,» та- врьдъ.
«шесть Морозовъ къ Великому Князю:» пи-
«воротъ сидѣли Князья Ханскіе, и всѣ,
«какъ должно, привѣтствовали Посла шво-
«его, кромѣ Мурзы Кудолра, дерзнувшаго
«назвать меня холопомъ. Толмачъ не смѣлъ
«перевести сихъ грубыхъ словъ; а Мурза
«въ бѣшенствѣ хохлялъ зарѣзавъ его, и
«силою выхватилъ шубу изъ рукъ моего
«Подьячаго, который несъ дары. Въ две-
«ряхъ Ясаулы преградили мнѣ путь, бро-
«сивъ на землю жезлы свои, и требовали
«пошлины: я спустилъ на жезлы и вошелъ
«къ Царю. Онъ и Царевичи вспрѣпили
«меня ласково; пили изъ чаши и подали
«мнѣ остатокъ. Я также поднесъ чашу
«имъ и всѣмъ Князьямъ, но обошелъ Ку-
«долра и сказалъ Хану: Царь, вольный че-
«ловѣкъ! сей Мурза невольникъ: суди насъ...
«Называютъ холопомъ твоимъ и Государя
«моего, но не Кудолровымъ. Говорю съ
«тими предъ тобою съ очи на очи: какъ онъ

Г. 1509. *»дерзнулъ грубить Послу и еилою братъ, что мы несли къ тебѣ? Менгли - Гирей, «выслушавъ, извинялъ Мурзу; но оплу- «спивъ меня, бранилъ его и выгналъ.»* Морозовъ не согласился вручить Хану своего посольскаго наказа, ни описи присланныхъ съ нимъ даровъ, опившествуя гордо Вельможамъ Царскимъ: «Ръчи Великаго Князя вписаны у меня только въ «сердцѣ, а дары его вамъ доставлены: бо- «лѣе ничего не пребудите.» Одинъ изъ сыновей Ханскихъ, жалуюсь на скупость Василиеву, грозилъ Морозову цѣпями. «Цѣ- «пей пивоихъ не опасаясь,» сказалъ Посоль: «боюсь единственно Бога, Великаго «Князя и Царя, вольнаго человѣка.... Если «оскорбите меня, то Государь уже нико- «гда не будетъ присылать къ вамъ лю- «дей знатныхъ»⁴⁴. — Однакожь не смотря на слабость опягченнаго льпами Менгли-Гирея, коему сыновья и Вельможи худо повиновались, нашъ союзъ съ Тавридою оснался до времени въ своей силѣ.

Мир- ный дого- вѣръ. Ли- вонскій. Россія заключила тогда мирный дого- вѣръ и съ Ливонією. Въ 1506 году впо- рочно былъ у насъ Посоль Император- скій, Гарпингеръ, съ дружественнымъ письмомъ отъ Максимилиана, который снова просилъ Великаго Князя освободить

Литовскихъ плѣнниковъ. Василій сказалъ, Г. 1509. что вольность ихъ зависить отъ мира. Наконецъ Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій и все Рыцарство прислали чиновниковъ въ Москву. Слѣдуя правилу опца, Государь не хотѣлъ самъ договаривашься съ ними: они повѣхали въ Новгородъ, гдѣ Намѣстники, Даниль Щеня, Григорій Федоровичъ Давыдовъ и Князь Иванъ Михайловичъ Оболенскій, дали имъ мирную грамоту отъ 25 Марша 1509 года впрѣдъ на 14 лѣтъ. Освободили плѣнныхъ; возобновили спарыя, взаимныя условія о торговлѣ и безопасности путешественниковъ въ обѣихъ земляхъ. Важнѣе всего было то, что Нѣмцы опреклись отъ союза съ Королемъ Польскимъ. Государь не забылъ и нашихъ церквей въ Ливоніи: Магистръ обязался блюсти ихъ. Въ тоже время Императоръ, ходатайствуя за Ганзу, писалъ къ Великому Князю, что она издревле къ обоюдной пользѣ купечествовала въ Россіи, и желаетъ возстановить свою Коншору въ Новгородѣ, ежели возвращать Любчанамъ повары, несправедливо опияшые Іоанномъ, единственно по наущенію злыхъ людей. Василій опившествовалъ Максимилиану: «Пусть Любчане и союзные съ ни-

Г. 1509. »ми 72 города шлютъ должное челобитиѣ
 »къ моимъ Новгородскимъ и Псковскимъ
 »Намѣстникамъ: изъ дружбы къ тебѣ ве-
 »лю торговать съ Нѣмцами, какъ было
 »прежде; но имѣніе опнили у нихъ за
 »вину: его не лзя возвратити: о чемъ
 »писалъ къ тебѣ и мой родитель»⁴⁵.

Утвердивъ спокойствіе Россіи, Васи-
 лій рѣшилъ судьбу древняго, знаменипа-
 го Пскова. Какое-то особенное снисхожде-
 ніе Іоанново позволило сей Республикѣ пе-
 режить Новгородскую, еще имѣль видъ
 народнаго правленія и хвалильсь пѣнію
 свободы: могла ли уцѣлѣть она въ си-
 стемѣ общаго Самодержавія? Примѣръ
 Новагорода ужасалъ Псковитянь; но, ла-
 ская себя свойственною людямъ надеж-
 дою, они такъ разсуждали: »Іоаннь поща-
 »дилъ насъ: можетъ пощадитъ и Василій.
 »Мы спаслись при оцѣ благоговѣніемъ
 »къ его верховной волѣ: не оскорбимъ и
 »сына. Гордость есть безуміе для слабо-
 »спии. Не поспюимъ за многое, чтобы
 »спассти главное: то есть, свободное бы-
 »ствіе гражданское, или по крайней мѣрѣ
 »долѣе наслаждались онымъ.« Сіи мысли
 были основаніемъ ихъ Полиптики. Когда
 Намѣстники Великокняжескіе дѣйствова-
 ли беззаконно, Псковитяне жаловались

Дѣла
Пско-
ва.

Г. 1509. Государю, молили неопступно, по сми-
 ренно. Ненавидя Князя Ярослава, они сно-
 ва приняли его къ себѣ Намѣстникомъ⁴⁶:
 ибо такъ хотѣль Іоаннь, кошорый, мо-
 жетъ быль, единственно оплагалъ до
 случая упичожный вольность Пскова,
 несогласную съ государственнымъ успа-
 вомъ Россіи: войны, опасности внѣшнія, а
 наконецъ, можетъ быль, и старость по-
 мѣшали ему исполнитъ сіе намѣреніе.
 Юный Василій естественнымъ образомъ
 довершилъ дѣло оица: искалъ, и легко
 нашелъ прѣдлогъ. Хотя Псковитяне во-
 обще изъявляли болѣе умѣренности, не-
 жели пылкіе Новгородцы: однакожь, по-
 добно всемъ Республикамъ, имѣли вну-
 пренніе раздоры, обыкновенное дѣйствіе
 спрасней человѣческихъ. Еще въ Іоанно-
 во время былъ у нихъ мятежь, въ коемъ
 одинъ Посадникъ лишился жизни; а дру-
 гіе чиновники бѣжали въ Москву. Тогда
 же земледѣльцы не хотѣли платитъ да-
 ни гражданамъ: Въче самовластно нака-
 зало первыхъ, оныскавъ древнюю усша-
 вную грамоту въ доказательство, что
 они всегда считались данниками и работ-
 никами послѣднихъ. Іоаннь обвинилъ са-
 мовольство Вѣча: Псковитяне сдва смиг-
 чили его гнѣвъ моленіемъ и дарами⁴⁷. При

Г. 1509. Василія управлялъ ими въ санѣ Намѣстника Князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, не любимый народомъ: пипая несогласія между Старшими и Младшими гражданами, онъ жаловался на ихъ спрощливостъ и въ особеннѣйши на главныхъ чиновниковъ, которые будто бы вмѣшивались въ его права и суды⁴⁸. Сего было довольно для Василія.

Осенью въ 1509 году онъ поѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, съ зятемъ, Царевичемъ Пешромъ, Царемъ Лешифомъ, съ Коломенскимъ Епископомъ Митрофаномъ, съ значнѣйшими Боярами, Воеводами, Дѣтьми Боярскими⁴⁹. Цѣль путешествія знали развѣ одни Вельможи Думные. Вездѣ народъ съ радостію встрѣчалъ юнаго Монарха: онъ ѣхалъ медленно, и съ величіемъ. Унылый Новгородъ оживился присутствіемъ Двора и войска ополченнаго; а Псковитяне отправили къ Великому Князю многочисленное Посольство, семьдесятъ значнѣйшихъ чиновниковъ и Бояръ, съ усерднымъ привѣтствіемъ и съ даромъ сша-пяпидесяти рублей. Главный изъ нихъ, Посадникъ Юрій, сказалъ ему: «Опчина швая, Псковъ, бьетъ тебѣ въ челомъ и благодаритъ, что ны, Царь всел Руси, держишь насъ въ старити и

Г. 1509. «милоспиво обороняешь опъ всѣхъ иноплемениковъ. Такъ дѣлалъ и великій швой родитель: за что мы гошovy върно служишь тебѣ, какъ служили Иоанну и вашимъ предкамъ. По будь правосуденъ: швой Намѣстникъ униженъ до бросольныхъ людей, Псковитянъ. Государь! защищи насъ»⁵⁰. Онъ милоспиво принялъ даръ; выслушалъ жалобу; общалъ управу. Послы возвратились и сказали Вѣчу слова Государевы; *но мысли сердечныя*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *извѣстны единому Богу*⁵¹. Василій велѣлъ Околыничему своему, Князю Пешру Шуйскому-Великому, съ Дьякомъ Долмаповымъ ѣхать во Псковъ и на мѣстѣ узнать истину. Они донесли, что граждане винятъ Намѣстника, а Намѣстникъ гражданъ; что ихъ примирить не возможно, и что одна власъ Государева должна рѣшить сію шажбу. Новые Послы Псковскіе молили Великаго Князя смѣнить Оболенскаго: Василій отвѣщивовалъ, что не приспойно смѣнить его какъ виновнаго безъ суда; что онъ приказываетъ ему бытъ въ Новгородъ вмѣстѣ со всѣми Псковитянами, которые считаютъ себя обиженными, и самъ разберетъ ихъ жалобы⁵².

Здѣсь Лѣтописецъ Псковскій укоряетъ

Г. 1509. своихъ Правителей въ неосторожности: они письменно дали знать по всеѣмъ волостямъ, чѣобы недовольные Намѣстникомъ ѣхали судиться къ Великому Князю. Сыскалось ихъ множество; не мало и шакихъ, которые поѣхали жаловаться Государю другъ на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники⁵⁵. Сие обстоятельство предвѣщало Пскову судьбу Новгорода, гдѣ внутренній несогласіе и ссоры заставили гражданъ искать Великокняжескаго правосудія и служили Юанну однимъ изъ способовъ къ уничтоженію ихъ вольности. Василій именно требовалъ къ себѣ Посадниковъ, для очной ставки съ Княземъ Оболенскимъ, велѣвъ написать къ Вѣчу, что если они не явятся, то *вся земля будетъ виновата*⁵⁴. Псковичи не содрогнулись: въ первый разъ предпринималась имъ мысль, что для нихъ готовится ударъ. Никто не смѣлъ послушаться: девять Посадниковъ и купеческіе Старосты всехъ рядовъ отправились въ Новгородъ. Василій приказалъ имъ ждать суда и назначилъ срокомъ 6 Января.

Въ сей день, по естѣ, въ праздникъ Крещенія, Великій Князь, окруженный Боярами и Воеводами, слушалъ объиду

въ церкви Софійской и ходилъ за крестами на рѣку Волховъ, гдѣ Епископъ Коломенскій, Митрофанъ, святилъ воду: ибо Новгородъ не имѣлъ тогда Архіепископа⁵⁵. Тамъ Вельможи Московскіе объявили Псковичамъ, чѣобы все они шли въ Архьерейскій домъ къ Государю: чиновниковъ, Бояръ, купцевъ ввели въ палату; Младшихъ гражданъ остановили на дворѣ. Они готовились къ суду съ Намѣстникомъ; но плѣба ихъ была уже тайно рѣшена Василиемъ⁵⁶. Думные Великокняжескіе Бояре вышли къ нимъ и сказали: *«вы поиманы Богомъ и Государемъ Василиемъ Юанновичемъ.»* Знатныхъ Псковичей заключили въ Архіепископскомъ домѣ, а Младшихъ гражданъ, переписавъ, отдали Новгородскимъ Болрскимъ Дѣшамъ подъ спражу.

Одинъ купецъ Псковскій ѣхалъ тогда въ Новгородъ: узнавъ дорогою о семъ происшествіи, онъ бросилъ свой новаръ и спѣшилъ извѣстить согражданъ, что ихъ Посадники и все именитые люди въ шемлицѣ. Ужасъ объялъ Псковичей. *«Они шепрета и печали (говоритъ Лѣтописецъ) засохли наши горнани, усна не-ресмягли. Мы видали бѣдствія, изву и Нѣмцевъ передъ своими спѣсами; но ни-*

Г. 1510. «Когда не бывали въ такомъ опчальніи»⁵⁷. Собралось Вѣче. Народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? завориться ли въ городъ?* «Но войска, разсуждали они, будетъ для насъ беззаконіемъ и конечною гибелію. Успѣхъ невозможенъ, когда слабосиѣ идеши на силу. И всѣхъ насъ не много: что же сдѣлаемъ теперь безъ Посадниковъ и лучшихъ людей, которые сидѣли въ Новѣгородѣ?» Рѣшились послать гонца къ Великому Князю съ такими словами: «Бьемъ тебѣ челомъ отъ мала до велика, да жалуетъ свою древнюю опчину; а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебѣ, Государя, неотступны и ни въ чемъ не провинились. Богъ и шы воленъ въ своей опчинѣ.»

Видя смиреніе Псковичанъ, Государь велѣлъ снова привесити всѣхъ задержанныхъ чиновниковъ въ Архіепископскую палату и выслать къ нимъ Болръ, Князя Александра Ростовскаго, Григорія Федоровича, Конюшаго Ивана Андреевича Челюдина, Окольничаго Князя Петра Шуйскаго, Казначей Дмистрія Владиміровича, Дьяковъ Мисторя-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали: «Василій, Божію милостию Царь и Государь всея Руси,

Г. 1510. «такъ вѣщаетъ Пскову: Предки наши, «опецъ мой и мы сами доселѣ берегли «вашу милосиѣво, ибо вы держали иля «наше честно и грозно, а Намѣстниковъ «слушались; нынѣ же дерзаете быть «спиротливыми, оскорбляете Намѣстника, «вступаясь въ его суды и пошлины. «Еще свѣдали мы, что ваши Посадники и суды земскіе не даютъ истинной «управы, тѣснятъ, обижаютъ народъ. «И такъ вы заслужили великую «опалу. Но хотимъ теперь изъяснить милосиѣ, «если исполните нашу волю: унычтожите «Вѣче и примите къ себѣ Государевыхъ «Намѣстниковъ во Псковъ и во всѣ «пригороды. Въ такомъ случаѣ «сами прїѣдемъ къ вамъ помолишься Святой «Троицѣ и даемъ слово не касаться «вашей собственности. Но если отвергнете «сїю милосиѣ, то будемъ дѣлать свое «дѣло съ Божією помощію, и кровь Христіанская «взыщется на мятежникахъ, «которые презираютъ Государево жалование «и не творятъ его воли.» Псковичане «благодарили, и въ присутствіи Великокняжескихъ «Бояръ цѣловали крестъ, съ клятвою «служить вѣрно Монарху Россіи, его «дѣтямъ, наслѣдникамъ, до конца «міра»⁵⁸. Василій, пригласивъ ихъ къ себѣ

Г. на обѣдѣ, сказалъ имъ, что вмѣсто рапи 1510.
шлепть во Псковъ Дьяка своего, Третьяка
Долмашова, и что они сами могутъ пи-
сать къ согражданамъ. Знашнйй купецъ,
Описимъ Манушинъ, поѣхалъ съ грамо-
пою опъ чиновниковъ, Бояръ и всѣхъ
бывшихъ въ Новгородѣ Псковипяиъ къ
ихъ народу. Они писали: »Предъ лицомъ
»Государя мы единомысленно дали ему
»*жръпкое слово своими душами* за себя и
»за васъ, брашья, исполниль его приказа-
»нiе. Не сдѣлайте насъ преступниками.
»Буде же вздумаете прошивиться, по-
»знайте, что Великiй Князь въ гнѣвъ и
»въ ярости уснремишь на васъ многочи-
»сленное воинство: мы погибнемъ, и вы
»погибнете въ кровопролитiи. Рѣшитесь
»немедленно: послѣднiй срокъ естъ 16 Гсе-
»варя. Здравствуйте»⁵⁹.

Долмашовъ явился въ собранiи гра-
жданъ Псковскихъ, сказалъ имъ поклонъ
опъ Великаго Князя, и иребоваъ его
именемъ, чтообы они, если хощяпть живъ
по старинь, исполнили *двъ воли* Госуда-
ревы: опмѣнили Вѣче, сняли колоколъ
онаго, и во всѣ города свои приняли Ве-
ликокняжескихъ Намѣстниковъ. Посоль
заклучиль рѣчь свою шѣмъ, что или
самъ Государь будетъ у нихъ, добрыхъ

подданныхъ, мирнымъ гостемъ, или при- Г.
шлепть къ нимъ воинство смирить ма- 1510.
тежниковъ. Сказавъ, Долмашовъ сѣлъ на
спешени Вѣча и долго ждалъ опвѣла:
пбо граждане не могли говорить опъ
слезъ и рыданiя; наконецъ просили его
дать имъ время на размышленiе до слѣ-
дующаго упра. — Сей день и сiя ночь бы-
ли ужасны для Пскова. Одни грудные мла-
денцы, по словамъ льпоииси, не плакали
погда опъ гореспи. На улицахъ, въ до-
махъ раздавалось спснание: всѣ обнимали
другъ друга какъ въ послѣднiй часъ жи-
зни⁶⁰. Сиполь велика любовь гражданъ къ
древнимъ успавамъ свободы! Уже давно
Псковипяие зависѣли опъ Государя Мо-
сковскаго въ дѣлахъ витшней Политики
и признавали въ немъ судiю верховнаго;
но Государь дошоль уважалъ ихъ законы,
и Намѣстники его судили согласно съ
оними; власть законодательная принадле-
жала Вѣчу, и многiя плябы рѣшились
пародными чиновниками, особенно въ при-
городахъ⁶¹: одно избранiе сихъ чиновни-
ковъ уже льстило народу. Василiй уни-
чтоженiемъ Вѣча искоренялъ все старое
древо самобытнаго гражданства Псковска-
го, хопя и поврежденное, однакожь еще не
мершвое, еще лиственное и плодоносное.

г. 1510. Народъ болѣе сътоваль, нежели совѣ-
 товался: необходимость уступити явля-
 лась всякому съ доказательствомъ неопро-
 вержимыми. Слышны были рѣчи смѣлыя,
 но безъ дерзости. Послѣднія порожествен-
 ныя минушы издыхающей свободы бла-
 гопріимствующи великодушію; по раз-
 судокъ уже обуздываетъ сердце. На раз-
 свѣтъ ударили въ Вѣчевый колоколъ: сей
 звукъ представилъ гражданамъ мысль о
 погребеніи. Они собралися. Ждали Дьяка
 Московскаго. Долматовъ пріѣхалъ. Ему
 сказали: »Господинъ Посоль! Лѣтописцы
 »наши свидѣльствуютъ, что доброволь-
 »ныя Псковитяне всегда присягали Вели-
 »кимъ Князьямъ въ вѣрности: клялися не-
 »преложно имѣть ихъ своими Государями,
 »не соединяться съ Липвою и съ Нѣм-
 »цами; а въ случаѣ измѣны подвергали се-
 »бя гнѣву Божию, гладу, огню, попопу и
 »нашесствію иноплемениковъ. Но сей
 »крестный обѣтъ былъ взаимнымъ: Ве-
 »ликіе Князья присягали не лишать насъ
 »древней свободы; клятва также, также и
 »казнь преступнику. Нынѣ волею Богъ и
 »Государь въ своей опчинѣ, во градѣ
 »Псковѣ, въ насъ и въ нашемъ колоколѣ!
 »По крайней мѣрѣ мы не хотимъ измѣ-
 »нитъ крестному цѣлованію, не хотимъ

»поднять руки на Великаго Князя. Если Г. 1510.
 »удобно ему помолишься Живоначаль-
 »ной Троицѣ и видѣшь свою опчину, да
 »ѣдешь во Псковъ: мы будемъ ему ра-Ко-
 »ды, благодаря его, что онъ не погубилъ ^{цець}
 »насъ до конца^{62!} — Генваря 13 граждане ^{поль-}
 сняли Вѣчевый колоколъ у Святой Трои- ^{ности}
 цы, и смотря на него, долго плакали о ^{Псков}
 своей ^{ской.} старинѣ и волѣ.

Долматовъ въ ту же ночь поѣхалъ къ
 Государю съ симъ древнимъ колоколомъ
 и съ донесеніемъ, что Псковитяне уже
 не имѣютъ Вѣча. То же объявили ему и
 Послы ихъ^{63.} Онъ немедленно оправилъ
 къ нимъ Болръ съ воинскою дружиною,
 обязавъ присягою гражданъ и сельскихъ
 жипелей; велѣлъ очистить для себя дворъ
 Намѣстниковъ, а для Вельможъ своихъ,
 Дьяковъ и многочисленныхъ пѣлохрани-
 пелей такъ называемый городъ Средній,
 откуда надлежало перевести всѣхъ жи-
 пелей въ Большой городъ, и 20 Генваря
 выѣхалъ шуда самъ съ братомъ, зятемъ,
 Царемъ Лешифомъ, Епископомъ Коломен-
 скимъ, Княземъ Давиломъ Щенею, Болри-
 номъ Давыдовымъ и Михайломъ Глин-
 скимъ. Псковитяне шли къ нему на встрѣ-
 чу: имъ приказано было оснановишься
 въ двухъ верстахъ отъ города. Увидѣвъ

г. Государя, всё они пали ницъ. Великій
 1510. Князь спросилъ у нихъ о здравіи. «Лишь
 »бы пы, Государь, здравствовалъ!» отвѣт-
 спвовали Спарѣйшины. Народъ безмолв-
 ствовалъ. Епископъ Коломенскій опере-
 дилъ Великаго Князя, чшобы вмѣстѣ съ
 Духовенствомъ Псковскимъ встрѣшнть
 его предъ стѣною Довмоншовой. Василий
 сошелъ съ коня, и за креслами вступилъ
 въ церковь Св. Троицы, гдѣ Епископъ,
 опшѣвъ молебень, возгласилъ ему много-
 лѣтне, и благословляя Великаго Князя,
 громко произнесъ: «слава Всевышнему,
 »Копорый далъ тебѣ Псковъ безъ войны!⁶⁴
 Тутъ граждане, бывшіе въ церкви, горько
 заплакали и сказали: «Государь! *мы не чу-*
жте; мы искони служили твоемъ пред-
 камъ.» Въ сей день, Генваря 24, Василий
 обѣдалъ съ Епископомъ Коломенскимъ, съ
 Архимандритомъ Симоповскимъ Варлаа-
 момъ, съ Боярами и Воеводами; а въ Во-
 скресенье, Генваря 27, приказалъ собратъ-
 ся Псковичанамъ на дворѣ своемъ. Къ
 нимъ вышелъ Окольнічій, Князь Пешръ
 Шуйскій: держа въ рукѣ списокъ, онъ пе-
 рекликалъ всѣхъ чиновниковъ, Бояръ, Сна-
 ростъ, купцевъ, людей Жипныхъ, и ве-
 лѣлъ имъ итти въ большую Судебную
 избу, куда Государь, сидя съ Думными

Вельможами въ Передней избѣ, прислалъ г.
 Князя Александра Ростовскаго, Конюшаго 1510.
 Челяднина, Шуйскаго, Казначей Дмишрія
 Владиміровича, Дьяковъ Долмапова, Ми-
 сюра и другихъ. Они говорили шакъ:
 »Знашныя Псковичяне! Великій Князь,
 »Божією милостию Царь и Государь всея
 »Руси, объявляетъ вамъ свое жалованье;
 »не хочеть вступатъся въ вашу собствен-
 »ность: пользуйтесь ею, нынѣ и всегда.
 »Но здѣсь не можете опасаться: ибо вы
 »ушѣняли народъ, и многіе, обиженные
 »вами, пребовали Государева правосудіа.
 »Возьмите женъ и дѣшей; идите въ зе-
 »млю Московскую, и шамъ благоденствуй-
 »те милостию Великаго Князя.» Ихъ всѣхъ,
 изумленныхъ горестию, опдали на руки
 Дѣшямъ Боярскимъ; и въ ту же почъ
 увезли въ Москву 300 семействъ, въ чи-
 селъ коихъ находились и жены бывшихъ
 подъ стражею въ Новѣгородѣ Псковичанъ.
 Они могли взять съ собою только малую
 часть своего досиповіа, но жалѣли един-
 ственно опчизны. — Другихъ Среднихъ
 и Младшихъ гражданъ оппущенили въ до-
 мы, съ увѣреніемъ, чшо имъ не будетъ
ра:вода; но ужасъ господствовалъ и плачь
 не умокалъ во Псковѣ. Многіе, не вѣр-
 лъ обѣщанію и болсъ ссылки, посприглись,

Г. мужа и жены, чшобы умсреть на своей
1510. родинѣ⁶⁵.

Государь велѣлъ бытъ Намѣспниками во Псковѣ Болрину Григорію Федоровичу Давыдову⁶⁶ и Конюшему Челяднину, а Дьяку Мисюрю вѣдать дѣла Приказныя, Андрею Волосатому Ямскія; опредѣлилъ Воеводѣ, Тиуновѣ и Старостѣ въ пригороды; успавилъ новый чеканъ для монеты и торговую пошлину, дополъ неизвѣстную въ землѣ Псковской, гдѣ кушцы всегда торговали свободно и не плаця ничего; роздалъ деревни сосланныхъ Псковичанъ Московскимъ Болрамъ; вывелъ всѣхъ гражданъ изъ Заспѣвья или Средняго города, гдѣ находилось 1500 дворовъ; указалъ памѣ жить однимъ Государевымъ чиновникамъ, Болрскимъ Дѣшамъ и Москвитянамъ, а купеческія лавки перенести изъ Довмонцовоѣ сѣтѣны въ Большой городъ; выбралъ мѣсто для своего дворца и заложилъ Церковь Святой Ксенія, ибо въ день ея памяпи уничтожилась вольность Пскова; наконецъ, все устроивъ въ писченіе мѣсяца, оставивъ Намѣспникамъ тысячу Болрскихъ Дѣшей и 500 Новгородскихъ пищальниковъ, съ торжествомъ поѣхалъ въ Москву, куда отправили за нимъ и Вѣчевый колоколь. Въ замѣну убылыхъ

гражданъ, приспа семействъ купеческихъ Г.
изъ десяти Низовыхъ городовъ были пе- 1510.
реселены во Псковѣ⁶⁷.

«Такъ» — говоритъ Лѣтописецъ Ольгиной родины — «исчезла слава Пскова, плѣсинаго не иновѣрными, но своими братьями Христіанами. О градъ, нѣкогда великій! ты сътуешь въ опустѣніи. Прилепѣлъ на тебя орелъ многокрылый съ когтями львиными, вырвалъ изъ вѣдръ пивныхъ при кедра Ливанскіе: похищилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ торжища, или замепалъ дрязгомя⁶⁸; увлекъ нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ не бывали ни опшцы ихъ, ни дѣды, ни прадѣды!»

Болѣ шести вѣковъ Псковѣ, основанный Славянами - Кривичами, имѣлъ свои гражданскіе уставы, любилъ оные, не зналъ и не хотѣлъ знать лучшихъ; былъ вторымъ *Новымъ городомъ*, называясь его *меньшимъ братомъ*, ибо въ началѣ составлялъ съ нимъ одну Державу и до конца одну Епархію⁶⁹; подобно ему бѣдшій въ дарахъ Природы, дѣятельною торговлею снискалъ богатство, а долговременною связію съ Нѣмцами художества и вѣжливости; уступая ему въ древней славѣ побѣдъ и завоеваній опдаленныхъ,

Г. долѣ его хранилъ духъ воинскій, питае-
 1510. мый часными бранями съ Ливонскимъ
 Орденомъ. Какъ въ семействахъ, такъ и
 въ гражданскихъ обществѣхъ видимъ ино-
 гда наслѣдственныя добродѣтели: Псковъ
 отличался благоразуміемъ, справедливо-
 стію, вѣрностію; не измѣнилъ Россіи,
 угадывалъ судьбу ея, держался Великихъ
 Князей, желалъ отвратить гибель Ново-
 городской вольности, тѣсно связанной
 съ его собственною; прощалъ сему за-
 висливому народу обиды и досады; бу-
 дучи оспороженъ, являлъ и смѣлую от-
 важность великодушія, на примѣръ въ
 защитѣ Александра Тверскаго, гонимаго
 Ханомъ и Государемъ Московскимъ⁷⁰; сдѣ-
 лался жертвою непремѣннаго Рока, усту-
 пилъ необходимости, но съ какимъ-то
 благороднымъ смиреніемъ, достойнымъ
 людей свободныхъ, и не оказавъ ни дер-
 зости, ни робости своихъ Новгород-
 скихъ братьевъ. — Сіи двѣ народныя Державы сходствовали во всѣхъ ихъ учре-
 жденіяхъ и законахъ; но Псковитяне имѣ-
 ли особенную степень гражданскую, такъ
 называемыхъ *Дртей Посадничихъ*, ставя
 ихъ выше купцевъ и Житнейскихъ людей⁷¹:
 слѣдственно изъясняли еще болѣе уваже-

нія къ сану Посадниковъ, давъ ихъ роду Г.
 1510. наслѣдственную значимость.

Великій Князь хотѣлъ сдѣлать удо-
 вольствіе Псковитянамъ, и выбралъ изъ
 нихъ 12 Старостъ, чптобы они вмѣстѣ
 съ Московскими Намѣстниками и Тіунами
 судили въ ихъ бывшихъ двѣнадцати при-
 городахъ по изданной имъ тогда Устав-
 ной грамотѣ⁷². Но сіи Старосты не мо-
 гли обуздывать хищности сановниковъ
 Великокняжескихъ, которые именемъ но-
 выхъ законовъ опягчали налогами гра-
 жданъ и земледѣльцевъ, не внимали спра-
 ведливымъ жалобамъ и казнили за оныя,
 такъ, что несчастные жилиеи толпами
 бѣжали въ чужія земли, оставляя женъ и
 дѣтей. Пригороды опустѣли. Иностран-
 цы, купцы, ремесленники, имѣвшіе дома
 во Псковѣ, не хотѣли бытъ ни жертвою,
 ни свидѣтелями насилія, и всѣ выѣхали
 отсюда. — «Мы одни оспались,» при-
 бавляютъ Лѣтописецъ: «смотрѣли на зе-
 млю: она не разсупалась; смотрѣли на
 небо: не льзя было летѣть вверхъ безъ
 крыльевъ.» Узнавъ о корыстолюбіи На-
 мѣстниковъ, Государь смѣнилъ ихъ, и
 прислалъ достойнѣйшихъ, Князей Пепра
 Шуйскаго и Симеона Курбскаго, мужей
 правосудныхъ, челоуѣколюбивыхъ: они

Г. 1510. успокоили гражданъ и народъ; бѣглецы возвратились. Псковитяне не преставали жалѣть о своихъ древнихъ ушавыхъ, по преспали жаловашься. Съ сего времени они, какъ и всѣ другіе Россіяне, должны были посылашь войско на службу Государеву⁷³.

Такъ Василій употребилъ первые чепыре года своего правленія, спрахомъ оружія, безъ побѣдъ, но не безъ славы умиривъ Россію, доказавъ *наслѣдственное могущество* ея Государей для непріятеля внѣшняго, и непремѣнную волю ихъ бышь ввупри Самодержавными.

Г Л А В А . II.
ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ
ВАСИЛІЕВА.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намареніе брата Василіева, Симсона, бѣжать въ Литву. Приѣздъ Царицы Нурсалташь въ Москву. Раскаяніе Магмешъ-Аминя. Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимилианомъ. Мирный договоръ съ Ганзою. Посольство Турецкое. Взятіе Смоленска. Измѣна Глибскаго. Битва Оршинская. Измѣна Епископа Смоленскаго. Присупъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное Посольство къ Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство опъ новаго Хана, Магмешъ-Гирея, и наше къ нему. Болѣзнь и Посольство Царя Казанскаго. Владеніе Кръщевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Нѣмецкимъ Ордепомъ. Посольство Императора Максимилиана. Послы Литовскіе. Присупъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимилиану. Новые Послы опъ Императора. Смерть Лешѣа. Возобловленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магмешъ-Аминя. Шнгъ-Алей Царемъ въ Казани. Крымцы опустошаютъ Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Нѣм. Ордепа. Посольство къ Султану. Бунтъ въ Казани. Нападеніе Магмешъ-Гирея на Россію. Хабаръ Симскій. Судъ Воеводъ. Спавъ подъ Коломиною. Посолье Солимановъ. Посольство Литовское и перемиріе. Конецъ Нѣмецкаго Ордепа въ Пруссіи. Новое перемиріе съ Ливонскимъ Ордепомъ.

Г. 1510 — 1521.

Томъ VII.

Г. 1510. Не долго Россія и Липва могли наслаждаться миромъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи онаго возобновились взаимныя досады, упрёки; обвиняли другъ друга въ неисполненіи договора, подозревали въ непріятельскихъ замыслахъ; между нѣмъ хотѣли удалишь войну. Сигизмундъ жаловался, что мы освободили не всѣхъ пльнниковъ, и что Намѣстники Московскіе не даютъ управы его подданнымъ, у конхъ Россіане, вопреки миру, опнимаютъ земли. Василій доказывалъ, что и наши цѣлники не всѣ возвратились изъ Липвы; что Король, оппустивъ Московскихъ купцевъ, удержалъ ихъ повары; что сами Липовцы дѣлаютъ несносныя обиды Россіянамъ. Нѣсколько разъ предлагали съ обѣихъ сторонъ выслать общихъ судей на границу; соглашались, назначали время: но тѣ или другіе не являлись къ сроку. Безпрепятственно оппустивъ Глинскихъ, Сигизмундъ раскаялся, заключилъ ихъ друзей въ пемницу⁷⁴, и вздумалъ пребывать, чтобы Великій Князь выдалъ ему самого Михаила съ братьями. Государь отвѣщивалъ, что Глинскіе перешли въ его службу, когда Россія воевала съ Липвою, и что онъ никому не выдаетъ своихъ

подданныхъ. Сношенія продолжались около прехъ лѣтъ⁷⁵: гонцы и Послы ѣздили съ изъявленіемъ неудовольствій, однакожь безъ угрозъ, до самаго того времени, какъ вдовствующая Королева Елена уведомила брата, что Сигизмундъ, вмѣсто благодарности за ея ревность къ пользамъ Государства его, оказываетъ ей нелюбовь и даже презрѣніе; что Липовскіе Паны дерзаютъ бытъ наглыми съ нею; что она думала ѣхать изъ Вильны въ свою маешность, въ Бряславль, но Воеводы Николай Радзивиль и Григорій Оспиковъ схватили ее въ часъ обѣдни; сказавъ: *ты хочешь бѣжать въ Москву*, вывели за рукава изъ церкви, посадили въ сани, опвезли въ Троки и держатъ въ невольѣ, удаливъ всѣхъ ея слугъ. Вспревоженный симъ извѣстіемъ, Василій спрашивалъ у Короля, чѣмъ Елена заслужила такое поруганіе? и пребоавъ, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей, со всѣми знаками должнаго уваженія⁷⁶. Не знаемъ опвѣща. Другое происшествіе сего времени умножило досады Великаго Князя на Сигизмунда.

Меньшій сынъ Іоанновъ, Симеонъ Калужскій, опличался пылкимъ нравомъ и легкомысліемъ, съ неудовольствіемъ ви-

Г. дѣлъ себя подданнымъ старшаго брата, жаловался на его самовластіе, на смѣшеніе дрсвняго права Князей Удѣльныхъ, и внимая совѣтамъ нѣкопородныхъ млшежныхъ Бояръ своихъ, вздумалъ искать Сигизмундова покровительства, измѣнить Россіи, бѣжашъ въ Литву⁷⁷. Государь узналъ о томъ, призвалъ и хотѣлъ заключить Симеона. Раскаініе юнаго Князя, моленіе братьевъ, Митрополима и всѣхъ Епископовъ смягчили гнѣвъ Василія: онъ далъ Симеону другихъ, надежныхъ Бояръ, и велѣлъ ему бытъ впрядь благоразумнѣе; но съ горестію видѣлъ, что Сигизмундъ можешъ имѣть тайныхъ друзей въ самомъ семействѣ Великокняжескомъ. Сіе расположеніе не благопріятствовало миру: успѣхъ Липовскихъ козней въ Тавридѣ довершилъ необходимость войны.

Въ 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалшанъ, пріѣхала въ Москву съ Царевичемъ Саипомъ и съ према Послами, копорые увѣряли Василія въ истинной кѣ нему дружбѣ Хана⁷⁸. Цѣлю сего путешествія было свиданіе съ ея сыновьями, Лешифомъ и Магметъ-Аминемъ. Великій Князь угощалъ ее какъ свою знаменитую пріятельницу, и чрезъ мѣсяць оппустилъ въ Казань, гдѣ она жила около

Прі-
ездъ
Ца-
рицы
Нур-
сал-
шанъ
въ Мо-
скву.

года, стараясь утвердить сына въ искрен- немъ кѣ намъ доброжелательствѣ, шакъ, что Магметъ-Аминъ новыми грамошами обязался бытъ совершенно преданнымъ Россіи, и еще недовольный кляпвенными обѣшами вѣрности, желалъ во всемъ оп- крыться Государю: для чего былъ по- сланъ кѣ нему Болринъ Иванъ Андреевичъ Челяднинъ, коему онъ чистосердечно исповѣдалъ шайну прежней измѣны Казанской, обстоятельства и вину ея, не пожалѣвъ и своей жены - прелестницы⁷⁹. Однимъ словомъ, Великій Князь не могъ сомнѣ- ваться въ его искренности. Царица Нурсалшанъ по возвращеніи изъ Казани жила опякъ мѣсяцевъ шестъ въ Москвѣ, ла- скаемая, честимая при Дворѣ, и вмѣстѣ съ нашимъ Посломъ, Окольнымъ Тучко- вымъ, отправилась въ Тавриду, исполнен- ная благодарности кѣ Василію, копорый имѣлъ всѣ причины вѣрить дружбѣ Менгли-Гиреевой, но обманулся.

Сей Ханъ преспарѣлый, ослабѣвъ ду- хомъ, уже зависѣлъ опъ своихъ легкомы- сленныхъ сыновей, копорые хотѣли иной системы въ Полишкѣ, или, лучше ска- зашъ, никакой не имѣли, слѣдуя един- ственно приманкамъ грабежа и корысто- любія. Вельможи льстили Царевичамъ,

Г.
1511
—12.

Рас-
кая-
ніе
Маг-
метъ
Али-
ца.

Раз-
рывъ
съ Ха-
номъ
Мен-
гли-
Гире-
емъ.

Г. ждали смерти Царя и хващали какъ можно болѣе золоща. Такими обстоятельствомъ воспользовался Сигизмундъ, и сдѣлалъ, чего ни Казимиръ, ни Александръ никогда не могли сдѣлать: лишилъ насъ важнаго, долготѣпнаго Менгли-Гиреева союза, вопреки умной женѣ Ханской, ревностной въ пріязни къ Великому Князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15,000 червонцевъ⁸⁰, съ условіемъ, чтобы онъ, измѣнивъ своимъ клятвамъ, безъ всякаго неудовольствія на Россію, объявилъ ей войну, то есть, жегъ и грабилъ въ ея предѣлахъ. Сей пайный договоръ исполнился немедленно: въ Маѣ

На- 1512 года сыновья Хановы, Ахматъ и бѣги Бурнашъ-Гирей, со многочисленными шайками ворвались въ области Бѣлевскія, Одоевскія: злодѣйствовали какъ разбойники и бѣжали, узнавъ, что Князь Даниилъ Щеня спѣшилъ ихъ встрѣтить въ полѣ⁸¹. Хотя Государь совѣтъ не ожидалъ впаденія Крымцевъ, однакожь не имѣлъ нужды въ долгихъ приговорахъ: со временъ его опца Россія уже никогда не была безоружною; никогда всѣ полки не распускались, смѣнясь только одинъ съ другимъ въ дѣйствительной службѣ⁸². За Данииломъ Щенею выступили и

многіе иные Воеводы къ границамъ. Ахматъ-Гирей думалъ въ Юліѣ мѣсяцъ опустошить Рязанскую землю; но Князь Александръ Рословскій стоялъ на берегахъ Осепра, Князь Булгакъ и Кюрюшій Челаднишъ на Упѣ; Ахматъ удалился. Болѣе смѣлосни оказалъ сынъ Ханскій, Бурнашъ-Гирей: онъ приспустилъ къ самой Рязанской столицѣ и взялъ нѣкопорыя вышнія укрѣпленія: города не взял. Воеводы Московскіе вдали Крымцевъ степями до Тихой Сосны⁸³.

Великій Князь звалъ испиннаго виновника сей войны, и желая усовѣститъ Менгли-Гирей, предсказывалъ ему⁸⁴, что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственнымъ пользою, лучше любви, основанной на подкупѣ, требующей въ ролюмствѣ и весьма ненадежной; что мы помнимъ услуги, а Литовцы помнятъ долговременную вражду сего Хана; что первое, возбуждая признашельносиль, укрѣпляетъ связь дружества, а второе толовитъ мѣсть, которая если не нынѣ, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извѣщая себя, опивчалъ, что Царевичи безъ его повелѣнія и вѣдома воевали Россію. Сіе могло бытъ сираведливо⁸⁵: тѣмъ не менѣе по-

Г. 1511
—12. сполярный, счастливый для насъ союзъ, дѣло Иоанновой мудрости, рушился навѣки, и Крымъ, способствовавъ возрожденію нашего величія, обратился для Россіи въ скопище губителей.

Скоро свѣдалъ Василій, что Король гошовитъ полки и неотступно убѣждаетъ Менгли-Гирея дѣйствовать противъ насъ всѣми силами, желая вмѣстѣ съ нимъ начать войну льпомъ⁸⁶. Въ Думѣ Великокняжеской рѣшено было предупредить сей замысль: Государь послалъ

Вой- на съ .Лит- вою. къ Сигизмунду *складную грамоту*, написавъ въ ней имя Королевское безъ всякаго титула, исчислилъ всѣ знаки его непримиримой вражды, оскорбленіе Королевы Елены, нарушеніе договора, стараніе возбудить Менгли-Гирея ко впадению въ Россію, и заключилъ сими словами: «взять себѣ Господа въ помощь, иду на тебя и хочу стоять, какъ будешь угодно Богу; за крестное цѣлованіе слагаю»⁸⁷. Тогда находились въ Москвѣ Послы Ливонскіе, которые, бывъ свидѣтелями нашего вооруженія, извѣстили своего Магистра, Пleshенберга, что никогда Россія не имѣла многочисленнѣйшаго войска и сильнѣйшаго огнестрѣльнаго снаряда; что Великій Князь, пылая гнѣвомъ на Короля,

сказалъ: «доколѣ конь мой будетъ ходишь и мечъ рубишь, не дамъ покоя Литвѣ»⁸⁸. Самъ Василій предводительствовалъ ратию и выѣхалъ изъ столицы 19 Декабря съ братьями Юріемъ и Димитріемъ, съ зятемъ Царевичемъ Пепромъ и съ Михаиломъ Глинскимъ⁸⁹. Главными Воеводами были Князья Даниилъ Щеня и Рѣпя. Присупили къ Смоленску. Тутъ гонецъ Королевскій подалъ Василію письмо отъ Сигизмунда, который пребывалъ, чтобы онъ немедленно прекратилъ воинскія дѣйствія и вышелъ изъ Литвы, если не хочетъ испытать его мести. Великій Князь не ошвѣтствовалъ, а гонца задержали. Назначили бысть присупу ночью, отъ рѣки Днѣпра. Для ободренія людей выкатили нѣсколько бочекъ крѣпкаго меду: пилъ, кто и сколько хотѣлъ. Сіе средство оказалось весьма неудачнымъ. Шумъ и крикъ пьяныхъ возвѣстилъ городу пѣчто чрезвычайное: тамъ удвоили осторожность. Они бросились смѣло на укрѣпленія; но хмѣль не усповалъ противъ ужасовъ смерти. Встрѣченные ядрами и мечами, Россіяне бѣжали⁹⁰, и Великій Князь чрезъ два мѣсяца возвратился въ Москву, не взявъ Смоленска, разоривъ только села и пѣнивъ ихъ жителей.

Г. 1513. Въ сіе время скончалась въ Вильнѣ вдовствующая Королева Елена, умная и добродѣтельная, бывъ жертвою горести, а не яда, какъ подозрѣвали въ Москвѣ отъ ненависти къ Литовцамъ⁹¹: ибо Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго съ нами мира, коего онъ желалъ, или еще не гошовый къ войнѣ, или не довѣряя союзу Менгли-Гирея, и не имѣя надежды одинъ управиться съ Россією. Онъ тогда же просилъ *опасныхъ грамотъ* въ Москвѣ для его Пословъ Вельможи Липовскіе писали къ нашимъ Боярамъ, чптобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе⁹². Письмо отъ гонца взяли въ Набережной Паламѣ, дали ему *опасную грамоту*, и Бояре оповѣщивовали Паламъ, чпто Великій Князь сдѣлалъ то единственно изъ уваженія къ ихъ предпріятельству. Срокъ назначенный въ грамотѣ минулъ: Сигизмундъ извѣстилъ Василія, чпто виною сего замедленія были Послы Римскіе, коиорые ѣдутъ въ Москву отъ Папы, и чпто вмѣстѣ съ ними будущъ и Липовскіе. Онъ просилъ новаго *опаса*, и получилъ его.

Юня 14. Однакожь, не теряя времени, Государь вторично высунулъ изъ Москвы съ полками, опираивъ напередъ къ Смо-

Г. 1513. ленску значную часть рати съ Болриномъ Княземъ Рѣпнею и съ Окольничимъ Сабуровымъ⁹³. Намѣстникъ Смоленскій, Павъ Юрій Сологубъ, имѣя не мало войска, встрѣтилъ ихъ въ полѣ: битва рѣшилась въ нашу пользу; онъ заключился въ городѣ. Привели многихъ плѣнниковъ къ Василю въ Боровскъ, и Воеводы обложили Смоленскъ. Государь прибылъ къ нимъ въ станъ 25 Сентябрл. Началась осада; но худое искусство въ дѣйствіи огнеспрѣльнаго снаряда и положеніе дограда, укрѣпленнаго высокими стѣнами, а еще болѣе стрѣнными, холмами, дѣлали ее безуспѣшною. Чпто мы днемъ разрушали, то Литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно Великій Князь писалъ къ осажденнымъ, или милоспиво или съ угрозами, пребуя, чптобы они сдалися. Миновало шесть недѣль. Войско наше усилилось приходомъ Новгородскаго и Псковскаго⁹⁴. Можно было упорспивомъ и перпнѣемъ изнурить гражданъ; но глубокая осень, дожди, грязь, принудили Великаго Князя опустунить. Россіяне хвалились единственно опустошеніемъ земли неприятельской вокругъ Смоленска и Полоцка, куда ходилъ изъ Великихъ Лукъ

Г. Князь Василій Шуйскій, также со много-
1513. численными полками.

Дѣйствуя мечемъ, Государь дѣйство-
Союзъ валь и Полипикою. Еще въ 1508 году —
съ Им- свѣдавъ отъ Михаила Глинскаго, что Вен-
пера- герскій Король, Владиславъ, боленъ, и что
то- Максимилианъ опять замышляеть овла-
ромъ. дѣть сею Державою — Великій Князь
писалъ къ Императору о войнѣ Рос-
сіи съ Липвою, напоминалъ ему союзъ
его съ Иоанномъ и предлагалъ возобно-
вить оный. Михаилъ взялся тайно пере-
слать Василіеву грамоту въ Вѣну⁹⁵. Дѣ-
ла Италіи и другія обстоятельства бы-
ли виною того, что Максимилианъ долго
не отвѣтствовалъ. Наконецъ въ Февраль

Г. 1514 года пріѣхалъ въ Москву Импера-
1514. торскій Посоль, Совѣтникъ Георгій Шни-
ценъ-Памеръ, который именемъ Государя
своего заключилъ договоръ съ Россією,
чтобы общими силами и въ одно вре-
мя наступить на Сигизмунда: Василію
опять у него Кіевъ и всѣ наши древніе
города, а Максимилиану Прусскія области,
захваченныя Королемъ. Обязались ни въ
случаѣ успѣха, ни въ прошивномъ, какъ
въ государствованіе Сигизмунда, такъ и
послѣ, не разрывать сего союза, вѣчнаго,
непремѣннаго; условились также въ сво-

бодѣ и безопасности для путешествен- Г.
никовъ, Пословъ и купцевъ въ обѣихъ зе- 1514.
мляхъ. Максимилианъ и Василій имеютъ
другъ друга братьями, Великими Госуда-
рями и Царями. Русскую договорную гра-
моту перевели въ Москвѣ на языкъ Нѣ-
мецкій, и вмѣсто слова Царь поставили
Kauser. Въ Мартъ Шниценъ-Памеръ оп-
правился назадъ въ Германію съ Велико-
княжескимъ чиновникомъ, Грекомъ Дми-
тріемъ Ласкиревымъ, и съ Дьякомъ Еле-
азаромъ Суковымъ, предъ коими Макси-
милианъ 4 Августа утвердилъ договоръ
клятвою, собственноручною подписью и
золотою печатію⁹⁶. Нѣмецкій подлинникъ
сей любопытной грамоты, уцѣлѣвъ въ
нашемъ Архивѣ, служилъ Пепру Велико-
му законнымъ свидѣтельствомъ, что са-
мые предки его назывались Императо-
рами, и что Австрійскій Дворъ при-
зналъ ихъ въ семь достоинствъ. — Чрезъ
нѣсколько мѣсяцевъ новые Послы Макси-
милиановы, Докторъ Яковъ Ослеръ и Мо-
рицъ Бургшпеллеръ, вручили Великому
Князю хартію союза, были приняты съ
опытною ласкою, и не только въ Мо-
сквѣ, но и во всѣхъ городахъ пышно уго-
щаемы Намѣстниками: ихъ звали на объ-
еды, Дѣти Боярскіе встрѣчали у лѣсницы,

Г. 1514. знашныя сановники на нижнемъ крыльцѣ, Намѣстники у дверей въ сѣняхъ; сажали въ первое мѣсто; хозинъ, вставъ, подавалъ имъ двѣ чаши, пилъ здоровье Государей-братъевъ, соблюдая однакожь, чтобы гости начинали съ Россійскаго⁹. Однимъ словомъ, никакимъ инымъ Посламъ не оказывалось болѣе чести, и бесполезнѣ: ибо Максимилианъ, опутанный дѣлами Южной и Западной Европы, скоро переѣхалъ систему: выдалъ свою впуку, Марію, дочь Филиппа Каспильскаго, за племянника Сигизмундова, паслѣдника Владиславова, а юнаго Фердинанда, Филиппова сына, женилъ на дочери Короля Венгерскаго, и только именемъ остался союзникъ Россіи.

Въ сіе время Новгородскіе Намѣстники, Князь Василій Шуйскій и Морозовъ, заключили также достопамятное мирное условіе съ семидесятью городами Нѣмцами, или съ Ганзою, на десять лѣтъ. Чтобы возобновить свою древнюю торговлю въ Новѣгородѣ, она рѣшилась за бытъ претерпѣнное купцами ея въ Россіи бѣдствіе: обязалась не имѣть дружбы съ Сигизмундомъ, ни съ его друзьями, и во всемъ доброхотствовать Василію, который велѣлъ отдасть Нѣмцамъ дворы,

Мпр-
ный
дог-
воръ
съ Ган-
зою.

Г. 1514. мѣста и церкви ихъ въ Новѣгородѣ; позволилъ имъ торговать солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, медомъ, сельдами и всякими ремесленными произведеніями, обнадеживъ, что въ случаѣ войны съ Ливонією или съ Швецією Ганзейскіе купцы могутъ быть у насъ совершенно покойны. Усправили, чтобы Россіянъ судили въ Германіи, какъ Нѣмцевъ, а Нѣмцевъ въ Новѣгородѣ какъ Россіянъ по однимъ законамъ; не наказывать первыхъ безъ вѣдома Намѣстниковъ Великокняжескихъ, а впорыхъ безъ вѣдома Ганзы; никого не лишать вольности безъ суда; разбойника, злодѣя казнить смертію: только не мстилъ его невиннымъ единоплеменцамъ⁹⁸. Великій Князь желалъ, исправляя ошибку Іоаннову, возстановить сію важную для насъ торговлю; но двадцати-лѣтній разрывъ и перемѣна въ политическомъ состояніи Новгорода ослабили ея дѣятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижскій Бургомистръ, Нейшпешъ, около 1570 года будучи въ Новѣгородѣ, видѣлъ шатъ развалины древней каменной Нѣмецкой божницы Св. Петра и маленькій деревянный домикъ съ подваломъ, гдѣ еще складывались нѣкошорые товары Ганзейскіе⁹⁹.

Г. 1514. Уже Иоаннъ, какъ мы видѣли, искалъ пріязни Баязета, но единственно для безопасности нашихъ купцевъ въ Азовъ и Кафъ, еще не думая, чтобы Россія могла имѣть выгоды отъ союза съ Константинополемъ въ дѣлахъ вѣншей Политики: Василій хотѣлъ въ семъ отношеніи узнать мысли Султана, и свѣдавъ, что несчастный Баязетъ сверженъ честолоубивымъ, жестокимъ сыномъ, отправилъ къ Селиму Дворянина Алексѣева съ ласковымъ поздравленіемъ. «Опцы наши» — писалъ Государь — «жили въ брадской любви: да будетъ она и между сыновьями.» Послу, какъ обыкновенно, вѣдно было не унижать себя, не кланяться Султану до земли, сложишь только передъ нимъ руки; вручишь ему дары, письмо, но не спрашивать объ его здравіи, если Селимъ не спроситъ о Василіевомъ. Алексѣевъ, принятый въ Константинополѣ весьма благосклонно, выѣхалъ отсюда съ Посломъ Султановымъ, Княземъ Мангунскимъ, Теодоритомъ Камаломъ, знакомцемъ нашего именитаго чиновника, Траханіюпа, и, какъ какъ вѣроятно, Грекомъ¹⁰⁰. Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ Августа до Мая); шерифы недоспакокъ, голды въ степяхъ Воронежскихъ; длиши-

Посо-
ль-
ство
Ту-
рец-
кое.

лись всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди высланные къ нимъ отъ Великаго Князя. Сей первый Турецкій Посолъ въ Москвѣ возбудилъ любопытство ея жителей, которые съ удовольствіемъ видѣли, что грозные завоеватели Византии ищутъ нашей дружбы. Его встрѣтили пышно: Великій Князь сидѣлъ въ Малой Набережной Палатѣ; вокругъ Бояре въ *саженныхъ* шубахъ; у дверей стояли *Княжата* и Дѣти Боярскіе въ *саженныхъ терликахъ*. Представленный Государю Княземъ Шуйскимъ, Посолъ опдалъ ему Султанскую грамоту, писанную на языкѣ Арабскомъ, а другую на Сербскомъ; цѣловалъ у Василія руку; объявилъ желаніе Селимова бытъ съ нимъ въ вѣчной любви, имѣть однихъ друзей и непріятелей; обѣдалъ во дворцѣ, въ Средней Злапой Палатѣ. Великій Князь желалъ заключить съ Селимомъ договоръ письменный; но Камалъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то приказанія. «По крайней мѣрѣ» — говорили Бояре — «Государь долженъ знать, кто друзья и непріатели Султану, чтобы, согласно съ его предложеніемъ, бытъ имъ также другомъ и непріателемъ.» Посолъ не смѣлъ входить въ объясненія

Г.
1514.

Г. 1514. споль важныя. — Селимъ убѣждалъ Великаго Князя изъ дружбы къ нему отпустить Лепифа въ Тавриду, но получилъ отпказъ.

Во время переговоровъ съ симъ чиновникомъ Сулпанскимъ наше войско выступало изъ Москвы. Великій Князь пылалъ ревностію загладишь неудачу двухъ ^{Взятіе} походовъ къ Смоленску, думая менѣе о ^{Смо-} ^{ленска} собспвенной рашной славъ, чѣмъ о вредѣ государственномъ, который могъ бытъ ихъ слѣдствіемъ: Липовцы уже переспавали боясь нашихъ многочисленныхъ ополченій, и думали, что завоеванія Россіавъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ; надлежало увѣришь и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, спрахомъ уменьшишь силу первыхъ, бодростію увеличимъ нашу. Поощряя Василія къ неушомимости въ войнѣ, Михаилъ Глинскій ручался за успѣхъ новаго приступа къ Смоленску, съ условіемъ, какъ пишущъ, чтобы Великій Князь отдалъ ему сей городъ въ Удѣль наследственнѣй¹⁰¹. По крайней мѣрѣ Глинскій оказалъ тогда Государю важную услугу, нанявъ въ Богеміи и въ Германіи многихъ людей искусныхъ въ рашномъ дѣлѣ, которые пріѣхали въ Москву черезъ Ливонію¹⁰².

Г. 1514. Самъ предводительствуя войскомъ, Великій Князь выѣхалъ изъ споллицы 8 Июля съ двумя братьями, Юріемъ и Симеономъ; прешему, Димитрію, велѣтъ бытъ въ Серпуховѣ; четвертаго, Андрея, оставилъ въ Москвѣ съ Царевичемъ Пепромъ. 220 Бояръ и Придворныхъ Дѣпей Боярскихъ находилось въ Государевой дружинѣ¹⁰³. Въ Туль, на Угрѣ стояли полки запасные. Государь осадилъ Смоленскъ, и 29 Июля начали спрѣлать по городу изъ за Дѣвпра, большими и мелкими ядрами, *оконанными свинцемъ*. Липовионецъ хвалилъ искусство главнаго Московскаго пушкаря, именемъ Стефана: отъ ужаснаго дѣйствія его орудій колебались стѣны и люди падали толпами; а пушки Липовскія, разрываясь, били своихъ¹⁰⁴. Весь городъ покрылся густыми облаками дыма; многія зданія пылали; жипели въ безпамятствѣ вопили, и проспирая руки къ осаждающимъ, пребовали милосрдія. Въ тысячу голосовъ кричали со стѣны: «Государь Великій Князь! уйми мечь свой! Мы тебѣ повинuemся.» Пальба затихла. Смоленскій Епископъ, Варсонофій, вышелъ на мостъ, обтвляя, что Воевода, Юрій Сологубъ, готовъ начать переговоры въ слѣдующій день. Великій Князь не далъ ни

г. малѣйшаго срока и приказалъ снова гро- 1514.
мити крѣпость. Епископъ возвратился
со слезами. Вопль народный усилился. Съ
одной стороны смерть и пламя, съ дру-
гой убѣжденіа многихъ преданныхъ Рос-
сіи людей дѣйствовали такъ сильно, что
граждане не хотѣли слышать о дальнѣй-
шемъ сопротивленіи, вина Сигизмунда въ
нерадивости. Воевода Юрій именемъ Ко-
ролевскимъ общалъ имъ скорое вспомо-
женіе: ему не вѣрили, и Духовенство,
Князья, Бояре, мѣщане Смоленскіе посла-
ли сказать Государю, что они не вхо-
дятъ съ нимъ ни въ какіе договоры, мо-
ля его единственно о томъ, чтобы онъ
мирно взялъ ихъ подъ Россійскую Дер-
жаву и допустилъ видѣть лице свое.
Вдругъ прекратились все дѣйствія не-
пріятельскія. Епископъ, Архимандриты,
Священники съ иконами и съ крестами, —
Намѣстникъ, Вельможи, чиновники Смо-
ленскіе ливились въ слезы Россійскомъ,
проливали слезы, говорили Великому Кня-
зю: «Государь! довольно спекло крови Хри-
стіанской; земля наша, твоя опчина,
испускаетъ: прими градъ съ *тихостию*.»
Епископъ благословилъ Василія, котораго
велѣлъ ему, Юрію Сологубу и знаменѣй-
шимъ людямъ итти въ Великокняжескій

шаперъ, гдѣ они, давъ кляпву въ вѣр- г.
ности къ Россіи, обѣдали съ Государемъ 1514.
и должны были остаться до утра; а дру-
гихъ отпустили назадъ въ городъ. Спра-
жа Московская смѣнила Королевскую у
всѣхъ воровъ крѣпости. Герой Іоанновъ,
спарець Князь Давидъ Щеня, на разсвѣ-
тѣ вступилъ въ оную съ полками кон-
ными: перписавъ жищелей, обзалъ ихъ
присягою служить, доброхотствовать
Государю Россійскому, не думать о Ко-
ролѣ, забыть Липву.

Августа 1 Епископъ Варсонофій пор-
жесценно свящилъ воду на Днѣпрѣ и
съ крестами пошелъ въ городъ; за Духо-
венствомъ Великій Князь, Воеводы и все
воинство въ стройномъ чинѣ. Бояре Смо-
ленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили
Василія въ предмѣстїи съ *огани свѣтлы-
ми*. Епископъ окропилъ святою водою
Государя и народъ. Въ храмъ Богоматери
опѣтали молебень. Протодіаконъ съ амво-
на возгласилъ многогласіе побѣдншело.
Благословилъ Великаго Князя живошворя-
щимъ крестомъ, Епископъ сказалъ ему:
«Божію милостию радуйся и здравствуй,
»православный Царь всея Русіи, на своей
»опчинѣ и *дѣдинѣ* града Смоленска!» Тутъ
братья Государевы, Бояре, Воеводы, чи-

Г. повники и всѣ жипели Смоленскіе, по-
 1514. здравивъ его, начали цѣловаться другъ
 съ другомъ; плакали въ восхищеніи сер-
 дець, называясь родными, друзьями, еди-
 повѣрными. Окруженный воинскими са-
 новниками, Василій сквозь толпы ликую-
 щаго народа прибылъ во дворець древнихъ
 Кнзей Мономахова племени и сѣлъ на ихъ
 шронѣ, среди Боярѣ и Воеводѣ; призвалъ
 знавшійшихъ гражданъ, объявилъ имъ
 милость, далъ грамопу льготную и На-
 мѣстника, Кнзя Шуйскаго; утвердилъ
 права собственности, личную безопас-
 ность, свободу, успавы Вишповы, Але-
 ксандровы и Сигизмундовы¹⁰⁶; всѣхъ уго-
 спилъ обѣдомъ; жаловалъ соболями, бар-
 хапами, камками, запыми деньгами.
 Оспавивъ Варсонофія на Свяшительскомъ
 престолѣ, онъ дозволилъ бывшему Гра-
 доначальнику Сологубу ѣхать въ Липву,
 также и всѣмъ Королевскимъ воинамъ,
 выдавъ на каждого челоука по рублю; а
 пѣмъ изъ нихъ, которые добровольно за-
 писались къ намъ въ службу, по два ру-
 бля и по сукну Лунскому; не опнялъ зе-
 мель ни у Дворянъ, ни у церквей; не вы-
 велъ никого изъ Смоленска, ни Пана, ни
 гражданина¹⁰⁶; служивымъ людямъ назна-
 чилъ жалованье. Счастливыи въ душѣ Го-

сударь изъявлялъ только любовь, спсхо-
 жденіе къ новымъ поданнымъ, радуясь, Г. 1514.
 что совершилъ намѣреніе великаго опца
 своего и къ завоеваніямъ его прибавилъ
 споль блестящее. Взятіе Смоленска, го-
 ворилъ Лѣтописецъ, казалось свѣплымъ
 праздникомъ для всей Россіи. Опяпть
 чуждое лестно одному славолюбію Госу-
 даря; но возвращапть собственное весело
 народу.

Спо десять лѣтъ находился Смоленскъ
 подъ властію Липвы. Уже обычаи измѣ-
 нились; но имя Русское еще прогало
 сердце жипелей, и любовь къ древнему
 опечесиву, вмѣстѣ съ брапскимъ ду-
 хомъ Единовѣрія, облегчили для Вели-
 каго Кнзя сіе важное завоеваніе, при-
 писанное Сигизмундомъ измѣнѣ, кознямъ
 Михаила Глинскаго, подкupu, обману¹⁰⁷.
 Сологубу опсѣкли въ Липвѣ голову¹⁰⁸: онъ
 конечно не былъ измѣнникомъ, опвергнувъ
 всѣ милоспивыя предложенія Василіевы,
 не захопѣвъ ни за какое богатство, ни
 за какіе чины оспашься въ Россіи. Въ
 дѣлахъ государственныхъ несчастіе бы-
 ваентъ преступленіемъ. Но Михаилъ дѣй-
 спвительнo могъ имѣть шайныя связи
 въ Смоленскѣ: по крайней мѣрѣ онъ ду-
 малъ, что ему, изъ благодарности за его

1514. Г. услуги, опдадутъ сей знаменитый городъ во владѣніе. Великій Князь не сдѣлалъ того, и смѣлся, какъ увѣряютъ, надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую¹⁰⁹.

Государь немедленно опредѣлилъ Воеводъ Московскихъ и Смоленскихъ ко Мспи-славлю, гдѣ княжилъ тогда одинъ изъ попомковъ Гедиминова сына, Евнушія, Михаилъ: не имѣя силъ пропивившся, онъ выѣхалъ на встрѣчу къ нашему войску, присягнувъ Россіи, былъ у Великаго Князя, и милоспиво имъ одаренный, возвратился въ свою опчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою намъ под-дались. Довольный сими пріобрѣтеніями, Василій не желалъ иныхъ: учредилъ Правительство въ Смоленскѣ, оставилъ тамъ часть войска, другую послалъ къ Борисову, къ Минску, и самъ возвратился въ Дорогобужъ¹¹⁰. Михаилъ Глинскій спод-лялъ со ввѣреннымъ ему опрадомъ близъ Орши. Никто не зналъ объ его злыхъ умыслахъ. Потерявъ надежду видѣть себя Владѣтельнымъ Книземъ Смоленскимъ, досадуя на Василія и жалѣя о Липвѣ, онъ тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъясняя раскаяніе, обѣщавъ загладишь

Изъ-
мѣна
Глин-
скаго.

1514. Г. прошедшее. Личная, справедливая нена- висть къ измѣннику уступила явной поль- зѣ государспвенной: Король увѣрилъ Глин- скаго въ милоспії. Утвердили договоръ клятвами; согласились, чпобы войско Ли- повское шло, какъ можно скорѣе, къ Днѣ-пру: ибо Михаилъ отвѣществовалъ Коро- лю за побѣду. Уже сіе войско находилось близъ Орши: Глинскій, узнавъ о томъ, ночью съѣлъ на коня и бѣжалъ изъ Рос- сійскаго стана; но оптѣхалъ не далеко. Одинъ изъ его слугъ извѣспилъ Воеводу нашего, Князя Булгакова-Голицу, о бѣг- ствѣ измѣнника: Воевода въ ту же ми- нушу съ легкою дружиною поскакалъ за нимъ въ обгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди; за нимъ, въ верстѣ, толпа вооруженныхъ слугъ: ихъ и господина схватили и предспавили въ Дорогобужъ Великому Князю. Глин- скій не могъ заираться: у него вынули изъ кармана Сигизмундовы письма¹¹¹. Го- шоваясь къ смерти, онъ говорилъ смѣло о своихъ услугахъ и неблагодарности Ва- силіевой. Государь приказалъ опвезти его скованнаго въ Москву; а Воеводамъ на- шимъ, Князю Булгакову, Болрину Челд-вину и многимъ другимъ ипшии на встрѣ- чу къ непріятельской раши. Констан-

Г. пинъ Острожскій предводилъ спсвовалъ
 1514. ею. Пишуть, что нашихъ было 80,000,
 Липовцевъ же только 35,000¹¹². Сошли-
 ся на берегахъ Днѣпра, и нѣсколько дней
 сполли тихо, Россіяне на лѣвомъ, Ли-
 повцы на правомъ. Чшобы усыпить Мо-
 сковскихъ Воеводъ, Константинъ предла-
 галъ имъ разойтиса безъ битвы¹¹³, и
 шайно наводилъ мостъ въ пятнадцати
 верспахъ отъ ихъ спана. Узнавъ, что
 половина непріятелей уже на сей споро-
 нѣ рѣки, гордый Бояринъ Челяднинъ ска-
 залъ: »мнѣ мало половины; жду ихъ всѣхъ,
 и тогда однимъ разомъ управлюсь съ
 »ними¹¹⁴. Конница, пѣхота Липовская пе-
 ррешли, успроились, заняли выгодное мѣ-
 сто: началась кровопролитная битва. Увѣ-
 ряюшъ, что главные Воеводы Московскіе,
 Князь Булгаковъ-Голица и Бояринъ Че-
 ляднинъ, отъ зависпи не хотѣли помо-
 гать другъ другу; что движенія нашего
 войска не имѣли связи, ни общей цѣли;
 что въ самомъ пылу сраженія Челяднинъ
 выдалъ Булгакова и бѣжалъ¹¹⁵. По дру-
 гимъ извѣстіямъ, Князь Константинъ
 употребилъ хитрость: ошснулъ при-
 шворно, навелъ Россіянъ на пупки, и въ
 то же время зашелъ имъ въ спыль¹¹⁶.
 Всѣ говоряшъ согласно, что Липов-

Битва
 Ор-
 шин-
 скал,
 8 Сеп-
 тлября.

цы никогда не одерживали такой знаме-
 нитой побѣды надъ Россіянами: гнали,
 1514. рѣзали, топили ихъ въ Днѣпръ и въ Кро-
 пивитъ; пѣлами усылали поля между Ор-
 шею и Дубровною; пѣлили Булгакова,
 Челяднина и шестъ иныхъ Воеводъ, прид-
 цамъ семь Князей, болѣе 1500 Дворянъ
 и чиновниковъ¹¹⁷; взяли обозъ, знамена,
 снарядь огнеспрѣльный; однимъ словомъ,
 въ полной мѣрѣ ошсмили намъ за Ве-
 дрошскую битву. Мы лишились штрид-
 цати тысячъ войновъ: ночь и мѣса спасли
 остальныхъ. На другой день Констан-
 тинъ шоржеспвовалъ побѣду надъ своими
 единовѣрными брашьями и Русскимъ язы-
 комъ славилъ Бога за истребленіе Рос-
 сіянъ¹¹⁸; пышно угоспилъ знатныхъ пѣн-
 никовъ и немедленно ошправилъ къ Си-
 тизмунду, которъй велѣлъ Челяднина и
 Булгакова оковать цѣпами: следспвенно
 наказалъ ихъ за то, что они услужили
 ему своимъ неразуміемъ. Сии злосчастные
 Воеводы долго помѣнились въ неволѣ, пре-
 зираемые Лишвою и какъ бы забвенные
 отечествомъ¹¹⁹.—Ситизмундъ, будучи въ
 себя отъ радости, слышпль извѣсппль
 всю Европу о славѣ Липовскаго оружія;
 дарилъ Государей и Папу нашими пѣн-
 никами¹²⁰; мыслпль, что ошниметь у

Г. Россіи не только Смоленскъ, но и всё
1514. ея прежнія завоеванія¹²¹; что Василій не
можетъ собрать новыхъ сильныхъ пол-
ковъ, и что ему опасается только бѣ-
жать во глубину Московскихъ лѣсовъ. Ко-
роль ошибся: сія блестящая побѣда не
имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ первою вѣстію о нашемъ несча-
стіи прискакали въ Смоленскъ нѣкопы-
рые равенные въ бивѣ чиновники Вели-
кокняжескіе. Весь городъ пришелъ въ вол-
неніе. Многіе тамошніе Бояре думали, по-
добно Сигизмунду, что Россія уже пала:
совѣповались между собою, съ Еписко-
помъ Варсонофіемъ, и рѣшились измѣнить
Государю. Епископъ тайно послалъ къ Ко-
ролю своего племянника¹²² съ увѣреніемъ,
что если онъ немедленно пришлетъ вой-
ско, то Смоленскъ будетъ его. Но дру-
гіе вѣрные Бояре донесли о семъ умыслѣ
Намѣстнику, Князю Василю Шуйскому,
кошорый, едва успѣвъ взять измѣнниковъ
и самого Епископа подъ спражу, увидѣлъ
знамена Липовскія: самъ Конспашинъ
съ шестью тысячами отборныхъ вой-
новъ явился предъ городскими стѣнами.
Тупъ Шуйскій изумилъ его и жипелей
зрѣлицемъ ужаснымъ: велѣлъ на стѣнѣ,
въ глазахъ Липвы, повѣсиль всѣхъ заго-

Из-
вѣна
Епи-
скапа
Смо-
лен-
скаго.

При-
ступъ
Ост-
ро-
ж-
скаго
къ
Смо-
ленску

ворщиковъ, кромѣ Свяпишеля, надѣвъ на Г.
нихъ соболы шубы, бархаты, камки, а 1514.
другимъ привязавъ къ шеѣ серебряные
ковши или чарки, пожалованныя имъ отъ
Великаго Князя¹²³. Конспашинъ воспы-
лалъ гнѣвомъ: приступилъ къ Смоленску;
но измѣнниковъ уже не было: граждане
и воины бились мужественно съ Липвою.
Конспашинъ ушелъ: Россіяне захватили
не мало плѣнниковъ и часть обоза. Не-
достойнаго Паспыря, Варсонофія, опхвели
въ Дорогобужъ къ Великому Князю, ко-
порый, изъявивъ удовольствіе Шуйскому,
и давъ все нужныя повелѣнія для безо-
пасности Смоленска, возвратился въ Мо-
скову¹²⁴. — Липовцы заняли только Ду-
бровну, Мепиславль и Кричевъ, гдѣ жи-
тели снова присягнули Сигизмунду.

Король желалъ опдохновенія и распу-
стилъ войско; но сынъ Менгли-Гиреевъ,
Магметъ, узнавъ о побѣдѣ его, хотѣлъ
воспользоваться ею, чтобы опусишишь
южныя владѣнія Россійскія, съ помощію
новаго измѣнника нашего, Воеводы Евша-На-
фѣи Дашиковича. Мы упоминали о семъ^{бытъ}
Липовскомъ бѣглецѣ, коего милоспиво^{Крым-}
цвѣ.
принялъ Іоаннъ¹²⁵, и кошорый, служивъ
нѣсколько лѣтъ Василю, ушелъ къ Си-
гизмунду въ слѣдъ за Конспашиномъ

Острожскимъ. Получивъ онъ Короля во владѣніе Каневъ и Черкасы, имѣя воинскія достоинства, смѣлость, мужество, Дашковичъ прославился въ Исторіи Днѣпровскихъ Козаковъ, заслуживъ имя ихъ Ромула¹⁻⁶: образовалъ, устроилъ сіе легкое, дѣятельное, неупомимое ополченіе, коему удивлялась Европа; избралъ Вождей, явель спироую подчиненность, далъ каждому воиду мечъ и ружье; наблюдалъ всѣ движенія Крымцевъ и преграждалъ имъ путь въ Липву. Дашковичъ зналъ Россію и казался для насъ имѣть опасѣе: вмѣстѣ съ Кіевскимъ Воеводою, Андреемъ Цемировичемъ, онъ присоединился къ полкамъ Магмешъ-Гиреевымъ, думая взять Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Спародубъ, гдѣ не было ни Князей, ни Московскоя рати: Шемякинъ и Князь Василій Спародубскій находились тогда у Государя¹²⁷. Непріятели, сверхъ многочисленпой конницы, имѣли тяжельй снарядъ огнеспръльный. Но Воеводы Сѣверскіе опешояли города: ибо Магмешъ-Гирей боялся трапашъ людей на приступахъ; не слушался Липовскихъ предводителей, и заключилъ свой походъ бѣгствомъ.

Тѣмъ не менѣ Василій съ огорченіемъ видѣлъ, что измѣна Менгли-Гиреева въ

пользу Липвы уменьшаетъ силы Россіи. Г. 1315. Онъ искалъ новаго средства обратить Хана къ прежней системѣ. Посоль Турецкій еще былъ въ Москвѣ. Государь оппунесилъ его въ Константинополь съ своимъ ближнимъ Дворяниномъ, Василемъ Коробовымъ, написавъ съ нимъ въ отвѣтнкой грамотѣ къ Султану о вѣроломствѣ Менгли-Гирея, и прося, чтобы Селимъ запретилъ Хану дружитья съ Липвою¹²⁸. Коробову вадлежало спарашься о заключенія рѣшительнаго союза между Россією и Портою Оппиоманскою, съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ, особенно противъ Липвы и Тавриды, ежели Менгли-Гирей не оппунеситъ опъ Сигизмунда. — Но Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: Селимъ писалъ къ Государю, что пришлетъ въ Москву новаго Посла и не сдержалъ слова, будучи занявъ войною Персидскою. Успавили единственпо правила свободной шорговли въ Азовѣ и въ Кафѣ для нашихъ купцевъ.

Въ сіе время не стало Менгли-Гирея¹²⁹: Россія могла бы справедливо оплакивать его кончину, если бы онъ былъ для насъ силяя тоже, что для Іоавна. Сей достопамятпый въ Исторіи Ханъ пережилъ са-

Г. 1515. мого себя, бывъ въ послѣдніе годы полько шѣнію Царя, и Великій Князь могъ ждаль болѣе успѣха въ дѣлахъ съ его наслѣдникомъ, спаршимъ сыномъ, Магмешъ-Гиреемъ. Къ несчастію, новый Ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану, любилъ пить до чрезмѣрности, раболѣпствовалъ женамъ, не зналъ добродѣтели государственныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истиннымъ Ашаманомъ разбойниковъ. Сначала онъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти дружбу Россіи, и съ честью оппустилъ Великокняжескаго Посла, Тучкова; но скоро, взявъ дары отъ Сигизмунда, прислалъ въ Москву Вельможу своего, Дувана, съ наглыми и смѣшными прѣгованіями: писалъ, что взятіе Смоленска нарушаетъ договоръ Василіевъ съ Менгли-Гиреемъ, кошорый будшо бы пожаловалъ Смоленское Княженіе Сигизмунду; что Василій долженъ возвратитъ оное, также и Брянскъ, Спародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Путивль, вмѣстѣ съ другими городами, будшо бы данными Ханомъ, опцемъ его, Иоанну въ знакъ милости¹⁵⁰. Магмешъ-Гирей прѣговалъ еще освобожденія всѣхъ Крымскихъ плѣнниковъ, дани съ Одоева, многихъ вещей дра-

Польско-сольско-опшво опшво полагало Хаана Магмешъ-Гирей и паще къ нему.

гоцѣнныхъ, денегъ; а въ случаѣ отказа грозилъ местию. Великій Князь не могъ образумитъ безсмысленнаго варвара; но могъ надѣяться на доброхотство нѣкоторыхъ Вельможъ Крымскихъ, въ особенности на вѣраго Менгли-Гиреева сына, Ахмапа Хромаго, объявленнаго *Калгою Орды* или первымъ чиновникомъ по Ханѣ: для того вооружился першѣнемъ, чеспилъ Посла, и въ удовольствіе Магмешъ-Гирею освободилъ Лепифа: ибо сей бывший Царь Казанскій опилъ сидѣлъ тогда подъ стражею за непріятельскія дѣйсвія Крымцевъ¹⁵¹. Ему снова позволено было ѣздитъ во дворецъ и на охоту; но Великій Князь не согласился оппуститъ его къ матери, кошорая желала опправитъ съ нимъ въ Мекку. — Бояринъ Мамоновъ повезъ опшѣпныя грамопы и дары Хану, весьма умѣренныя¹⁵². Онъ долженъ былъ сказать Магмешъ-Гирею, что нелѣпныя его прѣгованія суть плодъ Сигизмундова коварства; что Государь не только намѣренъ вѣчно владѣть Смоленскимъ Княженіемъ, но хочеть опидитъ у Короля и всѣ иные древніе города наши; что Менгли-Гирей утвердилъ свое могущество дружбою Россіи, а не Липвы, и что мы гошовы возобновитъ союзъ, ежели Ханъ съ искрен-

Г.
1515
—16.

Г. 1515
—16. нею любовію обратился къ Великому Князю и преспанеть намъ злодѣйствовашь: ибо въ то самое время, когда его Посоль въѣзжалъ изъ Москвы, Крымцы напали на Мещеру и наполнили въ окрестностяхъ Азова, угрожая предѣламъ Рязанскимъ. — Главнымъ порученіемъ Мамонова было склонить къ намъ Вельможъ Ханскихъ.

Два обстоятельство помогли сначала его успѣху: Магметъ-Гирей щещино ждалъ новыхъ даровъ отъ Сигизмунда и свѣдалъ, что Султанъ имѣетъ особенное уваженіе къ Великому Князю¹³³. Хотя Мамоновъ нѣсколько разъ былъ оскорбляемъ наглосшію Царедворцевъ¹³⁴; хотя Магметъ-Гирей жаловался на скупость Василю: однакожь изъявилъ желаніе опстать отъ Короля и вызвался даже, въ залогъ союза, прислать одного изъ сыновей на живье въ Россію, ежели Великій Князь пошлетъ сильную рать водою на Аспрахань. Уже написали и грамоту договорную, копорую подлежало утвердить присягою въ день Менгли-Гиреева поминовенія; но Сигизмундъ успѣлъ во-время доставить 30,000 червонцевъ Хану¹³⁵: грамоту забыли, Посла Московскаго не слушали, и сынь Магметъ-Гиреевъ, Царевичъ Бога-

Г. 1515
—16. тырь, успремился на Россію съ голодными полками; ибо отъ чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта поля и луга изсохли въ Тавридѣ. Онуштошивъ села Мещерскія и Рязанскія, Богандарь ушелъ; а Ханъ въ одѣвиль на жалобы Великаго Князя просилъ его извинить молодость Царевича, который будто бы самовольно превозжилъ Россійскія владѣнія. Еще мирныя сношенія не прерывались: мѣсно умершаго въ Тавридѣ Мамонова заступилъ Боларскій сынь Шадринъ, умный, дѣлательный¹³⁶. Весьма усердно помогалъ ему братъ Ханскій, Калга Ахманъ, неависпникъ Липвы и другъ Россіи, гдѣ онъ на всякой случай готовилъ себѣ вѣрное убѣжище. «Мы живемъ въ худыя времена,» говорилъ Ахманъ Послу Московскому: «отецъ нашъ повелѣвалъ всѣмъ, дѣтьми и Князьми. «Теперь братъ мой Царь, сынь его Царь, ии Князь Царя»¹³⁷. Истину сего доказывалъ Калга совѣстными поступками: господствувалъ въ Очаковѣ, нападалъ на Липовскіе предѣлы, вопреки дружбѣ Сигизмундовой съ Магметъ-Гиресемъ, и писалъ къ Василю: «не думалъ ни о чемъ иномъ, «возьми для меня Кіевъ: я помогу тебѣ завоевать Вильну, Троки и всю Липву»¹³⁸. Другіе Князь, также доброхотствувалъ

Г. 1515
—16. намъ, враждовали Королю; увѣряли, что и Ханъ измѣнитъ ему, если Великій Князь будетъ только щедрѣе; а Магметъ-Гирею сказывали, что Россія намѣрена помогать его злодѣямъ, Ногаямъ и Аспраханцамъ, если онъ не предпочтетъ ея союза Липовскому. Сія Вельможи и безсмыдное корыстолюбіе самого Хана произвели наконецъ то, что онъ, взявъ одною рукою Сигизмундово золото, занесъ другую съ мечемъ на его землю, не для услуги намъ, но единственно для добычи, пославъ 40,000 всадниковъ разорить южныя Королевскія владѣнія¹³⁹. Сей варваръ не боялся мести за свое вѣроломство, понимая, что Россія и Липва все простижутъ ему, въ надеждѣ вредить черезъ него другъ другу. Между тѣмъ открылось новое важное обстоятельство, которое убѣждало его искать Василиевой пріязни.

Царь Казанскій, Магметъ-Аминь, занемогъ жестокою болѣзнію: опъ головы до ногъ, по словамъ Лѣтописца, опъ кипѣлъ гноемъ и червями; призывалъ цѣлителей, волхвовъ, и не имѣлъ облегченія; заражалъ воздухъ смрадомъ гниющаго своего члѣна, и думалъ, что сія казнь послана ему Небомъ за вѣроломное убіеніе столь многихъ Россіянь и за неблагодарность къ

Бо-
лѣзнь
и по-
соль-
ство
Царя
Казан-
скаго.

Великому Князю Іоанну. »Русской Богъ Г. 1515
«караетъ меня,» говорилъ онъ ближнимъ: —16.
»Іоаннъ былъ мнѣ опцемъ, а я, слушаясь «коварной жены, опплачилъ зломъ благо-
дѣшело. Теперь гибну: къ чему мнѣ сере-
бро и золото, престолъ и вѣнецъ, одръ
«многоцѣнный и жены красныя? Осмѣваю
«ихъ другимъ.» Чтобы умереть спокой-
нѣе, Магметъ-Аминь желалъ удостовѣ-
рить Василія въ своей искренности: при-
слалъ ему 300 коней украшенныхъ золо-
тыми сѣдлами и червлеными коврами,
Царскій доспѣхъ, щитъ и шатерь, подар-
окъ Владѣтеля Персидскаго, столь бога-
тый и хитро вышканный, что Нѣмецкіе
купцы разсмащивали его въ Москвѣ
съ удивленіемъ¹⁴⁰. Послы Казанскіе моли-
ли Великаго Князя обвинить Лешифа ихъ
Владѣтелемъ въ случаѣ Магметъ-Амише-
вой смерти, обязываясь вѣчно завистить
опъ Государя Московскаго и принимать
Царей единственно опъ его руки¹⁴¹. На-
писали грамоту: Окольниковъ Тучковъ
ѣздилъ съ нею въ Казань, гдѣ Царь, Вель-
можи и народъ утвердили сей договоръ
клятвами. Василій, въ доказательство
своего благоволенія къ Магметъ-Аминю,
пожаловалъ Лешифу городъ Коширу.

Ханъ Крымскій принималъ живѣйшее

участіе въ судьбѣ Казани, опасаясь, чпобы тамошніе Князья послѣ Магметъ-Амипи не взяли къ себѣ на престолъ когонибудь изъ Аспраханскихъ, независимыхъ ему Царевичей. Для сего онъ послалъ знаменитаго челоуѣка въ Москву, дружески писалъ къ Великому Князю, хвалился разореніемъ Литвы, обѣщалъ немедленно дать свободу Московскимъ пльникамъ и заключить союзъ съ нами, если Государь возведетъ Лепиѣа на Казанское Царство, отниметъ городокъ Мещерскій, бывшее Нордоулатово помѣстье, у своего служиваго Царевича Аспраханскаго Шигъ-Алея, уступитъ оное копоромунибудь изъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ и рѣшится воевать Астрахань. Долго Василий отвергалъ сіе послѣднее условіе: наконецъ и на то согласился¹⁴³. Казалось, что все претпствія исчезли. Въ Москву ждали новыхъ Пословъ Ханскихъ съ договорною грамотою: она не ѣхала, и Великій Князь узналъ, что Сигизмундъ, подобно ему непупомимый въ исканіи Магметъ-Гиреевой дружбы, умѣлъ опять задобрить Хана богатѣйшими дарами. 20,000 Крымцевъ съ огнемъ и мечемъ печально явились въ Россіи и дошли до самой Тулы; тѣдъ встрѣтили ихъ Московскіе Воєводы, Князья

г.
1517.

Впа-
деніе
Крым-
цевъ.

Одоевскій и Воропынскій. Хищниковъ на-казали: спасаясь бѣгствомъ, они попули въ рѣкахъ и въ болопахъ; гибли отъ руки нашихъ воиновъ и земледѣльцевъ, копорые засѣли въ лѣсахъ и не давали имъ ни пуши, ни пощады, шакъ, чпо весьма не многіе возвратились домой, нагіе и босые. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Князь Шемякинъ выгналъ Крымцевъ изъ области Пупивльской и побилъ ихъ за Сулою¹⁴⁴.

Не имѣвъ успѣха въ сношеніяхъ съ Ханомъ, Василий пріобрѣлъ въ сіе время двухъ знаменитыхъ, искреннихъ друзей въ Европѣ. Еще въ 1513 году Посолье Короля Датскаго, Іоанна, находился въ Москвѣ, или по дѣламъ Шведскимъ, или для того, чптобы склонить насъ къ соединенію Греческой Церкви съ Римскою, какъ самъ Король писалъ къ Императору Максимилиану и Людовику XII¹⁴⁴. Сынъ Іоанновъ, Христіанъ II, памятный въ Испоріи ужасною свирѣпостію и прозваніемъ Нерона Сѣвернаго, въ 1517 году утвердилъ пріязнь съ Россією торжественнымъ договоромъ воевать общими силами — *едѣ и когда будетъ возможно* — Швецію и Польшу¹⁴⁵, хотя Намѣстники Великокняжескіе въ 1510 году заключили съ первую

г.
1517.

Союзъ
съ Ко-
ро-
лемъ
Дат-
скимъ.

Г. 1517. шестидесятилѣтнее перемиріе¹⁴⁶. Посоль нашъ, Дворянинъ Микулинъ, былъ въ Копенгагенъ: Христіановъ, Давидъ Герольпъ, въ Москвѣ. Великій Князь позволилъ Дашскимъ купцамъ имѣть церковь въ Новгородѣ и свободно торговать въ Россіи.— Усильно домогался властвовать надъ всею древнею Скандинавіею, Христіанъ не могъ содѣйствовать намъ противъ Сигизмунда; а Василий, занятый Липовскою войною, оставался единственно доброжелателемъ Христіана въ его бореніи съ Шведскимъ Правителемъ Сшуромъ. Однакожь шѣсная связь между сими двумя Государями ушрашала ихъ враговъ: Сигизмундъ долженъ былъ опасаться Дашіи, а Швеція Россіи¹⁴⁷.

Союзъ съ Нѣ-
мец-
кимъ
Орде-
номъ.
Вспорымъ союзникомъ нашимъ былъ Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена, Албрехтъ Бранденбургскій. Пламенный духъ сего воинственнаго братства, освященнаго Вѣрою и добродѣтелию, памятнаго великодушіемъ и славою первыхъ его основателей, угасъ въ спранахъ Сѣвера¹⁴⁸: богатство не замѣняетъ доблести, и Рыцари-Владѣтели, нѣкогда сильные презрѣніемъ жизни, въ избытокъ ея пріятностей увидѣли свою слабость. Покорители язычниковъ были покорены собратія-

ми-Христіанами. Казимиръ и наслѣдники Г. 1515. его уже взяли многіе Орденскіе города, именуя Великаго Магистра своимъ присланныкомъ. Рыцарство посковало въ униженіи: хотѣло возвратитъ свою древнюю славу, независимость и владѣнія; молило Папу, Германію, Императора о защитѣ, и наконецъ обратился къ Россіи, весьма естественнo: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Нѣмецкій Орденъ, вступаая за Ливонію, часто оглашала насъ въ Европѣ злодѣями, невѣрными, ерешиками; но сіи укоризны были преданы забвенію, и крестоносные вилызи Иерусалимскіе дружественно простерли руку къ Великому Князю¹⁴⁹. Албрехтъ прислалъ въ Москву Орденскаго чиновника, Дидриха Шонберга, принятаго со всѣми знаками уваженія. Въ такое время, когда Дворъ говѣлъ и обыкновенно не занимался дѣлами, на первой недѣлѣ Великаго поста, Шонбергъ имѣлъ переговоры съ Боярами, въ Субботу обѣдалъ у Государя, въ Воскресенье вмѣстѣ съ нимъ слушала Липургію въ храмѣ Успѣлія. Заключили наступательный союзъ пропилъ Короля¹⁵⁰. Магистръ требовалъ ежемѣсячно *шестидесяти тысячъ золотыхъ Рейнскихъ* на содержаніе десяти шы-

Г. 1517. слячъ пѣхопныхъ и двухъ тысячъ конныхъ воиновъ: Государь обѣщаль, если Нѣмцы возьмутъ Данцигъ, Торнь, Мариенвердеръ, Эльбингъ, и пойдутъ на Краковъ; однакожь не хотѣлъ включити въ договоръ, чпобы Россіи не мириться съ Сигизмундомъ до опинянія у него всѣхъ Прусскихъ и нашихъ древнихъ городовъ, сказавъ Шонбергу: «онѣхъ вамъ надобно требовать обязательства, ибо вы еще не воюете; а мы уже давно въ полѣ, и дѣлаемъ, что можемъ»¹⁵¹. Условились хранити договоръ въ тайнѣ, чпобы Король не успѣлъ изговориться къ оборонѣ. Шонбергъ, получивъ въ даръ бархашную шубу, 40 соболей и 2,000 бѣлокъ, опиравился въ Кенигсбергъ, съ Дворянномъ Загряжскимъ¹⁵². Размѣнялись кляшвенными грамопами. Магистру хотѣлось, чпобы Великій Князь немедленно доставилъ 625 пудъ серебра въ Кенигсбергъ, гдѣ наши собственныя чиновники могли бы обратити оное въ деньги и выдавать ихъ, въ случаѣ надобности, Нѣмецкимъ рапникамъ. Для сего новый Посоль Орденскій, Мельхіоръ Робенштейнъ, былъ въ Москвѣ. Василій оповѣщевалъ, что серебро готово, но чпо Нѣмцы должны прежде начать войну. — Магистръ Ливон-

скій, спарець Племпенбергъ, не участвовалъ въ семъ союзѣ: закоренѣлая ненависть къ Россіянамъ склопiała его, даже вопреки пользамъ Нѣмецкаго Ордена, доброжелательствовать Королю. Въ печеніе войны Литовской онъ съ досадою извѣщаль Прусскаго Магистра о нашихъ выгодахъ, съ удовольствіемъ о неудачахъ¹⁵³, хопя и не могъ надѣяться на благодарность Короля, бывъ принужденъ опкзаться оиъ его дружбы въ угодности Великому Князю¹⁵⁴: положеніе весьма опасное для слабой Державы!

Опуская Загряскаго въ Кенигсбергъ, Государь велѣлъ ему развѣдать намъ о дѣлахъ Императора Максимиліана съ Королемъ Французскимъ, съ Венецією; узнать, будетъ ли онъ него Посольство въ Москву, и въ какихъ сношеніяхъ онъ находится съ Сигизмундомъ¹⁵⁵? Уже Василій не имѣлъ надежды на помощь Императора въ сей войнѣ, слышавъ о свиданіи его съ Королями Венгерскимъ и Польскимъ въ Вѣнѣ, о брачныхъ союзахъ ихъ семейства; напроивъ того желалъ, чпобы Максимиліанъ объявилъ себя посредникомъ между Литвою и Россією. Обѣ Державы хотѣли отдохновенія; но первая еще болѣе. Великій Князь молчалъ, а Сигизмундъ

Г. просилъ Императора доставить миръ
 1517. Липвъ. Для сего Посоль Вѣнскаго Двора,
 По- Баронъ Герберштейнъ, мужъ ученый и
 соль- разумный, прибылъ въ Москву¹⁵¹⁷. Пред-
 ство- ставленный Государю, онъ съ жаромъ,
 Импе- искусствомъ и краснорѣчіемъ описалъ
 ра- бѣдствіе междоусобія въ Европѣ Христі-
 анской и поржество злочестивыхъ Сул-
 тановъ, которые, пользуясь ея несогла-
 сіемъ, берутъ земли и Царства. »На-
 чпо« — сказано въ сей достопамятной
 рѣчи Посольской — »на чпо Монархи дер-
 жавствують? ко благу Вѣры и для спо-
 койствія подданныхъ. Такъ всегда мыслятъ
 Императоръ, и воевалъ не ради суетной
 славы, не ради приобрытеній чуждаго, но
 для наказанія сварливыхъ, презирал опас-
 ность личную, самъ впереди, и съ мень-
 шимъ числомъ побѣждал, ибо Господь за
 добродѣтель. Уже Максимилианъ благоден-
 ствуетъ въ тишинѣ. Папа и вся Испа-
 нскія, Неаполь, Сицилія и всѣ другія, чи-
 словъ *двадцать шесть*, и всѣ православ-
 ныя, признають въ его внука, Карла,
 своего наследственнаго, законнаго Мо-
 нарха. Король Португалліи ему родствен-
 никъ, Король Англіи издавна другъ сер-
 дечный, Далскій и Венгерскій сыновья

и братья, ибо женаты на внукахъ Ма-
 г. ксимиліановыхъ; а Польскій имѣетъ къ 1517.
 Государю моему неограниченную довѣ-
 ренность. Не буду говорить предъ то-
 бою о ливомъ Величествѣ: вѣдаешь
 истинную, взаимную любовь, которая
 вась соединилъ. Оставались только Ко-
 роль Французскій и Венеція въ общаго
 Европейскаго братства: ибо всегда хотѣ-
 ли особенныхъ выгодъ своихъ, не зани-
 маясь благомъ Христіанства; но и пѣ-
 уже изъявили миролюбіе: уже, какъ слы-
 шу, и договоръ подписанъ. Теперь да
 побозришь человекъ вселенную, отъ Во-
 стока до Запада, отъ Юга до Сѣвера:
 кто изъ Вѣнценосцевъ православныхъ не
 связанъ съ Императоромъ или родствен-
 ными дружбою? Всѣ — и всѣ въ мирѣ,
 кроме Липвы и Россіи. Максимилианъ
 послалъ меня къ тебѣ, въ надеждѣ, чпо
 ты, Государь знаменитый, въ честь и
 въ славу Божию успокоишь Христіан-
 ство и собственную землю: ибо миромъ
 цвѣтутъ Державы, войною изнуряются;
 побѣда измѣнилъ — и кто въ ней увѣ-
 ренъ? — Доселѣ вѣшалъ Императоръ: при-
 обавлю и мое слово. Будучи въ Вильнѣ, я
 говорилъ съ Посломъ Турецкимъ: онъ
 сказывалъ, чпо Султанъ завоевалъ Да-

Г. 1517. »маскъ, Иерусалимъ и все Царство Еги-
»пешское. Въ испинъ сего увѣрялъ меня
»пакже одинъ благородный путешествен-
»никъ, которъй самъ былъ въ пѣхъ мѣ-
»стахъ. Государь! мы и прежде опасались
»Султанскаго могущества: не должны ли
»нынѣ еще болѣе опасаться?« — Ученый
Посоль говорилъ о Филиппѣ и Александрѣ
Македонскихъ: славилъ миролюбіе отца,
осуждалъ сына, ненасытнаго въ крово-
пролишїи¹⁵⁷, и проч.

Василій имѣлъ бы право укоряя Им-
ператора нарушеніемъ договора съ Рос-
сією; но зналъ, что пакіе упреки беспо-
лезны, и что Полинска легко все изви-
няетъ, онъ за доброе намѣреніе изъясилъ
ему благодарность и свою готовность
къ миру. Обязываясь быть посредникомъ
совершенно безпристрастнымъ и даже
объявить войну Литвѣ, если Король не
согласился на предложенія умеренныя,
честныя, справедливыя, Максимилианъ хо-
пѣлъ, чтобы наши Уполномоченные съѣ-
хались для того съ Литовскими въ Да-
вин или на границу, или въ Ригъ: Вели-
кій Князь сказалъ, что переговоры дол-
жны быти въ Москвѣ, какъ всегда быва-
ло, а не иначе, и далъ *опасную грамоту*
для Королевскихъ Пословъ, назвавъ себѣ

въ ней *Смоленскимъ*¹⁵⁸. Они прїѣхали: Янъ Г.
Щипъ, Намѣстникъ Могилевскій, и Бо-
гушъ, Государственный Секретарь, съ се-
мидесятью Дворянами; но ихъ не впу-
стили въ Москву: велѣли имъ жить въ
Дорогомилевѣ: ибо Великій Князь узналъ,
что войско Сигизмундово вступило въ
наши предѣлы, и что самъ Король нахо-
дился въ Полоцкѣ съ запасною ратию.

Сіе нападеніе было местию. За нѣсколь-
ко времени предъ тѣмъ Воевода Псков-
скій, Андрей Сабуровъ, безъ вѣдома Госу-
дарева ходилъ съ тремя тысячами вои-
новъ на Литву: шелъ мирно, не дѣлалъ
никакой обиды жителямъ и сталъ у Ро-
славля, объявивъ гражданамъ, что бѣжитъ
онъ Великаго Князя къ Королю. Они по-
вѣрили и послали ему, какъ другу, съѣст-
ные припасы; но Сабуровъ нечаянно, въ
торговый день, взялъ Рославль, обогатил-
ся добычею и вывелъ опшуда множе-
ство плѣнниковъ, изъ коихъ освободилъ
только 18 купцевъ Нѣмецкихъ¹⁵⁹. Чтобы
наказать Псковянъ, Герой Сигизмун-
довъ, Константинъ Острожскій, хотѣлъ
завоевать Опочку, гдѣ былъ Намѣстни-
комъ Василій Михайловичъ Салтыковъ,
досшойный жить въ Псторин: ибо онъ
рѣдкимъ мужествомъ удивилъ своихъ и

Г. 1517. непріятелей. Липовцы вмѣстѣ съ наемниками Богемскими и Нѣмецкими двѣ недѣли громили пушками сію ничтожную крѣпость: спѣсны падали; но Салпыковъ, воины его и граждане не слабѣли въ бодрой защитѣ, отразили приступъ, убили множество людей и Воеводу Сокола, опявъ у него знамя. Между тѣмъ Воеводы Московскіе спѣшили къ Опочкѣ: изъ Великихъ Лукъ Князь Александръ Ростовскій, изъ Вязьмы Василій Шуйскій. Впереди были Князь Ѳеодоръ Оболенскій Телпневъ и храбрый мужъ Иванъ Ляпцкій съ Дѣтьми Болгарскими: они близъ Констанцинова спана въ трехъ мѣсяцахъ разбили на голову 14 тысячъ непріятелей и новую рать, посланную Сигизмундомъ къ Оспирожскому; плѣнили Воеводу, взяли обозъ и пушки¹⁶⁰. Наша главная сила шла прямо на Констанцина: онъ не захотѣлъ ждаты ея, сила осадилась скорыми шагами и не могъ спасти тяжельхъ спѣшнобитныхъ орудій, конюшня оспалилась профеями Салпыкова. Россіяне загладили спѣды Оршинской битвы, возложивъ на Констанцина знаменіе бѣглеца, по выраженію одного Лѣтописца.

Октяб. 25. Узнавъ о сей побѣдѣ, Великій Князь дозволилъ Посламъ Сигизмундовымъ шор-

жественно въѣхать въ Москву и приять Г. 1517. ихъ съ удовольствіемъ. »Король« — сказалъ онъ — »предлагаемъ миръ и насупаемъ войною. Теперь мы съ нимъ управились: можемъ выслушать мирныя слова его.« Переговоры начались весьма неизвѣренными требованіями съ обѣихъ сторонъ. Мы хотѣли, чтобы Сигизмундъ Переопдалъ намъ Кіевъ, Вишебскъ, Полоцкъ^{говори о мирѣ.} и другія области Россійскія, вмѣстѣ съ сокровищами и съ Удѣломъ покойной Королевы Елены, казнивъ всѣхъ наглыхъ Липовцевъ, оскорбителей ея чести; а Липовцы хотѣли имѣть не только Смоленскъ, Вязьму, Дорогобужъ, Пушкву, всю землю Сѣверскую, но и половину Новгорода, Пскова, Твери¹⁶¹. »Вопы рѣчи высокія,« сказалъ Баронъ Герберштейнъ: »надобно искать середины, или я захалъ въ Москву бесполезно.« Папы Щипъ и Богунъ объявили наконецъ, что Сигизмундъ согласился возобновить договоръ, заключенный между Великимъ Княземъ Иоанномъ и Королемъ Александромъ въ 1494 году. Посоль Максиміліановъ убѣждалъ Василія уступитъ хотя одинъ Смоленскъ, спавя ему въ примѣръ неизвѣренность славяго Царя Пирра¹⁶², Максиміліана, отдавашаго Венеціанской Респуб-

Г. 1517. бликъ Верону, и самого Великаго Князя
 Иоанна, не хотѣвшаго отнять Казани у
 древнихъ ея Царей. Болре Московскіе,
 умолчавъ о Пиррѣ, отвѣщивали, что
 Императоръ могъ бытъ великодушнѣ
 прошивъ Венеціи, но что великодушіе не
 есть законъ; что Казань была и есть
 въ нашемъ подданствѣ; что Великій Князь
 не имѣетъ обычая успунать свои опчи-
 ны, данныя ему Богомъ и побѣдою. Увѣ-
 ряя въ своемъ безприскрысннн, Гербер-
 штеинъ явно держалъ сторону Липов-
 скихъ пословъ; оправдывалъ Сигизмунда;
 говорилъ, что Василій не долженъ въ-
 рить бѣглецамъ и плѣнникамъ, которые
 приписываютъ разбой Магменъ-Гирея Си-
 гизмундовымъ наущеніямъ; что мысль
 Государева, наслѣдовавъ Удѣлъ Елены,
 прошивна всѣмъ усталамъ; что оскорби-
 шели Королевы могутъ бытъ наказаны,
 если мы умѣримъ иныя требованія, и
 проч. Въ сихъ любопытныхъ прѣніяхъ
 видны искусство и тонкость разума Гер-
 берштеинова, грубость Липовскихъ По-
 словъ и спокойная непреклонность Васи-
 ліева: языкъ Болръ его учтивъ, благо-
 роденъ и доказываетъ образованность ума.
 Спорили много и долго: Смоленскъ былъ
 главнымъ препятствіемъ мира. Пагъ

Щипъ сказалъ: »мы ѣдемъ: Небо казнитъ Г. 1517.
 »виновника кровопролитія.« Не насъ, от-
 вѣщивали Болре. Государь, оппуская
 Пословъ, вспалъ съ мѣста; велѣлъ кла-
 няться Сигизмунду, и въ знакъ ласки
 далъ имъ руку. Все кончилось. Тогда Ба-
 ронъ Герберштеинъ вручилъ Великому
 Князю особенную грамоту Максимилиано-
 ву о Михаилѣ Глинскомъ: Императоръ
 писалъ, что Михаилъ могъ бытъ вино-
 венъ, но уже довольно наказанъ за по не-
 волею; что сей мужъ имѣетъ знамени-
 тельнаго достоинства, воспианъ при Дворѣ
 Вѣнскомъ, служилъ вѣрно ему и Курфир-
 сту Саксонскому; что Василій сдѣлаетъ
 Максимилиану великое удовольствіе, если
 оппуститъ Глинскаго въ Испанію, къ
 его внуку Карлу. Государь не согласился,
 отвѣщивуя, что сей измѣнникъ поло-
 жилъ бы свою голову на плахѣ, если бы
 не изъявилъ желанія принять нашу Вѣру;
 что отецъ и мать его были Греческаго
 Закона; что Михаилъ, въ Италіи легко-
 мысленно присявъ къ Римскому, оду-
 мался, хочеть умереть Христіаниномъ
 Воспочной Церкви и порученъ Митропо-
 литу для наставленія.

Такимъ образомъ Посольство Макси-
 милианово не имѣло никакого успѣха; одна-
 соль-ство .

къ Ма-кожь Герберштейнъ выѣхалъ изъ Москвы
 съ надеждою, что если не миръ, то хотя
 перемиріе оспается возможнымъ между
 воюющими Державами. Великій Князь по-
 слалъ въ Вѣну Дьяка Владимира Племян-
 никова объяснить Императору нашу спра-
 ведливость и претбовать его обѣщаннаго
 содѣйствія въ войнѣ противъ Сигиз-
 мунда¹⁶³. Сей Дьякъ не могъ похвалиться
 учивостію Максимиліана, который ве-
 дѣлъ ему говорить рѣчь сиди, *съ колпакъ*;
 посадилъ и нашего толмача Испому; при
 имени Великаго Князя снималъ шляпу;
 угостилъ ихъ пышно и ѣздилъ съ ними на
 охоту; предлагалъ имъ лучшихъ соколовъ
 въ даръ, и твердилъ, что не имѣеть ни-
 чего завѣтнаго для своего брата, Вели-
 каго Князя. Но сія ласка происходила
 единственно отъ желанія прекратитъ
 войну Липовскую: ибо Максимиліанъ дѣй-
 ствительно замыслилъ тогда воздвигнуть
 всѣхъ Европейскихъ Государей на Султан-
 па, и видя слабость Короля, боялся, что-
 бы Россія не подавила его. «Цѣлосць Ли-
 пшвы» — писалъ онъ къ Великому Маги-
 стру Нѣмецкому — «необходима для блага
 всей Европы: величіе Россіи опасно»¹⁶⁴, —
 Новые Послы Максимиліановы, Совѣтшикъ
 Францискъ да-Колло и Аншоій де-Конти,

прибыли въ Москву съ Племянниковымъ¹⁶⁵, Г.
 чтобы вторично ходатайствовать за Си-
 гизмунда, или, какъ они говорили, за Хри-
 стіанство; съ избыткомъ краснорѣчія
 предсказали каршину Оптоманскихъ за-
 воеваній въ прехъ частяхъ міра, отъ
 Воспора Фракійскаго до песковъ Египет-
 скихъ, Кавказа и Венеціи; описали жало-
 стное рабство Греческой Церкви, матери
 нашего Христіанства; униженіе святыхъ,
 гроба Спасителя, Назарета, Вилсема и
 Синая подъ власнію Магомешанъ; изъ-
 ясняли, что Порпа въ сосѣдствѣ съ на-
 ми чрезъ Тавериду и можетъ скоро на-
 жить тяжкую свою руку на Россію; из-
 образили свирѣность, хитрость, счастье
 Селима, упоеннаго кровію опца и прехъ
 братьевъ, *возжигающаго предъ собою свя-
 тильники отъ тука сердець Христіанскихъ*
 и даващаго себѣ имя *Владыки міра*¹⁶⁶; убѣ-
 ждали Василія, какъ знаменитѣйшаго Ца-
 ря Вѣрныхъ, испити за хоругвию Иисуса;
 наконецъ молили его объявить искренно,
 желаетъ ли или не желаетъ мира съ Ли-
 пшвою, чтобы *не плодитъ ругей* бесполез-
 но? Великій Князь хотѣлъ его, но не хо-
 тѣлъ возвращитъ Смоленска. Послы на-
 чали говорить о перемирії на пять лѣтъ.
 Онъ соглашался, но съ условіемъ освобо-

1518.
 Но-
 вые
 По-
 слы
 отъ
 Им-
 пера-
 шора.

Г. 1518. динь всѣхъ плѣнниковъ: чего не принялъ Сигизмундъ, имѣя ихъ гораздо болѣе, нежели мы. Наконецъ Василій, въ угодность Императору, далъ слово не воевать Литвы въ теченіе 1519 года, если Король также не будетъ безпокоить Россіи, и если Максимилианъ обѣжится послѣ шого вмѣстѣ съ Россіею наспушить войною на Сигизмунда¹⁶⁷. Съ симъ предложеніемъ отправился въ Австрію Великокняжескій Дьякъ Борисовъ. Но Максимилианъ скончался. Василій жалѣлъ объ немъ какъ о своемъ знаменипомъ пріятель, а Сигизмундъ оплакалъ его какъ усерднаго покровителя, въ такое время, когда новые враги возсѣдали на Литву и Польшу.

Смерт. Лепи-ва. Абдыль-Лепифъ, названный пресникомъ Царя Магметъ-Аминя, умеръ въ Москвѣ¹⁶⁸, къ огорченію Великаго Князя: ибо Лепифъ служилъ ему орудіемъ Политики или залогомъ въ отношеніи къ Тавриде и Казани. Но сіе происшествіе имѣло сначала благопріятныя для насъ слѣдствія. Желая завоевать Аспраханъ, Магметъ-Гирей не менѣе желалъ подчинить себѣ и Казань: содѣйствіе Россіи, нужное и для перваго, было еще необходимо для успѣха въ послѣднемъ намѣреніи. И такъ, услышавъ о смерти Лепи-

фа, зная близость Магметъ-Аминева и Г. 1518. назначивъ Казанскій престолъ брату своему, Сайпъ-Гирею, Ханъ обратился къ дружбѣ Великаго Князя. Хотя многіе Вельможи и Царевичи усиленно прошивались сему расположенію; хотя Калга, Ахмапъ-Гирей, нашъ ревностный пріятель, былъ однимъ изъ нихъ злодѣйски убиить: по доброжелательности Россіи, въ числѣ конхъ находился Князь Аппакъ, главный любимецъ Ханскій, превозмогли, и Магметъ-Гирей извѣстивъ Василія, что онъ немедленно пришлетъ въ Москву се- Воз-облю-вленіе го Аппака съ княженцою граматою; что союзъ Крымцы уже воюють Литву; что мы союзя ихъ усердною помощію испребимъ всѣхъ съ Крым-враговъ, если сами окажемъ услугу Хану: мошь. возьмемъ для него Аспраханъ или Кіевъ¹⁶⁹. Не упуская времени, Государь послалъ въ Тавриду Князя Юрья Пронскаго, а съ Г. 1519. нимъ Дворянина Илью Челищова, весьма угоднаго Царю. Они впрѣшили Аппака, кошорый дѣйствительно привезъ въ Москву Шершную грамоту Ханскую, написанную слово въ слово по данному ошъ насъ образцу, въ шомъ смыслѣ, что-бы Великому Князю и Магметъ-Гирею соединить оружіе прошивъ Литвы и послѣдниковъ Ахмашовыхъ. Въ описаніи

Г. 1519. сего Посольства замѣнимъ нѣкоторыя любопытныя черты. Аппакъ явился въ чамъ и не хотѣлъ снимать ее предъ Василиемъ. «Что значить такая новость?» спросили наши Бояре: «ты Князь, однакожь не Азейскаго рода, не *Мольникъ*¹²⁰, ни никогда не бывалъ въ Меккѣ.» Аппакъ изъяснилъ, что Магметъ-Гирей дозволилъ ему вѣхать къ Магометову гробу, и въ знакъ сего украсилъ его голову знаменіемъ правовѣрія. Посоль и чиновники Московскіе преклонили колѣна, говоря другъ другу именемъ своихъ Государей¹²¹. Онъ *здоровствовался* съ Великимъ Княземъ и спалъ на колѣна, чтобы отданы Ханскія письма. Союзъ утвердился присягою. Харпія Шерпиная лежала на столѣ подъ крестомъ: Василій сказалъ: «Аппакъ! на сей грамотѣ вклянуся моему брату, Магметъ-Гирею, «дружить его друзьямъ, враждовать неприятелямъ. Тышь не упоминается объ Аспрахани; но даю слово вмѣстѣ съ нимъ объявить ей войну.» Государь поцѣловалъ крестъ, взявъ письменное обязательство съ Аппака въ вѣрности Магметъ-Гирей.

Смерт. Между тѣмъ судьба Казани рѣшилась не такъ, какъ думалъ Ханъ. Магметъ-Аминъ въ ужасныхъ мукахъ закрылъ гла-

за навѣки: исполняя волю его и свой пор- Г. 1519.
жественный обѣтъ, Уланъ и Вельможи Казанскіе требовали новаго Царя отъ руки Василія¹²², давно знавшаго мысль Хава Крымскаго, но планвшаго свою. Настало время или угодить Магметъ-Гирею, или сдѣлать величайшую досаду. Василій не колебался: какъ ни желалъ союза Тавриды, но еще болѣе опасался усиленія Хана, который въ надменности властолюбія замыслилъ, подчиненіемъ себя Аспрахани и Казани, возстановить Царство Батыево, споль ужасное въ памяти Россіянъ. Одинъ безумный варваръ могъ въ такомъ случаѣ ждать ихъ услугъ и содѣйствій: не брату, а злодѣю Магметъ-Гирееву Василій готовилъ престолъ въ Казани, и послалъ гнуда Тверскаго Дворец-Шигъ-Каго, Михайла Юрѣва, объявить жише-Алей-Ца-лямъ, что даетъ имъ въ Цари юнагоремъ Шигъ-Амелъ, внука Ахматова, который^{въ Ка-зани} переѣхалъ къ Иоанну съ опцемъ своимъ, Шигъ-Авлеаромъ, изъ Аспрахани, и, къ неудовольствію Магметъ-Гирей, владѣлъ у насъ городкомъ Мещерскимъ. Вельможи и народъ, изъявивъ благодарность, прислали въ Москву знатныхъ людей за Шигъ-Алеемъ. Димитрій Бѣльскій отпра- вился съ ними и съ новымъ Царемъ въ

Г. Казань, возвелъ его на престолъ, взявъ
1519. съ народа клятву въ вѣрности къ Госу-
дарю Московскому. Всѣ были довольны,
и Шигъ-Алей, воспитанный въ Россіи,
искренно преданный Великому Князю,
какъ единственному своему покровителю,
не имѣлъ иной мысли, кромѣ той, что-
бы служилъ ему усердно въ качествѣ
присяжника.

Сіе дѣлалось во время бытности Ап-
пака въ Москвѣ, и хопя не помѣшало за-
ключенію союза съ Тавридою, однакожь
произвело объясненій. Посоль съ удивле-
ніемъ спросилъ, для чего Василій, другъ
его Царя, опдалъ Казань внуку ненавист-
наго Ахмана? »Развѣ нѣтъ у насъ Царе-
вичей?» сказалъ онъ: »развѣ кровь Ордин-
ская лучше Менгли-Гиревой? Впрочемъ
я говорю только отъ своего имени, уга-
дывая мысли Хана»¹⁷³. Василій увѣрялъ,
что онъ думалъ возвести брата или сы-
на Магметъ-Гиреева на сіе Царство, но
что Казанскіе Вельможи непременно пре-
бывали Шигъ-Алей, и если бы воля ихъ
не исполнилась, то они взяли бы себѣ
Царя изъ Ногаевъ или Астрахани, слѣд-
ственно опаснаго непріятеля Россіи. Ап-
пакъ замолчалъ, и скоро пришла въ Мо-
скову желанная вѣсть, что Ханъ уже дѣй-

ствуетъ какъ нашъ ревностный союз- Г.
никъ; что съшъ его, Калга Богатырь, со- 1519.
вѣтъ нечаянно вступивъ въ Литву съ ^{Крым-}сѣчи
тридцатью тысячами, огнемъ и мечемъ ^{опу-}
опустошилъ Сигизмундовы владѣнія ^{сто-}
не до самаго Кракова, на голову ^{опу-}разбилъ ^{сто-}
Гешмана, Конешапина Острожскаго, плѣ- ^{юсть}
нилъ 60,000 жителей, умертвилъ еще бо- ^{Литву.}
льше и возвратился съ торжествомъ счастли-
ваго разбойника, покрытый кровію
и пепломъ¹⁷⁴. Доказавъ такимъ образомъ
Королю, что мнимый союзъ варваровъ
бываетъ хуже явной вражды (ибо произ-
водитъ оплошность), Магметъ-Гирей го-
повиленъ доказашъ сію истину и Велико-
му Князю; но еще около двухъ лѣтъ пред-
ставлялъ лице нашего друга. Аппакъ вы-
ѣхалъ изъ Москвы весьма довольный ми-
лостію Государя, и новый Посоль Рос-
сійскій, Болринъ Федоръ Клементьевъ, за-
ступилъ въ Тавридѣ мѣсто Князя Прон-
скаго¹⁷⁵. Зная, сколь Магметъ-Гирей бо-
ится Султана, Василій отправилъ въ
Царьградъ Дворянина Голохваснова съ
письмомъ къ Селиму, изъявляя сожалѣніе,
что онъ долго не шлетъ къ намъ впо-
раго, обѣщаннаго имъ Посольства для за-
ключенія союза, который могъ бы обу-
зывать Хана, ужасая Литву съ Поль-

Г. шею¹⁷⁶. Голохвасовъ имѣлъ еще тайное порученіе видѣться въ Константинополь съ Гемметомъ Царевичемъ, сыномъ убишаго въ Тавридѣ Калги Ахмана. Посылалъ слухъ, что Султанъ мыслилъ дать ему Крымское Ханство¹⁷⁷; а какъ отецъ его любилъ Россію, то Великій Князь надѣялся и на дружбу сына. Голохвасовъ долженъ былъ предложить Геммету покровительство Василіево, вѣрное убѣжище въ Москвѣ, Удѣль и жалованье. Гемметъ, непримиримый врагъ своего дяди, Магметъ-Гирея, могъ и въ изгнаніи быть намъ полезенъ, имѣлъ связи и друзей въ Тавридѣ: нѣмъ болѣе надлежало искать въ немъ пріязни, если милость Султанская готовила для него Ханство. — Посолъ нашъ возвратился благополучно. Гемметъ не сдѣлался Ханомъ, не пріѣхалъ и въ Россію; но Селимъ, написавъ къ Василю ласковый отвѣтъ, въ доказательство истинной къ нему дружбы велѣлъ своимъ Пашамъ перевозить Королевскія владѣнія¹⁷⁸; подтвердилъ также условія свободной торговли между обѣими державами¹⁷⁹.

Изумленный нападеніемъ Магметъ-Гирея, Сигизмундъ узналъ, что и присяжникъ его Албрехтъ, Магистръ Нѣмецкаго

Ордена, въ слѣдствіе заключеннаго имъ Г. договора съ Россією, готовился къ вой-¹⁵¹⁹нѣ. Долго сей искренній союзъ не имѣлъ своего дѣйствія отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, Папа, Леонъ X, убѣждалъ Магистра не только оспаривать въ мирѣ съ^{шенія} Королемъ, но и быть посредникомъ между^{Магистромъ} имъ и Россією, предлагая ему главное Во-^{Нѣ-}водство въ Христіанскомъ всенародномъ^{мѣ-} ополченіи, коему надлежало собраться^{къ} подъ знаменами Вѣры, чтобы смирить^{Па-} гордость Султана. Сей Папа, славный въ^{шю.} Исторіи любовью къ Искусствамъ и Наукамъ гораздо болѣе, нежели Паспѣрскою ревностію и государственнымъ благоразуміемъ, представлялъ чрезъ Магистра и Великому Князю, что Константинополь есть законное наслѣдіе Россійскаго Монарха, сына Греческой Царевны; что здравая Политика великимъ намъ примириться съ Литвою, ибо *время воюетъ* сію Державу, и Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдниковъ; что смерть его разрушитъ связь между Литвою и Польшею, которая безъ сомнѣнія изберутъ тогда разныхъ Владѣтелей и несогласіемъ ослабѣютъ; что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы спянемъ на первой ступени Державъ Европейскихъ, если, соединясь

Г. съ ними пропивъ Опшомановъ, соединим-
 1519. ся и Вѣрою; чю Церковь Греческая не
 имѣеть Главы; чю древняя сеспра ея,
 Церковь Римская, возвыситъ нашего Ми-
 шрополнпа въ санъ Патрiарха, утвер-
 дитъ грамотою всѣ *добрыя* наши обы-
 чаи, безъ малѣйшей перемѣны и ново-
 стей; чю онъ (Папа) желаетъ украсить
 главу непобѣдимаго Царя Русскаго вѣн-
 цемъ Царя Христіанскаго, безъ всякаго
 мiрскаго возмездiя или прибытка, един-
 ственно во славу Божию¹⁸⁰. Василій, какъ
 пишущъ, негодовалъ на Леона за то, чю
 онъ торжественно праздновалъ въ Римѣ
 побѣду Сигизмундову въ 1514 году, объ-
 ливъ насъ ерелпиками¹⁸¹; однакожь сей
 благоразумный Государь ошвѣспивовалъ
 Магиспру, чю ему весьма прiятно ви-
 дѣтъ доброе къ намъ расположеніе Папы
 и бытъ съ нимъ въ дружественныхъ сно-
 шенiяхъ по государственнымъ дѣламъ
 Европы; но чю касается до Вѣры, то
 Россія была, есть и будетъ Греческаго
 Исповѣданiя во всей чистотѣ и непри-
 косновенности онаго¹⁸². Повѣренный Лео-
 новъ въ Краковѣ и въ Кенигсбергѣ, Мо-
 нахъ Николай Шонбергъ, желалъ ѣхать
 и въ Москву: Великій Князь обѣщаль при-
 нять его милосшиво, и дозволилъ Папѣ

имѣтъ черезъ Россію сообщеніе съ Ца- г. г.
 ремъ Персидскимъ¹⁸³. Второю виною Ал- 1519.
 брехпвой медленности былъ недоспа-
 токъ въ деньгахъ: онъ шребовалъ ста
 тысячъ гривенъ серебра отъ Великаго
 Князя, чюобы нанять воиновъ въ Герма-
 нiю; но Великій Князь, опасался испо-
 щитъ казну свою бесполезно, ошвѣш-
 сивовалъ: «возьми прежде Данцигъ, и
 «вспуни въ Сигизмундову землю,» а Ма-
 гиспиръ говорилъ: «не могу ничего сдѣ-
 «лать безъ денегъ.» По желанію Албрехта,
 Василій написалъ дружественныя грамо-
 ты къ Королю Французскому и Нѣмец-
 кимъ Избирашелямъ или Курфирсамъ,
 убѣждал ихъ вспуниться за Орденъ, ушѣ-
 сняемый Польшею, и совѣщовалъ Князьмъ
 Германiи избрать такого Императора,
 которъ могъ бы сильною рукою защи-
 щитъ Христіанство отъ невѣрныхъ и
 ревноситѣ Максимилиана кровопиель-
 ствовать славное Рыцарство Нѣмецкое¹⁸⁴.
 Послы Магиспровы были чешими въ
 Москвѣ, наши въ Кенигсбергѣ: Албрехтъ
 самъ ходилъ къ нимъ для переговоровъ,
 сажалъ ихъ за обѣдомъ на свое мѣсто,
 не хотѣлъ слушать *поклоновъ* отъ Вели-
 каго Князя, называя себя недосшойнымъ
 такой высокой чести; приказывалъ къ

Г. 1519. нему *поклоны до земли*; училъ Нѣмцевъ языку Русскому¹⁸⁵; говорилъ съ умиле-ніемъ о благодарѣніяхъ, ожидаемыхъ имъ отъ Россіи для Ордена знаменитаго, хотя и несчастнаго въ угнетеніи; объявилъ Государю всѣхъ своихъ тайныхъ союзниковъ, и въ числѣ ихъ Короля Данскаго, Архіепископа Майнцаго, Кельнскаго, Герцоговъ Саксонскаго, Баварскаго, Брауншвейгскаго и другихъ; увѣрялъ, что Папа Леонъ будетъ за насъ, если Сигизмундъ опровергнетъ миръ справедливый; въ порывѣ ревности даже не совѣпывалъ Василию мириться, чинобы Литва, находясь тогда въ обеспокоительствѣхъ затруднительныхъ, не имѣла времени опдохнуть¹⁸⁶. Великій Князь не сомнѣвался въ усердіи Магистра, но сомнѣвался въ его силахъ, наконецъ послалъ ему серебра на 14,000 червонцевъ для содержанія тысячи наемныхъ ратниковъ¹⁸⁷, къ удивленію Магистра Ливонскаго, Пленштенберга, котораго смѣялся надъ легковѣріемъ Албрехта, говоря: «я живу въ сосѣдствѣ съ Россіянами и знаю ихъ обычаи; сулятъ много, а не даютъ ничего»¹⁸⁸. Узнавъ же, что серебро привезли изъ Москвы въ Ригу, онъ вскочилъ съ мѣсна, сплелъ руками и сказалъ: «чудо! Богъ явно помо-

гаетъ Великому Магистру!» Слыша, что Г. Албрехтъ дѣйствительно вызывалъ къ себѣ 10,000 ратниковъ изъ Германіи и всѣми силами ополчается на Короля; свѣдавъ, что война уже открылась между ними (въ концѣ 1519 года) Великій Князь еще отправилъ значную сумму денегъ въ Пруссію¹⁸⁹, желая Ордену счастья, славы и побѣды.

Между тѣмъ Россія и сама бодро дѣйствовала оружіемъ. Московская дружина, Новгородцы и Псковитяне осаждали въ 1518 году Полоцкъ; но голодъ принудилъ ихъ опустить: не малое число Дѣшей Болрекихъ, гонимыхъ Липовскимъ Паномъ Волинцемъ, ушонуло въ Двинѣ. Въ Августѣ 1519 года Воеводы наши, Князя Василій Шуйскій изъ Смоленска, Горбашый изъ Пскова, Курбскій изъ Спародуба ходили до самой Вильны и далѣе, опустошная, какъ обыкновенно, всю землю; разбили нѣсколько опрядовъ и шли прямо на большую Липовскую рать, которая спояла въ Кревѣ, но удалась за Лоскъ, въ мѣсна тѣсныя и непроходимыя¹⁹⁰. Россіяне удовольствовались добычею и плѣномъ, несмѣннымъ, какъ говорятъ Липовицеи. Другіе Воеводы Московскіе, Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ

Г. 1519. съ сильною Татарскою конницею приступали къ Вишбеку и Полоцку, выжгли предмѣстія, взяли вѣншія укрѣпленія, убили множество людей¹⁹¹. Трѣпья рать подъ начальствомъ Θεолора Царевича, крепчайшаго племянника Алегамова, также громила Лишву¹⁹². Польза сихъ нападеній состояла единственно въ разореніи непріятельской земли: Магистръ совѣщивалъ намъ предпріять важнѣйшее: сперва завоевать Самогитію, открытую, беззащитную и богатую хлѣбомъ; а послѣ итти въ Мазовію, гдѣ онъ хотѣлъ соединиться съ Россійскимъ войскомъ, чтобы ударить на Короля въ сердце его владѣній, въ самое по время, когда наемные Нѣмецкіе полки, идущіе къ Вислѣ, устремляшся на него съ другой стороны¹⁹³.

Положеніе Сигизмундово казалось весьма бѣдственнымъ. Не только война, но и язва опустошала его Державу¹⁹⁴. Лучшее Королевское войско состояло изъ Нѣмцевъ и Богемскихъ Славянъ: они, послѣ неудачнаго приступа къ Опочкѣ, съ досадою ушли во свояси, и говорили столь обидныя для Сигизмунда рѣчи, что единосемцы ихъ уже не хотѣли служить ему¹⁹⁵. Лавры славнаго Гетмана, Константина, увяли. Города Литовскіе стоя-

ли среди усѣянныхъ пепломъ снѣговъ, гдѣ скитались шолмами бѣдные жители деревень, сожженныхъ Крымцами или Россіанами. Но счастье впрочемъ спасло Сигизмунда¹⁹⁶. Онъ не терялъ бодрости; искалъ мира, не отказываясь отъ прежнихъ требованій, и заключилъ въ Москвѣ, Г. 1520. чрезъ Пана Делюшевича, только перемиріе на шесть мѣсяцевъ¹⁹⁷: дѣйствовалъ въ Тавриду убѣжденіями и подкупомъ; укрѣплялъ границу противъ насъ, и всѣми силами напустилъ на Магистра, слабѣйшаго, однакожь весьма опаснаго врага, который имѣлъ тайныя связи въ Нѣмецкихъ городахъ Польши, зналъ ея способы, важныя мѣстныя обстоятельства, и могъ давать гибельныя для нее совѣты Великому Князю. Албрехтъ предводительствовалъ не тысячами, а сотнями, ожидал серебра изъ Москвы и воиновъ изъ Германіи; сражался мужественно, успевалъ многочисленности непріятелей и едва защитилъ Кенигсбергъ, откуда Посоль нашъ долженъ былъ для безопасности выѣхать въ Мемель¹⁹⁸. Наемники Ордена, 13,000 Нѣмцевъ, дѣйствительно явились на берегахъ Вислы, осадили Данцигъ, но разсѣялись, не имѣя съѣстныхъ запасовъ, ни вѣсней отъ Магистра. Воеводы Коро-

Сла-
босиъ
Нѣ-
мецка-
го Ор-
дена.

Г. 1520. Левскіе взяли Маріенвердеръ, Голландъ, и заставили Албрехта просить мира¹⁹⁹.

Но главнымъ Сигизмундовымъ счастиемъ была измѣна Казанская съ ея злодѣями для насъ послѣдствіями. Если Злоба Магметъ-Гирей на Василіа. Ханъ Крымскій, свѣдавъ о воцареніи Шигъ-Алея, не вдругъ съ огнемъ и мечемъ устремился на Россію: по сіе происходило отъ боязни досадить Султану, коего отъицъ была благосклонность къ Великому Князю была ему известна. Селимъ, гроза Азіи, Африки и Европы, умеръ: немедленно отправился въ Константинополь Посолъ Московскій, Третьякъ Губинъ, привѣтствовалъ его сына, Герола Солимана, на провъ Опшоманскомъ²⁰⁰, и новый Султанъ велѣлъ объявить Магметъ-Гирею, чѣобы онъ никогда не смѣлъ беспокоить Россіи²⁰¹. Тщетно Ханъ старался уничтожить сію дружбу, основанную на взаимныхъ выгодахъ торговли, и внушалъ Солиману, что Великій Князь ссылается съ злодѣями Порты, даетъ Царю Персидскому огнеспрѣльный снарядъ и пушечныхъ художниковъ, искореняетъ Вѣру Магометанскую въ Казани, разоряетъ мечети, славить церкви Христіанскія²⁰². Мы имѣли усердныхъ доброжелателей въ Пашахъ Азовскомъ и Кафинскомъ: утвер-

Г. 1521. По-солство къ Султану.

ждаемый ими въ пріязни къ намъ, Султанъ не вѣрилъ клеветамъ Магметъ-Гирей, который лзыкамъ разбойника сказалъ ему наконецъ: «чѣмъ же буду сытъ и одѣтъ, если запретишь мнѣ воевать Московскаго Князя»²⁰³? Готовясь покорить Венгрію, Солиманъ желалъ, чѣобы Крымцы опустошали земли ея союзника Сигизмунда; но Ханъ уже возобновилъ дружбу съ Литвою. Еще назывался *братомъ* Магметъ-Гиреевымъ, Великій Князь вдругъ услышалъ о бунтѣ Казанцевъ²⁰⁴. Года три Шигъ-Алей царствовалъ спокойно и тихо, ревностно исполняя обязанности нашего присяжника, угождая во всемъ Великому Князю, оказывая совершенную довѣренность къ Россіянамъ и холодность къ Вельможамъ Казанскимъ: слѣдственно не могъ быть любимъ подданными, которые только боялись, а не любили насъ, и съ неудовольствіемъ видѣли въ немъ слугу Московскаго. Самая паружность Алеева казалась имъ противополою, изображая склонность къ низкимъ, чувственнымъ наслажденіямъ, несогласнымъ съ доблестію и мужествомъ: онъ имѣлъ необыкновенно полное, отвислое брюхо, едва замѣтную бороду и лице женское²⁰⁵. Его добродушіе называли слабо-

Г. 1521.

Бунтъ въ Казани.

Г. 1521. спію: п'ямъ болѣе жаловались, когда онъ, подвигнувшись усердіемъ къ Россіи, называлъ злыхъ совѣтниковъ, предлагавшихъ ему опуступить онъ Великаго Князя по примѣру Магметъ-Аминя²⁰⁶. Такое общее расположеніе умовъ въ Казани благопріимчивовало проискать Магметъ-Гирей, который обѣщаль ея Князьямъ полную независимость, если они возьмутъ къ себѣ въ Цари брата его Саина и соединялися съ Тавридою для возстановленія древней славы Чингисова потомства. Успѣхъ сихъ тайныхъ сношеній открылся весною въ 1521 году: Саинъ-Гирей съ полками явился предъ стѣнами Казацкими, безъ сопротивленія вступилъ въ городъ и былъ признанъ Царемъ: Алей, Воеводу Московскаго Карпова и Посла Великокняжескаго, Василія Юрьева, взяли подъ спражу, всѣхъ нашихъ купцевъ ограбили, заключили въ пещицы; однакожь не умерщвили ни одного человека: ибо новый Царь хотѣлъ показати умѣренность; объявилъ себя покровителемъ сверженнаго Шигъ-Алея, уважая въ немъ кровь Тохтамышеву; далъ ему волю ѣхать съ своею женою въ Москву, коней и проводника; освободилъ и Воеводу Карпова²⁰⁷. Немедленно ославивъ Казань, Алей встрѣ-

пилися въ степяхъ съ нашими рыболовами, которые лѣтомъ обыкновенно жили на берегахъ Волги, у Девичьихъ горъ²⁰⁸, и тогда бѣжали въ Россію, испуганные возмущеніемъ Казанцевъ: онъ вмѣстѣ съ ними имѣлъ запасомъ сушеной рыбы, правую, кореньями; терпѣлъ голодь, и едва могъ достигнуть Россійскихъ предѣловъ, откуда путешествіе его до столицы было уже какъ бы торжественнымъ: вездѣ чиновники Великокняжескіе ждали Царя-изгнанника съ привѣтствіями и съ брашномъ, а народъ съ изъявленіемъ усердія и любви. Всѣ Думные Бояре выѣхали къ нему изъ Москвы на встрѣчу. Самъ Государь на лѣсницѣ дворца обнялся съ нимъ дружески. Оба плакали. «Хвала всевышнему!» сказалъ Василій: «мы живы: всего довольно»²⁰⁹. Онъ благодарилъ Алей именемъ опечесива за вѣрность; угѣшалъ, осыпалъ дарами; обѣщаль ему и себѣ управу: но еще не успѣлъ предпріять месни, когда плуча варваровъ нашла на Россію.

Пехнививъ Казань изъ нашихъ рукъ, Магметъ-Гирей не терпѣлъ времени въ бездѣйствіи: хотѣлъ укрѣпить ее за своимъ братомъ, и для того сильнымъ ударомъ потрясти Василіеву Державу; воору-

Г. жилъ не только всѣхъ Крымцевъ, но под-
 1521. нялъ и Ногаевъ; соединился съ Ашмапомъ
 Нана- Козяковъ Липовскихъ, Евстафіемъ Дашко-
 делие Маг- вичемъ, и двинулся такъ скоро къ Мо-
 метъ- сковскимъ предѣламъ, что Государь едва
 Гирея успѣлъ выслать рать на берега Оки, да-
 и Ка- бы удержать его стремленіе. Главнымъ
 зап- цевъ и Рос- Воеводою былъ юный Князь Димитрій
 сіо. Бѣльскій; съ нимъ находился и меньшій
 братъ Государевъ, Андрей: они въ без-
 разсудной надменности не совѣповались
 съ мужами опышными, или не слушались
 ихъ совѣповъ; спали не тамъ, гдѣ над-
 лежало; перепустили Хана чрезъ Оку,
 сразились не во-время, безъ устроивша,
 и малодушно бѣжали. Воеводы Князь Вла-
 диміръ Курбскій, Шереметевъ, двое За-
 мятнинныхъ, положили свои головы въ
 несчастной битвѣ. Князя Феодора Обо-
 ленскаго-Лопату взяли въ плѣнъ. Великій
 Князь ужаснулся, и еще гораздо болѣе,
 свѣдавъ, что другой непріятель, Саинъ-
 Гирей Казанскій, отъ береговъ Волги инак-
 же идетъ къ нашей столицѣ²¹⁰. Снъ два
 Царя соединились подъ Коломною, опу-
 стошая всѣ мѣста, убивая, плѣняя лю-
 дей тысячами, оскверняя святыню хра-
 мовъ, злодѣйствуя, какъ бывало въ спа-
 рину при Башыѣ или Толпамышѣ. Та-

пары сожгли монастырь Св. Николая Г.
 на Угрьшѣ и любимое село Василіево, 1521.
 Осипровъ, а въ Воробьевѣ пили медь изъ Ве-
 ликокняжескихъ погребовъ, смолпя на
 Москву. Государь удалился въ Волокъ со-
 бирающъ полки, ввѣривъ оборону столицы
 злищу, Царевичу Пешру, и Болрамъ²¹¹. Все
 трепещало. Ханъ 29 Юля, среди облаковъ
 дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревьевъ,
 споялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ
 Москвы, куда спекались жители окрест-
 носпей съ ихъ семействами и драгоцен-
 нѣйшимъ имѣніемъ. Улицы заперлись обо-
 зами. Пришельцы и граждане, жены, дѣ-
 ти, спарцы, искали спасенія въ Кремлѣ,
 пѣснились въ воропахъ, давили другъ
 друга. Митрополишъ Варлаамъ (преемникъ
 Симоновъ) усердно молился съ народомъ:
 Градоначальники распорядили защиту,
 всего болѣе надѣясь на искусство Нѣмец-
 каго пушкаря, Никласа. Снарядъ огне-
 стрѣльный могъ дѣйствительно спасти
 крѣпость; но былъ недостатокъ въ по-
 рохѣ. Опыкрылось и другое бѣдствіе:
 ужасная пѣснопа въ Кремлѣ грозила не-
 минуемою заразою. Предвидя худыя слѣд-
 ствія, слабые начальники вздумали — пакъ
 повѣснуетъ одинъ чужеземный, совре-
 менный Испорикъ²¹², обезоруживъ Хана

Г. Магметъ-Гирей богатыми дарами: отпра-
 1521. вили къ нему Посольство и бочки съ
 крѣпкимъ медомъ. Опасаясь и нашего вой-
 ска и неприсутственныхъ для него Москов-
 скихъ укрѣпленій, Ханъ согласился не
 превожипъ столицы и мирно иппи во-
 сволси, если Великій Князь, по уставу
 древнихъ временъ, обяжется грамопою
 плащипъ ему дань. Едва ли самъ варваръ
 Магметъ-Гирей считалъ шакое обязашель-
 ство дѣйствительнымъ: върояшнѣе, что
 онъ хотѣлъ единственно унизишъ Васи-
 лія и засвидѣльствовать свою побѣду
 споль обиднымъ для Россіи договоромъ.
 Върояшно и то, что Бояре Московскіе
 не дерзнули бы дашъ сей грамоты безъ
 вѣдома Государева: Василій же, какъ ви-
 дно, боялся временнаго стыда менѣе, не-
 жели бѣдствія Москвы, и предпочелъ ея
 мирное избавленіе славнымъ опасностямъ
 кровопролитной, невѣрной битвы. На-
 писали харіпю, скрѣпили Великокняже-
 скою печашью, вручили Хану, которій
 немедленно отступилъ къ Рязани, гдѣ
 спанъ его имѣлъ видъ Азіатскаго шор-
 жища: разбойники сдѣлались купцами, за-
 ли къ себѣ жителей, увѣряли ихъ въ без-
 опасности, продавали имъ свою добычу
 и плѣнниковъ, изъ коихъ многіе даже безъ

выкупа уходили въ городъ. Сіе было хи- Г.
 1521. простію. Атаманъ Липовскій, Евстафій
 Дашковичъ, совѣповалъ Магметъ-Гирею
 обманомъ взять крѣпость: къ счастью,
 въ ней бодрешивовалъ Околыпчій, Хабаръ
 Симскій, сынъ Іоаннова Воеводы, Василія
 Образца, мужъ опытный, благоразумный,
 спасшелъ Нижняго Новгорода²¹⁵. Ханъ, Ха-
 желая усыпипъ его, послалъ къ нему Мо-
 сковскую грамоту, въ удостовѣреніе, что
 война кончилась, и что Великій Князь
 призналъ себя данникомъ Крыма; а между
 шѣмъ непріятельскія толпы шли къ крѣ-
 постпи, будто бы для опысканія своихъ
 бѣглецовъ. Симскій, исполняя уставъ че-
 сти, выдалъ имъ всѣхъ плѣнниковъ, уккры-
 вавшихся въ городъ, и заплашилъ 100 ру-
 блей за освобожденіе Князя Феодора Обо-
 ленскаго; но число Липовцевъ и Татаръ
 непрестанно умножалось подъ стѣнами,
 до самаго того времени, какъ Рязанскій
 искусный пушкарь, Нѣмецъ Іорданъ, од-
 нимъ выстрѣломъ положилъ ихъ множе-
 ство на мѣснѣ: оспальные въ ужасѣ раз-
 сѣялись. Коварный Ханъ притворился
 изумленнымъ: жаловался на сіе непрі-
 ятельское дѣйствіе; требовалъ головы
 Іордановой, спрашалъ меснню, но спѣ-
 шиль удалиться, ибо свѣдалъ о впадѣніи

Г.
1521.Хабаръ
Симскій
спас-
шилъ
Рязань и
честь
Вели-
каго
Кня-
зя.

г. Астраханцевъ въ его собственные предѣлы²¹⁴. Торжество Симскаго было совершенно: онъ спасъ не только Рязань, но и честь Великокняжескую: постыдная хартія Московская осталась въ его рукахъ. Ему дали послѣ санъ Болрина, и — что еще важнѣе — внесли описаніе споль знаменитой услуги въ Книги Розрядныя и въ Родословныя на память вѣкамъ²¹⁵.

Сіе нашествіе варваровъ было самымъ несчастливѣйшимъ случаемъ Василіева государствованія. Предавъ огню селенія, опъ Нижняго Новгорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки, они плѣнили немѣтное число жителей²¹⁶, многихъ знатныхъ женъ и дѣвицъ, бросая грудныхъ младенцевъ на землю; продавали невольниковъ толпами въ Кафъ, въ Астрахань; слабыхъ, преспарѣлыхъ морили голодомъ: дѣти Крымцевъ учились надъ ними искусству лзвншь, убивать людей. Одна Москва славилась свое, по мнѣнію народа, сверхъ-естественное спасеніе: рассказывали о явленіяхъ и чудесахъ²¹⁷; устали особенный крестный ходъ въ монастырь Срѣшенія, гдѣ мы донынѣ три раза въ годъ благодаримъ Небо за избавленіе сей древней столицы опъ Тамерланова, Ахмапова и Магметъ-Гиреева на-

паденія²¹⁸. Великій Князь, возвращаясь, изъ-г. лвилъ признашельность Нѣмецкимъ чи-1521. повникамъ огнестрѣльнаго снаряда, Никласу и Иордану²¹⁹; но велѣлъ судить Вое-Судъ водъ, которые пустили Хана въ сердце Вое-водъ. Россіи. Всѣ упрекали Бѣльскаго безразсудностію и малодушіемъ; а Бѣльскій слагалъ вину на брата Государева, Андрея, который, первый показавъ пылъ непріятелю, увлекъ другихъ за собою. Василій, щадя брата, наказалъ люлько одного Воеводу, Князя Ивана Воропынскаго, мужа весьма опытнаго въ рапномъ дѣлѣ и дополь всегда храбраго. Вина его, кажешся, состояла въ томъ, что онъ, будучи оскорбленъ надменностію Бѣльскаго, съ пайнымъ удовольствіемъ видѣлъ ошибки сего юнаго Полководца, жерпвовалъ самолюбію опечествомъ и не сдѣлаалъ всего возможнаго для блага Россіи: преступленіе важное и тѣмъ менѣе извинительное, чѣмъ труднѣе уличить виновнаго! Лишенный своего помѣстья и сана, Князь Воропынскій долгое время сидѣлъ въ заключеніи: былъ послѣ освобожденъ, ѣздилъ ко Двору, но не могъ выѣхать изъ столицы²²⁰.

Скоро пришло въ Москву извѣстіе о новомъ грозномъ для насъ замыслѣ Хана:

Онъ велѣлъ объявить на прехъ торгоухъ, въ Перекопи, въ Крымъ, въ Кафъ и въ другихъ мѣстахъ, чѣобы его Уланы, Мурзы, воины не слагали съ себя оружя, не разсѣдывали коней и готовились вѣпорично итти на Россію²²¹. Татары не любили воевать въ зимнее время, безъ подножнаго корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибылъ и самъ Великій Князь. Никогда Россія не имѣла лучшей конницы и споль многочисленной пѣхоты. Главный станъ, близъ Коломны, уподоблялся обширной крѣпости, подъ защитою огнеспрѣльнаго снаряда, котораго мы прежде не употребляли въ полѣ²²². Сказываютъ, что Государь, любуясь прекраснымъ войскомъ и станомъ, послалъ вѣспника къ Магмешъ-Гирею съ такими словами: «Вѣроломно нарушивъ миръ и союзъ, шы, въ видѣ разбойника, душегубца, зажигальщика, напалъ нечаянно на мою землю. Имѣешь ли бодрость воинскую? иди теперь: предлагаю тебѣ честную бившу въ полѣ.» Ханъ отвѣтствовалъ, что ему извѣсны пуши въ Россію и время удобное для войны; что онъ не спрашиваетъ у непріятелей, гдѣ и когда сражаться²²³. Лѣтню проходило: Магмешъ-Гирей не являлся. Въ Августѣ Государь возвратился въ

Г.
1522
Стать
подъ
Коло-
мною.

Москву, гдѣ Солимановъ Посоль, Князь Мангупскій, Скиндеръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ его, прѣхавъ изъ Константинополя вмѣстѣ съ Третьякомъ-Губинымъ²²⁴.

Г.
1522.
По-
сылъ
Соли-
ман-
новъ.

Послу оказали великую честь: Государь всмалъ съ мѣста, чѣобы спросить у него о здравіи Султана; далъ ему руку и велѣлъ сѣсть подлѣ себя²²⁵. Не лѣзя было писать ласковѣе, какъ Солиманъ писалъ къ Василю, своему вѣрному пріятелю и доброму сосѣду, увѣряя, что желаетъ бытъ съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ и въ братствѣ; но Скиндеръ говорилъ единственно о дѣлахъ торговыхъ, и купивъ нѣсколько драгоценныхъ мѣховъ, уѣхалъ²²⁶. — Не теряя надежды пріобрѣсти дѣшительный союзъ Опшоманской Имперіи, Василій еще посылалъ въ Константинополь ближняго Дворянина, Ивана Морозова, съ дружесственными грамотами; однакожь не велѣлъ ему объявлять условій, на коихъ мы желали заключить письменный договоръ съ Поршою: ибо Великому Князю, по обыкновенной гордости новаго Россійскаго Двора, хотѣлось, чѣобы Султанъ прислалъ для него собственнаго Вельможу въ Москву²²⁷. Сей опытъ былъ послѣднимъ съ нашей спо-

Г. роны: Солиманъ довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чинобы Россія могла искренно содѣйствовать Ошиномамъ въ покореніи Христіанскихъ Державъ, и еще менѣе думая быти орудіемъ нашей особенной Полиники; стѣсяя Венгрію, завоевавъ Родось, готовясь устремиться на Мальпу, онъ претовалъ опъ насъ мира, поваровъ, и ничего болѣе.

Если бы Сигизмундъ въ одно время съ Магметъ - Гиремъ и съ Казанскимъ Царемъ напалъ на Россію, то Великій Князь увидѣлъ бы себя въ крайности, и поздно бы узналъ, сколь судьба Государствъ бываеиъ испостолна, вопреки хитрымъ соображеніямъ ума человѣческаго. Но, къ счастью нашему, Король не имѣлъ сильнаго войска, болелъ ужаснаго Солимана, зналъ въроломство Хана Крымскаго, и радуясь претерпѣнному нами опъ него бѣдствію, надѣялся только, что оно склонитъ Василія къ миролюбію. Государь въ самомъ дѣлѣ желалъ прекратитъ войну съ Липвою для скорѣйшаго обузданія Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствомъ, Сигизмундъ хотѣлъ договариваться о мирѣ не въ Москвѣ, какъ обыкновенно бывало, а въ Вильнѣ или въ Краковѣ: Великій Князь

отвергнулъ сіе предложеніе, и знатный Г. Королевскій чиповникъ, Пешръ Спаниславовичъ, съ Секретаремъ Иваномъ Горпостаемъ прѣехали въ Москву, когда еще Воеводы наши спояли у Коломны, готыве ипши на Татаръ или на Липву²²⁸. Не могли согласиться въ условіяхъ вѣчнаго мира: долго спорили о перемиріи; наконецъ заключили его на пять лѣтъ опъ 25 Декабря 1522 года. Смоленскъ остался нашимъ; границею служили Дибирь, Ивака и Меря²²⁹. Усплавили вольность торговли; поручили Намѣстникамъ Украинскимъ рѣшитъ тяжбы между жипелями обоихъ Государствъ: но пльникамъ не дали свободы, къ прискорбію Василія, который долженъ былъ отказать опъ сего претованія. Окольничій Морозовъ и Дворецкій Бупурлинъ ѣздили въ Краковъ съ перемирною грамотою. Липовскій Историкъ съ удивленіемъ говоритъ о пышности сихъ Вельможъ, сказывал, что подъ ними было пять сотъ коней²³⁰. Два раза Сигизмундъ звалъ ихъ обѣдать, и два раза они уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ Папскими, Цесарскими и Венгерскими Повѣренными въ дѣлахъ: ибо сіе казалось для нихъ несовмѣстнымъ съ честию Великокняже-

Г. 1522. скаго Посольства. Король утвердилъ грамоту присягою, облегчивъ судьбу нашихъ пленниковъ.

Такъ кончилась сія десятилѣтняя война Липовская, славная для Сигизмунда громкою побѣдою Оршинскою, а для насъ полезная важнымъ приобрѣтеніемъ Смоленска, для обоихъ же Государствъ равно опустошительная, если опнесемъ къ ней гибельное нашествіе Магментъ - Гиреево. Достопамятвымъ слѣдствіемъ ея было уничтоженіе Нѣмецкаго Ордена, къ прискорбію Василія, который лишился въ немъ хотя и слабаго, но ревностнаго союзника. Уступивъ силѣ, жалуюсь на скупость Великаго Князя, можетъ быть невольную по нашимъ умѣреннымъ доходамъ, и на худое усердіе своего народа, Магистръ искалъ мира и пожертвовалъ ему бытіемъ Рыцарства, славнаго въ лѣтописяхъ. Сигизмундъ призналъ Албрехта наследственнымъ Владѣтелемъ Орденскихъ городовъ, съ условіемъ, чпобы они вѣчно зависѣли отъ Государей Польскихъ, и далъ Пруссіи гербъ Чернаго Орла, съ изображеніемъ буквы S, начальной Сигизмундова имени²³¹. Хоня съ перемѣною обстоятельствъ сіе знаменитое Палестинское брашество опжило вѣкъ свой и ка-

Копецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи.

залось уже несоотвѣтственнымъ новому Г. 1522. государственному порядку въ Европѣ:¹⁵²² однакожь гибель учрежденія споль памятнаго своею великодушною цѣлію, законами суровой добродѣтели и героизмомъ первыхъ основателей, произвела всеобщее сожалѣніе. — Орденъ Ливонскій, бывъ около прехъ вѣковъ сопряженъ съ Нѣмецкимъ, остался въ печальномъ уединеніи, среди грозныхъ опасностей и между двумя сильными державами, Россією и Польшею, въ ненадежной, но въ полной свободѣ, какъ спарець при дверяхъ гроба. Ливонскіе Рыцари давали Великому Магистру Нѣмецкому деньги и людей для войны: за что онъ торжественно объявлялъ ихъ независимыми навѣки²³². Судьба также гоповила имъ конецъ; но Пленбергъ еще жилъ, и какъ бы въ награду за свое великодушіе долженствовалъ спокойно умереть Главою свободнаго брашства. Въ 1521 году онъ возобновилъ мирный договоръ съ Россією на десять лѣтъ²³³.

Новое перемирие съ Ливонскимъ Орденомъ.

Г Л А В А III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ
ВАСИЛІЕВА.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Аспраханъ. Злодѣйства въ Казани. Бѣдствіе Крыма. Ханъ Сайдепъ-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Гуспавомъ Вазою. Посольства Солтановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рапъ на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алел. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича. Посольства Аспраханскія, Молдавскія, Погайское, Индѣйское. Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милосердіе. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Василія, охота, Дворъ, обѣды, титулы. Иноземцы въ Москвѣ. Законы. Строенія. Церковныя дѣланія. Разныя бѣдствія. Великіе современники Василіевы. Расколъ Люперовъ.

Г. 1521 — 1534.

Г. 1517
—23. Распространивъ Липовскою войною предѣлы Государства, Василій въ то же время совершилъ великое дѣло Единовластія внутри оного. Еще Рязань была особеннымъ Княженіемъ, хотя трепъ городовъ ея, часпъ умершаго Князя Осодора,

принадлежала къ Московскому и Василій Г. уже именовался *Рязанскимъ*²³⁴. Еще Князь Сѣверскій и Стародубскій или Черниговскій, называясь слугами Государя Россійскаго, имѣли права Владѣтелей. Василій, исполнитель Іоанновыихъ намѣреній, ждалъ только справедливаго повода къ необходимому уничтоженію сихъ остатковъ Удѣльной Системы.

Вдова, Килгиия Агриппина, нѣсколько Придѣлъ господствовала въ Рязани именемъ своего малолѣтняго сына, Іоанна²³⁵: Василій оставлялъ въ покоѣ слабую жену и владенца, ибо первая во всемъ повиновалась ему какъ верховному Государю; но сынъ ея, достигнувъ юношескаго возраста, захопѣлъ вдругъ свергнуть съ себя опеку и мащери и Великаго Князя Московскаго: то есть, властвовать независимо, какъ его предки, старѣйшіе въ родѣ Ярослава I²³⁶. Пишутъ, что онъ торжественно объявилъ сіе Василію, вступилъ въ шѣсную связь съ Ханомъ Крымскимъ и мыслилъ жениться на дочери Магметъ-Гиреевой²³⁷. Государь велѣлъ ему бытъ къ себѣ въ Москву: Князь Іоанцъ долго не ѣхалъ; наконецъ, обманутый совѣщомъ значѣйшаго Боярина своего, Симеона Крубина, явился предъ Василіемъ,

1517
—23.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ.

Г. 1517
—23. который, уличивъ его въ неблагодарно-
сти, въ измѣнѣ, въ дружбѣ съ злодѣями
Россіи, опдалъ подѣ спражу, взялъ всю
Рязань, а вдовствующую Княгиню Агрип-
пину сослалъ въ монастырь. Сіе случи-
лось въ 1517 году²³⁸. Когда Магметъ-Ги-
рей шелъ къ Москвѣ, Князь Іоаннъ, поль-
зуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ оп-
тпуда въ Липву, гдѣ и кончилъ жизнь въ
неизвѣстности²³⁹. — Такимъ образомъ,
около чепырехъ спольпій бывъ опдѣль-
нымъ, независимымъ Княженіемъ²⁴⁰, Ря-
зань въ слѣдъ за Муромомъ и за Черни-
говымъ присоединилась къ сѣвернымъ
владѣніямъ Мономахова потомства, копо-
рья составили Россійское Единодержавіе.
Она считалась тогда лучшею и богачѣй-
шею изъ всѣхъ областей Государства Мо-
сковскаго, будучи пупемъ нашей важной
порговли съ Азовомъ и Кафою, изобилуя
медомъ, пшпцами, звѣрjami, рыбою, осо-
бенно хлѣбомъ, такъ, что нивы ея, по
выраженію Писапелей XVI вѣка, казались
густымъ лѣсомъ. Жипели славипсь во-
инскимъ духомъ; ихъ упрекали высоко-
уміемъ и суровостію. Чпобы мирно го-
сподспвовапъ надъ ними, Великій Князь
многихъ перевелъ въ другія области²⁴¹.

Князь Василій Шемякинъ Сѣверскій

отличался доблестію воинскою, былъ Г.
ужасомъ Крыма, ненавистникомъ Липвы 1517
и вѣрнымъ спражемъ южной Россіи: за За-
что Великій Князь оказывалъ ему ми- кло-
лостъ и далъ городъ Пупивль²⁴²; но опа- ченіе
сался и не любилъ его, во первыхъ помня Кн.
ужасный характеръ дѣда Василіева, Ди- Ше-
мипрія, а во вторыхъ зная безпокойный мяки-
духъ внука, смѣлаго, надменнаго своими на.
достоинствами: для того неусыпно на-
блюдалъ за нимъ и съ тайнымъ удоволь-
ствіемъ видѣлъ непримиримую, взаимную
злобу Князей Сѣверскихъ, Шемякина и
Василія Симеоновича Стародубскаго, же-
нашаго на своячинѣ Государевой. Послед-
ній доносилъ, что первый ссылается съ
Королемъ Сигизмундомъ и мыслилъ измѣ-
нить Россіи; а Шемякинъ требовалъ су-
да и писалъ къ Великому Князю: »При-
»кажи мнѣ, *холопу* пвоему, быпъ въ Мос-
»квѣ, да оправдаюсь изустно, и да умо-
»кнепъ навѣки клеветникъ мой. Еще опецъ
»его, Симеопъ, злословилъ меня: сынъ хва-
»лился безспидствомъ и говоритъ: *умо-*
»рю *Шемякина*, или *самъ заслужу гнѣвъ*
»*Государевъ*. Изслѣдуй дѣло: если я вино-
»венъ, то голова моя предѣ Богомъ и
»предѣ побою«²⁴³. Въ Августѣ 1517 года
онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день,

Г. 1517
—23. въ праздникъ Успенія; объѣдалъ съ Государемъ у Митрополита, совершенно оправдался и хопѣлъ, чпобы ему выдали живыхъ доносителей. Ихъ было двое: одинъ слуга Князя Пронскаго, другой Стародубскаго, которые будпо бы въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Липвѣ узнали о мнимой измѣнѣ Шемякина. Государь велѣлъ выдать перваго доносителя: впо-раго же объявилъ невиннымъ. Шемякинъ съ честію и съ новымъ жалованьемъ возвратился въ область Сѣверскую, гдѣ властвовалъ спокойно еще пять лѣтъ, переживъ своего злодѣя, Стародубскаго²⁴⁴. Но въ 1523 году возобновились подозрѣнія: письменно обнадеженный Государемъ и Митрополитомъ къ личной безопасности, Шемякинъ впо-рично явился на судъ въ столицу, былъ обласканъ, а чрезъ нѣсколько дней заключенъ въ темницу, какъ уличенный въ шайной связи и перепискѣ съ Липвою. Сомнѣвались въ истинѣ сего обвиненія; рассказывали, что одинъ умный шупъ въ Москвѣ ходилъ тогда изъ улицы въ улицу съ мешлою и кричалъ: *время очиститъ Государство отъ послѣдняго сора, то есть, избавитъ оное отъ послѣдняго Князя Удѣльнаго*²⁴⁵. Народъ смѣялся, разгадывая остроумную прищучу.

Г. 1517
—23. Другіе осуждали Государя и въ особенности Митрополита, который обманулъ Шемякина своимъ ручательствомъ²⁴⁶. Не за-долго до сего времени Варлаамъ, благочестивый, твердый и не льстецъ Великому Князю ни въ какихъ случаяхъ противныхъ совѣсти, долженъ былъ оставить Митрополіку: на мѣсто его избрали Даніила, Игумена Іосифовскаго, молодаго, прищипилѣшняго челоуѣка, свѣжаго, румянаго лицомъ, пучнаго пѣломъ и тонкаго умомъ²⁴⁷. Думая о политическихъ выгодахъ болѣе, нежели о Христіанскихъ добродѣтеляхъ, Даніилъ оправдывалъ заключеніе Шемякина и говорилъ, что Богъ избавилъ Великаго Князя отъ внипреняго, домашняго врага²⁴⁸. Не такъ мыслилъ Игумень Троицкій, Порфирій, мужъ воспитанный въ пустынѣ и въ прорскихъ обычаяхъ: онъ по-ржественно и смѣло ходатайствовалъ за *гонимаго* Князя, беззаконно ошягченнаго цѣпями; прогнѣвалъ Государя, и сложивъ съ себя одежду Игуменскую, удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро²⁴⁹. — Шемякинъ умеръ въ темницѣ. Отъ супруги его, привезенной въ Москву, получили всѣхъ Боярынъ, которые соспавляли ея пышный Дворъ²⁵⁰. — Сямъ навсегда пресѣклись Удѣлы въ Рос-

г. сія, хопя не безъ насилія, не безъ лич-
 1517
 —23. ныхъ жершвъ и несправедливостей, но
 безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ
 благихъ, общепользныхъ дѣяніяхъ госу-
 дарственныхъ видимъ примѣсь страстей
 чловѣческихъ, какъ бы для того, чптобы
 Исторія не представляла намъ идоловъ,
 будучи Исторією людей или несовершен-
 ства.

Обратимся къ дѣламъ вѣшнимъ. Въ-
 сто того, чптобы казашь Магметъ-Ги-
 рея за опустошеніе Россіи, Великій Князь
 желалъ какъ можно скорѣе съ нимъ при-
 мириться. Походъ на Тавриду казался
 опаснымъ и бесполезнымъ: даль, снѣги,
 пустыни изнурили бы войско, и самый
 счастливый успѣхъ доставилъ бы намъ
 только скудную добычу: въ слѣдующее
 лѣто Крымцы могли бы снова явиться
 въ нашихъ предѣлахъ. Полишика Велико-
 княжеская ограничивалась Литвою: тамъ
 видѣли мы прочныя, естественныя, язы-
 комъ и Вѣрою утверждаемыя пріобрѣще-
 нія, нужныя для могущества Россіи; все
 другое относилось единственно къ сей
 цѣли. Посолъ Василіевъ, Наумовъ, еще
 оспавался въ Тавриду и предлагалъ Хану
 миръ; а Магметъ-Гирей, голова мѣсть
 Аспрахани, также хотѣлъ возобновить

дружбу съ нами и прислалъ своихъ г.
 Пословъ въ Москву: самъ же выступилъ 1517
 —25. со многочисленнымъ войскомъ къ устью
 Волги.

Въ Аспрахани господствовалъ тогда Ханъ
 Усеинъ, сынъ умершаго Царя Ченибека ^{251.} Крым-
 онъ искалъ покровительства Россіи, но ^{скій} _{не} успѣлъ
 не успѣлъ защитить себя отъ нашествія Аспра-
 Магметъ-Гирей, которій вмѣстѣ съ Но-
 гайскимъ Княземъ Мамаемъ осадилъ Аспра-
 ханъ, изгналъ Усеина, и завоевавъ сей
 важный торговый городъ, исполнилъ та-
 кимъ образомъ свое давнишнее власполю-
 бивое намѣреніе совокупить три Батыевы
 Царства — Казань, Аспраханъ и Тавриду —
 въ единую Державу, которая могла бы и
 далье расширяться на Востокъ покореніемъ
 Ногаевъ, Шибанскихъ или Тюмен-
 скихъ и Хивинскихъ Моголовъ, примкнувъ
 отъ моря Каспійскаго къ Персіи, къ Си-
 бири, и новыми плучами варваровъ угро-
 жать образованному Западу. Василій пред-
 видѣлъ сію опасность: для того, спа-
 рался удержатъ Казань въ зависимости
 отъ Россіи, не хотѣлъ помогать Маг-
 метъ-Гирею на Аспраханъ, и договари-
 ваясь съ нимъ о мирѣ, заключилъ тѣс-
 ный союзъ съ ея Царемъ, коего Послы
 свѣдали въ Москвѣ о бѣдствіи ихъ опе-

чества. Но безпокойство Великаго Князя было непродолжительно: варваръ можетъ имѣть властолюбіе, смѣлость и счастье; только не умѣетъ пользоваться успѣхами: легко пріобрѣтая, легко и терлеть. Магметъ - Гиреево величіе исчезло какъ сновидѣніе.

Г. 1523. Злодѣйства въ Казани.
Услышавъ о завоеваніи Аспрахани, Саипъ-Гирей, Царь Казанскій, вздумалъ праздновать оное кровопролитіемъ: уже не боясь Россіи, и въ безумной гордости счистая всякую дальнѣйшую умѣренность малодушіемъ, онъ велѣлъ умертвить всѣхъ Московскихъ купцовъ и Посла Государева, Василья Юрьева²⁵². Всѣмъ о семъ ужасномъ злодѣйствѣ достигла Москвы въ одно время съ другою, весьма для насъ благопріятною: о внезапной гибели Магметъ-Гирей и бѣдствіяхъ Тавриды. Между пѣмъ, какъ онъ торжесшвуя побѣду, веселился и пировалъ въ богатой Аспрахани, сподвижникъ его, Князь Ногайскій, Мамай, готовилъ ему съѣтъ, по внушеніямъ брата своего Агиша. «Что ты дѣлаешь?» говорилъ Агишъ: «служишь орудіемъ сильному, властолюбивому сосѣду, копорый «мыслишь поработить всѣхъ насъ, одного «за другимъ. Опомнись, или будетъ поздно» Мамай согласился съ братомъ, условился

въ мѣрахъ, и началъ доказывать Хану, г. 1523.
что ихъ войско слабѣетъ духомъ и пѣломъ въ городъ; что надобно споятъ въ поле, гдѣ Татаринъ дышетъ свободно и пылаетъ мужесствомъ. Магметъ-Гирей, принявъ совѣтъ, вышелъ изъ города; но въ спанѣ велъ роскошную, безопасную жизнь, не воображая никакихъ опасностей: войны ходили безъ оружія. Вдругъ Агишъ и Мамай съ полками Ногайскими окружаютъ Царскій шатеръ, въ коемъ Магметъ-Гирей спокойно обѣдалъ съ юнымъ сыномъ Богатырь-Солтаномъ: убиваютъ ихъ и многихъ Вельможъ; нападаютъ на спанѣ, рѣжутъ изумленныхъ Крымцевъ, гонятъ бѣгущихъ, шопятъ въ Дону²⁵³. Только двое изъ сыновей Ханскихъ, Казы-Гирей и Бибей, съ плиндесятью Князьями прибѣжали въ Тавриду: въ слѣдъ за ними винулись и Ногаи въ ея беззащитные Узусы, захватили спада, выжгли селенія, плавали въ крови женъ и младенцевъ, которые укрывались въ лѣсахъ или въ ущелинахъ горъ. Вельможи Крымскіе собрали наконецъ тысячу двѣнадцать воиновъ и сразились съ Ногаями; но разбитые на голову, едва спаслися бѣгствомъ въ Перекопъ, охраняемую Султанскими Янычарами. Въ поже время Ашаманъ Дѣ-

Г. 1523. провскихъ Козаковъ, Евстафій Дашковичъ, бывъ дополь союзникомъ Крымскимъ, сжегъ укрѣпленія Очакова, и все истребилъ, чпо могъ, въ Тавридѣ.

Московскій Бояринъ Колычовъ, посланный еще къ Магметъ-Гирею, находясь въ Перекопи, былъ свидѣтелемъ сихъ происшествій. Когда Ногаи и Дашковичъ удалились, сынъ Ханскій, Казы-Гирей, назвалъ себя Царемъ Тавриды; но долженъ былъ уступить пресполь дядь, Сайдепъ-Гирею, который, съ Султанскимъ указомъ и съ Янычарами прѣхавъ изъ Константинополя, удавилъ племянника въ Кафѣ, торжественно воцарился и спѣшилъ предложить Василию свою дружбу, хвалясь могуществомъ и величіемъ. »Опець швой« — писалъ онъ къ Государю — »безопасно споялъ за хребномъ моего опца, и его саблюю сѣкъ головы непріятелямъ. Да будепъ любовь и между нами. Имѣю рапъ сильную: Великій Султанъ мнѣ покровишель, Царь Аспраханскій Усеинъ другъ, Казанскій Саипъ-Гирей братъ, Ногаи, Черкасы и Тюмень подданные, Король Сигизмундъ холопъ, Волохи *нутники* мои и спадники. Исполняя волю Сулпанову, хочу жить съ шобою въ шѣномъ братствѣ. Не тревожь моего еди-

»покровнаго въ Казани. Минувшее забудемъ. Г. 1523. Лишвѣ не дадимъ покоя,« и проч. Новый Ханъ требовалъ отъ Василія шеспидесяти тысячъ алпынъ, увѣряя, чпо истинные бранья никогда не отказываютъ другъ другу въ такихъ бездѣлицахъ. Хотя въ Москвѣ знали, чпо Крымъ находился въ самомъ ужасномъ опустошеніи; чпо Сайдепъ-Гирей не могъ тогда имѣть ни двѣнадцати тысячъ исправныхъ воиновъ: однакожь Великій Князь спараясь воспользоваться добрымъ расположеніемъ Хана и заключить съ нимъ союзъ, чпобы по крайней мѣрѣ не опасаться набѣговъ Крымскихъ; только не далъ ему денегъ, и въ разсужденіи Царя Казанскаго опвѣтствовалъ: »Государи воюють, но Пословъ и купцевъ не убиваютъ: нѣшъ и не будепъ мира съ злодѣемъ«²²⁴.

Между тѣмъ, какъ шли переговоры ^{Походы на} съ Тавридою объ условіяхъ союза, войско ^{Казаць} наше дѣйствовало противъ Казани. Самъ Государь ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, откуда послалъ Царя Шигъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою, а Князя Бориса Горбатаго съ конною рапію. Они не только воевали непріятельскую землю, убивая, плѣняя людей на берегахъ Волги, но сдѣлали и нѣчто важнѣйшее: основали

городъ при устьѣ Суры, назвавъ его именемъ Василія, и спѣсивъ предѣлы Казанскаго Царства, сею пивердынею защитили Россію: валъ, оспрогъ и деревянныя стѣны были достаточны для приведенія варваровъ въ ужасъ. Алей и Шуйскій возвратились осенью. Не трудно было предвидѣть, что Россіяне возобновлятъ нападеніе въ благопріятнѣйшее время: Саипъ-Гирей искалъ опоры, и рѣшился объявивъ себя подданнымъ Великаго Солimana, съ условіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ мести Василіевой. Могъ ли дѣйствительно Глава Мусульмановъ не вступиться въ такомъ случаѣ за единовѣрнаго? Однакожь сіе заспупленіе, весьма легкое и какъ бы мимоходомъ, оказалось бесполезнымъ: Князь Манкупскій, Скандеръ, находясь тогда въ Москвѣ единственно по дѣламъ купеческимъ, именемъ Сулмана объявилъ нашимъ Болрамъ, что Казань есть Турецкая область; но удовольствовался отвѣтомъ, что Казань была, есть и будетъ подвластна Россійскому Государю; что Саипъ-Гирей мятежникъ и не имѣетъ права дарить ея Сулмана²⁵⁵.

г. Весною полки гораздо многочисленнѣйшіе выступили къ Казани, съ рѣшитель-

1524

нымъ намѣреніемъ завоевать оную. Въ судовою рани главными начальниками были Шигъ Алей, Князя Ивась Бѣльскій и Горбашый, Захарыиъ, Симеонъ Курбскій, Иванъ Ляицкій; а въ конной Болринъ Хабартъ Симскій. Число воиновъ, какъ увѣряютъ, проспиралось до 150 тысячъ²⁵⁶. Слухъ о семъ необыкновенномъ ополченіи споль устранилъ Саипъ-Гирей, что онъ немедленно бѣжалъ въ Тавриду, оставивъ въ Казани юнаго, тринадцати-лѣтняго племянника, Сафа-Гирей, внука Менгли-Гиреева²⁵⁷, и сказавъ жителямъ, что ѣдетъ искать помощи Сулмановой, копорая одна можетъ спасти ихъ. Гиушался его малодушіемъ, ненавядя и боясь Россіяиъ, они назвали Сафа-Гирей Царемъ, клялися умереть за него и приготовились къ оборонѣ, вмѣстѣ съ Черемисами и Чувашами. 7 Юля судовая рани Московская явилась предъ Госпнинымъ оспровомъ, выше Казани; войско расположилось на берегу, и 20 дней провело въ бездѣйствіи, ожидая Хабары Симскаго съ конницею. Непріятель также споль въ полѣ; перевозилъ Россіяиъ частными, маловажными нападеніями; изъявлялъ смѣлость. Презирал оппрока Сафа-Гирей, Алей писалъ къ нему, чтобы онъ мирно удалился въ свое отце-

Томъ VII.

7

Г. 1524. чество и не былъ виновникомъ кровопролитія Сафа-Гирей описывалъ: «чья побѣда, того и Царство: сразимся.» Въ сіе время загорѣлась Казанская деревянная крѣпость²⁵⁸: Воеводы Московскіе не двинулись съ мѣста, дали жишелямъ спокойно гасить огонь и строить новую стѣну; 28 Іюля перенесли станъ на луговую сторону Волги, къ берегамъ Казанки, и описъ ничего не дѣлали; а неприцель жегъ нивы въ окрестностяхъ, и занявъ все дороги, наблюдалъ, чтобы мы не имѣли никакихъ подвозовъ. Испрашивъ свои запасы, войско уже шло до снапока — и вдругъ разнесся слухъ, что конница наша совершенно испроблена неприцелью. Ужасъ объялъ Воеводу. Не знали, что предпринять: боялись идти назадъ и медленно плыть Волгою вверхъ; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухимъ путемъ чрезъ отдаленную Вилку. Оказалось, что дикіе Черемисы разбили только одинъ конный отрядъ Московскій; что мужественный Хабаръ въ двадцати верстахъ отъ Казани, на берегу Свѣтги, одержалъ славную побѣду надъ ними, Чуваши и Казанцами, хотѣвшими не допустить его до соединенія съ Алеемъ: мно-

жестоко взялъ въ плѣнъ, утопилъ въ рѣкѣ, и съ профетями прибылъ въ станъ главной рати²⁵⁹. 1524.

Не столь счастливъ былъ Князь Иванъ Палецкій, который изъ Нижняго Новгорода шелъ на судахъ къ Казани съ хлѣбомъ и съ пилжельнымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ. Тамъ, гдѣ Волга, устьянная островами, стѣсняется между ими, Черемисы запрудили рѣку камнемъ и деревьями. Сія преграда изумила Россіянъ. Суда, увлекаемыя стремленіемъ воды, разбивались одно объ другое или объ камни, а съ высокаго берега сыпались на нихъ стрѣлы и капились бревна, пускаемыя Черемисами. Погибло нѣсколько тысячъ людей, убитыхъ или утонувшихъ²⁶⁰; и Князь Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, съ немногими судами достигъ нашего стана. Сіе бѣдствіе, какъ думаютъ, произвело извѣстную старинную пословицу: *съ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися*²⁶¹. «Волга» — пишетъ Казанскій Историкъ — «дѣлалась иногда для варваровъ запорожскимъ. Тигромъ: кромѣ пушекъ и ядери, они пудами извлекали изъ ея глупины серебро и драгоценное оружіе Москвитянъ.»

Г. 1524. Хотя Россіяне обступили наконецъ крѣпость и могли бы взять ее, тѣмъ въ Августѣ 15-го пролетѣ, что въ самый первый день осады убивъ лучшаго непріятельскаго пушкаря, видѣли замѣшательство Казанцевъ и худое дѣйствіе ихъ огнеспрѣльнаго свара; хотя Нѣмецкіе и Липовскіе воины, наемники Государевы, пребовали присупа: но Воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли миръ: ибо Казанцы, утрашенные побѣдою Симскаго, выслали къ нимъ дары, обѣщавъ немедленно отправить Посольство къ Великому Князю, умиласпивши его, загладишь свою вину. Малодушные или, по мнѣнію пѣкопорохъ, ослабленные золопомъ начальники прекрашили войну, сняли осаду и вышли изъ земли Казанской безъ славы и съ болѣзнію, отъ коей умерло множесиво людей, такъ, что едва ли половина рати оспалась въ живыхъ. Главный Воевода, Князь Иванъ Бѣльскій, лишился милосерпіи Государевой; но Минирополитъ неходатайствовалъ ему прощеніе²⁶².

Послы Казанскіе дѣйствительно прѣхали къ Государю; молили его, чтобы онъ утвердилъ Сафа-Гирей въ достоинствѣ Царя, и въ такомъ случаѣ обязывались, какъ и прежде, усердствовать Россіи²⁶³.

Василій пребовалъ доказательствъ и залога въ вѣрности сего народа, Г. 1524. постояннаго единственно въ обманахъ и злодѣйствѣ; впрочемъ желалъ обойтиса безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Бояринъ, Князь Шенковъ, былъ въ Казани для переговоровъ. Между тѣмъ Государь безъ оружія нанесъ ей ударъ весьма чувствительный, запретилъ нашимъ купцамъ ѣздить на ея лѣпнюю ярмонку и назначилъ для ихъ торговли съ Азією мѣсто въ Нижегородской обласпи, на берегу Волги, гдѣ нынѣ Макарьевъ: отъ чего сія славная ярмонка упала: ибо Астраханскіе, Персидскіе, Арменскіе купцы всего болѣе искали тамъ нашихъ мѣховъ, и сами Казанцы лишились вещей необходимыхъ, на примѣръ соли, которую они получали изъ Россіи²⁶⁴. Но какъ трудно перемѣнять старыя обыквенія въ пупахъ купеческіа, то мы, сдѣлавъ зло другимъ, увидѣли и собственный вредъ: не скоро можно было пріучить людей къ новому, дикому, ненаселенному мѣсту, гдѣ нѣкогда существовалъ уединенный монастырь, заведенный Св. Макаріемъ Унженскимъ и разрушенный Ташарамъ при Василіи Темномъ²⁶⁵. Цѣца Азіанскихъ ремесленныхъ произведеній у насъ возвысилась; открыл-

ся недоспапокъ въ нужпомъ, особенно въ соленой рыбѣ, покупаемой въ Казани. Однимъ словомъ, досадивъ Казанскому народу, Великій Князь досадилъ и своему, конторый не могъ предвидѣть, что сіе юное шпоржище будетъ со временемъ нашею славною Макарьевскою ярмонкою, едва ли не богатѣйшею въ свѣтѣ. Жаловались, что Государь ищетъ себѣ непріятелей, равно какъ осуждали его и за основаніе города въ землѣ Казанской, хотя дальновиднѣйшіе изъ самыхъ современниковъ знали, что дѣло идетъ не объ истинномъ дружествѣ съ нею, но о вѣрнѣйшемъ ей, для насъ необходимомъ покореніи, и хвалили за шо Великаго Князя²⁶⁶. — Слѣдствіемъ переговоровъ между нами и Казанью было пышнѣйшее, мирное бездѣйствіе съ обѣихъ сторонъ.

Г. 1525. По-стриженіе Великой Княгини. Тогда Великій Князь, свободный отъ дѣлъ воинскихъ, занимался важнымъ дѣломъ семейственнымъ, тѣсно связаннымъ съ государственнымъ пользою. Онъ былъ уже двадцать лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣдственно и надежды имѣть ихъ. Опець съ удовольствіемъ видить наследника въ сынѣ: таковъ успавъ Природы; но братья не столь близки къ сердцу, и Василіевы не оказывали ни вс-

ликихъ свойствъ душевныхъ, ни искренней привязанности къ спартѣйшему, болѣе опасаясь его какъ Государя, нежели любя какъ единокровнаго. Современный Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Великій Князь, ѣдучи однажды на *позлащеннѣйшей колесницѣ*, внѣ города, увидѣлъ на деревѣ пичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: «пичицы счастливые меня: у нихъ есть дѣти!» Послѣ оныхъ плачей со слезами говорилъ Боярамъ: «кто будетъ моимъ и Русскаго Царства наследникомъ? братья ли, которые не умѣютъ править и своимъ Удѣлами?» Бояре отвѣщивали: «Государь! неплодную смоковницу посѣкаютъ: на ея мѣстѣ садятъ иную въ вертоградѣ²⁶⁷. Не только придворные угодники, но и ревностные друзья опечесивали могли совѣтовать Василию, чтобы онъ развелся съ Соломонією, обвиняемою въ неплодіи, и новымъ супружествомъ даровалъ наследника престолу. Слѣдуя ихъ мнѣнію, и желая бытъ опцемъ, Государь рѣшился на дѣло жестокое въ смыслѣ нравственности: немилосердо отвергнувъ отъ своего ложа невинную, добродѣтельную супругу, которая двадцать лѣтъ жила единственно для его счастья; предать ее въ жертву горести, стыду, опи-

Г. 1526. чаянію; нарушить святый уставъ любви и благодарности. Если Митрополитъ Даниилъ, свисходительный, уклончивый, внимательный къ міру болѣе, нежели къ Духу, согласно съ Великокняжескимъ Синклитомъ призналъ намѣреніе Василіево законнымъ или еще похвальнымъ: то нашлись и Духовные и міряне, которые смѣло сказали Государю, что оно противно совѣсти и Церкви. Въ числѣ ихъ былъ пущынный Инокъ Вассіанъ, сынъ Князя Липовскаго, Ивана Юрьевича Патрикеева, и самъ цѣкогда знатнѣйшій Боларинъ, вмѣстѣ съ опцемъ въ 1499 году неволею постриженный въ Монахи за усердіе къ юному Великому Князю, несчастному Димитрію²⁶³. Сей мужъ уподоблялся, какъ пишутъ, древнему Святому Антонію: его заключили въ Волоколамскомъ монастырѣ, косто Инокъ любилъ угождать мірской власпи; а престарѣлаго Воеводу, Князя Симеона Курбскаго, завоевателя земли Югорской, строгаго поспника и Христіанина, удалили отъ Двора: ибо онъ также ревностно вступался за права Соломоніи²⁶⁹. Самые простолюдины — одни по естественной жалости, другіе по Номоканону — осуждали Василія²⁷⁰. Чтобы обмануть законъ и со-

вѣсть, предложили Соломоніи добровольно опказаться отъ міра: она не хотѣла. Тогда употребили насиліе: вывели ее изъ дворца, посирогли въ Рожешевскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, увезли въ Суздаль, и тамъ, въ женской Обители, заключили. Увѣряютъ, что несчастная провинилась совершенно беззаконнаго обряда, и что сановникъ Великокняжескій, Иванъ Шитона, угрожалъ ей не только словами, но и побоями, дѣйствуя именемъ Государя; что она заплака слезами, и падвая ризу Инокини, торжественно сказала: »Богъ свидѣтъ, и оименитъ моему говипелью«²⁷¹. — Не умолчимъ здѣсь о преданіи любопытномъ, хотя и не достовѣрномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и бесполезному раскаянію Великаго Князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгія, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показать, говори: »въ свое время онъ явится въ могуществѣ и славѣ.« Многіе считали то за истину; другіе за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной, добродѣтельной Княгини²⁷².

Разрѣшивъ узы своего брака, Василій по уставу Церковному не могъ вторично быть сунругомъ: чья жена съ согласія

Г. 1526. Но-
вый
бракъ
Вели-
каго
Князя
мужа поспригаея, шотъ долженъ самъ
опказаться отъ свѣта. Но Митропо-
литъ далъ благословеніе, и Государь чрезъ
два мѣсяца женился на Княжѣ Еленѣ,
дочери Василя Глинскаго, къ изумленію
нашихъ Боярѣ, коиорые не думали, что-
бы родъ чужеземныхъ измѣнниковъ удо-
стоился такой чести. Можешъ бытъ, не
одна красота невѣсты рѣшила выборъ;
можешъ бытъ, Елена, воспитанная въ
знашномъ Владѣпельномъ Домѣ и въ обы-
чаяхъ Нѣмецкихъ, коими славился ея дя-
дя, Михайль, имѣла болѣе пріятности въ
умѣ, нежели тогдашнія юныя Россіянки,
научаемыя единственно цѣломудрію и
кропкимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ
ихъ пола. Нѣкоторые думали, что Вели-
кій Князь изъ уваженія къ достоинствамъ
Михаила Глинскаго женился на его пле-
мянницѣ, дабы оставитъ въ немъ надеж-
наго совѣтника и путешественна своимъ
дѣпямъ²⁷³. Сіе менѣе вѣроятно: ибо Ми-
ханль послѣ шого еще болѣе года сидѣлъ
въ темницѣ, освобожденный наконецъ
ревностнымъ ходатайствомъ Елены²⁷⁴.—
Свадьба была великолѣпна. Праздновали
при дни. Дворъ блисталъ необыкновен-
ною пышностію²⁷⁵. Любя юную супругу,
Василій желалъ ей нравиться не только

ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и ви- Г.
домъ молодости, коиорая отъ него уда- 1526.
лялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о
своей пріятной паружности²⁷⁶.

Въ теченіе пяти лѣтъ Россія имѣла Спо-
единственно мирныя сношенія съ иными шенія
Державами. Еще при жизни Леона X одинъ съ Ри-
Генуэзскій путешественникъ, называемый момъ.
Капитаномъ Павломъ, съ дружелюбнымъ
письмомъ отъ сего Папы и Нѣмецкаго
Магистра Албрехта былъ въ Москвѣ, имѣя
важное намѣреніе проложитъ купеческую
дорогу въ Индостанъ черезъ Россію по-
средствомъ рѣкъ Инда, Окса или Гигона,
моря Каспійскаго и Волги. Прежде счаст-
ливаго открытія Васка де-Гамы повары
Индійскіе шли въ Европу или Персид-
скимъ Заливомъ, Евфратомъ, Чернымъ
моремъ, или Заливомъ Аравійскимъ, Ни-
ломъ и моремъ Средиземнымъ; но Пор-
тугальцы, въ началѣ XVI вѣка овладѣвъ
берегами Индіи, захвативъ всю ея тор-
говлю и давъ ей удобнѣйшій путь Океа-
номъ, мимо Африки, упопробляли свою
выгоду во зло, и столь возвысили цѣну
пряныхъ земель, что Европа справедливо
жаловалась на безумное корыстолюбіе
Лиссабонскихъ купцевъ. Говорили даже,
что ароматы Индійскіе въ дальнемъ пла-

Г. 1526. ванія шерлюють запахъ и силу. Движимый ревностію опияль у Португалліи исключительное право сей торговли, Генуэзскій путешественникъ убѣдительно представлялъ нашимъ Болрамъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ можемъ обогатиться ею; что казна Государева наполнится золотомъ отъ купеческихъ пошлинъ; что Россіане, любя употребляющъ пряныя зелья, будутъ имѣть оныя въ изобиліи и дешево; что ему надобно только узнать печеніе рѣкъ впадающихъ въ Волгу, и что онъ проситъ Великаго Князя отпустить его водою въ Аспраханъ. Но Государь, какъ выше, не хотѣлъ открыть иноземцу путей нашей торговли съ Востокомъ²⁷⁷. Павелъ возвратился въ Испанію по смерти Леона X, вручилъ отвѣтную Василіеву грамоту Папѣ Адриану и въ 1525 году вторично пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ отъ новаго Папы, Климента VII, уже не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ Посла, дабы склонить Великаго Князя къ войнѣ съ Турками и къ соединенію Церквей: за что Климентъ, подобно Леону, предлагалъ ему достоинство Короля²⁷⁸. Сей опытъ, какъ и всѣ прежніе, не имѣлъ успѣха: Василій, дозволенный именемъ Великаго Князя и Царя,

не думалъ о Королевскомъ, не хотѣлъ г. 1526. искать новыхъ враговъ и помнилъ худыя слѣдствія Флорентійскаго Собора; однакожь принялъ съ уваженіемъ и Посла и грамоту, чesнилъ его два мѣсяца въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Испанію *гонца* своего, Димитрія Герасимова²⁷⁹, о коемъ славный Непорникъ того вѣка, Павелъ Ювій, говоритъ съ похвалою, сказывалъ, что онъ учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ Латинскій, былъ употребляемъ Великимъ Княземъ въ Посольствахъ Шведскомъ, Датскомъ, Прусскомъ, Вѣнскомъ; имѣлъ многія свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи. Папа велѣлъ повесити ему богато украшенныя комнаты въ замкѣ Св. Ангела. Оподохнувъ нѣсколько дней, Димитрій въ великолѣпной Русской одеждѣ представился Клименту, поднесъ дары и письмо Государево, наполненное единственно учтивостями. Великій Князь изъявлялъ желаніе бытъ въ дружбѣ съ Папою, утверждая оную взаимными Посольствами, видѣвъ норжество Христіанства и гибель невѣрныхъ, прибавляя, что онъ издавна караетъ ихъ въ честь Божию. Желая, что Димитрій объявитъ на словахъ какія выбудъ шайныя порученія Госуда-

г. 1526. ревы: онъ занемогъ въ Римѣ и долго на-
 ходился въ опасностях; наконецъ выздоров-
 вѣлъ, осматривалъ всѣ достопамятностіи
 древней столицы міра, новыя зданія, цер-
 кви; хвалилъ пышное служеніе Папы, вос-
 хищался музыкою, присутствовалъ въ
 Кардинальскомъ Совѣтѣ, бесѣдовалъ съ
 учеными мужами, и въ особенностіи съ
 Павломъ Говіемъ; рассказывалъ имъ много
 любопытнаго о своемъ опечествѣ; но,
 къ неудовольствію Папы, объявилъ, что
 не имѣетъ никакихъ повелѣній отъ Ва-
 силія для переговоровъ о дѣлахъ государ-
 ственныхъ и церковныхъ. — Димитрій
 возвратился въ Москву (въ Іюль 1526 го-
 да) съ новымъ Посломъ Климентьевымъ,
 Іоанномъ Францискомъ, Епископомъ Ска-
 ренскимъ, коему надлежало доставить
 миръ Христіанству, по еписъ Липвѣ²⁸⁰.
 Явился и другой, еще знаменитѣйшій по-
 средникъ въ семь дѣлъ.

Кончина Максимилианова прервала со-
 общеніе нашего Двора съ Имперіею. Хи-
 Карлъ V. карльпрый, властолюбивый юноша, Карлъ V,
 заступивъ мѣсто дѣда на ея престолѣ,
 не имѣлъ времени мыслить о Сѣверѣ, по-
 велѣвалъ Испаніею, Австріею, Нидерланда-
 ми, и споря о господствѣ надъ всею юго-
 западною Европою съ прямодушнымъ Ге-

роемъ, Францискомъ I. Долго ждавъ, что-
 бы Карлъ вспомнилъ о Россіи, Великій г. 1526.
 Князь рѣшился самъ опираться къ нему
 гонца съ привѣтствіемъ. За симъ возоб-
 новились торжественныя Посольства съ
 обѣихъ сторонъ. Австрійскій Государ-
 ственный Совѣтникъ Антоній прибылъ
 въ Москву съ дружественными грамопа-
 ми, а Князь Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ
 ѣздилъ съ такими же отъ Василія къ
 Императору въ Мадридъ²⁸¹, въ то самое
 время, когда несчастный Францискъ I на-
 ходился тамъ плѣнникомъ, и когда Евро-
 па не безъ ужаса видѣла быстрые успѣхи
 Карлова властолюбія, угрожавшаго ей *все-
 мірною Монархіею* или зависимоścią всѣхъ
 Державъ отъ единой сильнѣйшей, какой
 не бывало послѣ Карла Великаго въ ше-
 ченіе семи вѣковъ. Только Россія, хотя
 уже съ любопытствомъ наблюдающая
 государственныя движенія въ Европѣ, но
 еще далѣе враждебной Липвы не зрячая
 для себя прямыхъ опасностей, оставалась
 вдали спокойною, и даже могла желать,
 чтобы Карлъ исполнилъ намѣреніе дѣда
 присоединеніемъ Венгрии и Богеміи ко
 владѣніямъ Австрійскаго Дома (какъ и
 случилось): ибо сіи двѣ воинственные
 Державы, управляемыя Сигизмундовымъ

Г. 1526. племянникомъ, Людовикомъ, служили опору Липвъ и Польшѣ. Не имѣя никакого совѣтственности съ Императоромъ и справедливо угадывалъ, что оно есть или будетъ между имъ и Королемъ Польскимъ, Великій Князь предложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ швердому миру съ Россією, или благоразумными убѣжденіями или страхомъ оружія, по торжественному Максимілианову обѣщанію²³². Въ удовольствіе Василія Императоръ, опустивъ Князя Засѣкина изъ Мадриша, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Графа Леонарда Пугарольскаго, а братья его, Эрцгерцогъ Австрійскій Фердинандъ, Барона Герберштейна въ Польшу, чтобы объяснились съ Королемъ въ разсужденіи мирныхъ условій и ѣхавъ въ Москву для окончанія сего дѣла. Но Сигизмундъ, уже опасаясь замысловъ Императора на Венгрію, худо вѣрилъ его доброжелательству и сказалъ Посламъ, что онъ не просилъ ихъ Государей быть миротворцами и можешь самъ *унять Россію*, примолвивъ съ досадою: «какая дружба у Князя Московскаго съ Императоромъ? что они: ближніе сосѣды или родственники?» Однакожь послалъ къ Василию Воеводу своего, Пешра Кишку, и Маршалка Богуша, которые

въ слѣдъ за Графомъ Леонардомъ и Герберштейномъ прѣехали въ нашу столицу. Великій Князь былъ въ Можайскѣ, увеселяясь звѣриною ловлею: тамъ и начались переговоры. Король возобновилъ старыя пребыванія на все опіяное у Липвы Юашиномъ, называлъ и Новгородъ и Псковъ ея достояніемъ; а мы хотѣли Киева, Полоцка, Витебска. Посредники, Епископъ Скаренскій, Леонардъ и Герберштейнъ, совѣтуя обѣимъ сторонамъ быть умѣреннѣе, предложили Василию уступить Королю хопя половину Смоленска: Бояре объявили сіе невозможнымъ; отвергнули и перемиріе на двадцать лѣтъ, желаемое Сигизмундомъ; согласились единственно продолжити оное до 1533 года, ^{Перемиріе съ Литвою.} и то изъ особеннаго уваженія къ Императору и Папѣ, какъ изъяснилъ Великій Князь, жалуйсь на худое расположеніе Короля къ истинному миру и нелѣпость его пребываній. Споры о нашихъ границахъ съ Липвою остались безъ изслѣдованія, а плѣнники въ започетіи. Посламъ Сигизмундовымъ была и личная досада: за споломъ Великокняжескимъ давали имъ мѣсто ниже Римскаго, Императорскаго и самаго Фердинандова Посла. Утверждая перемирную грамоту, Василій говорилъ

г. рѣчь о своей пріязни къ Папѣ, Карлу,
 1526. Эрцгерцогу; о любви къ нишницѣ, спра-
 ведливости, и проч. На стѣнѣ висѣлъ
 золотой крестъ: Думный Бояринъ, снявъ
 его, обтеръ бѣлымъ плапомъ. Дьякъ въ
 обѣихъ рукахъ держалъ харшіи договор-
 ныя. Великій Князь вспалъ съ мѣста;
 указывая на грамоту, сказалъ: «исполню
 съ Божіею помощію;» взглянулъ съ умиле-
 ніемъ на крестъ, и тихо читая молитву,
 приложился къ оному. Тоже сдѣлали и
 Липовскіе чиновники. Въ заключеніе обра-
 да пили вино изъ большаго кубка. Госу-
 дарь снова увѣрялъ Пословъ въ своемъ
 дружествѣ къ Клименту и къ Максими-
 лиановымъ наслѣдникамъ; обратился къ
 Панамя Липовскимъ, кивнулъ головою,
 велѣлъ имъ кланяться Сигизмунду и же-
 лалъ счастливаго пути²⁸³. Они всѣ вмѣ-
 стѣ выѣхали изъ Можайска, а за ними
 наши Послы: Трусовъ и Лодыгинъ въ Римъ,
 Лапунъ и Волосапый къ Императору и
 къ Эрцгерцогу, Окольниковъ Липецкій къ
 Сигизмунду²⁸⁴. — Хотя Король утвердилъ
 договоръ и кляшвенно обязался бытъ на-
 шимъ мирнымъ сосѣдомъ, но взаимныя
 жалобы не могли прекратиться до самой
 кончины Василиевой: ибо Липовцы и Рос-
 сіане пограничныя вѣли, такъ сказать,

лвную, всегдашнюю войну между собою, г.
 1526. ошнимая земли другъ у друга. Тщешно
 судьби съ обѣихъ споронъ выѣзжали на
 рубежъ: по Липовскіе не могли дождасть-
 ся нашихъ, по наши Липовскихъ. Къ не-
 удовольствію Сигизмунда, Василій при-
 нялъ къ себѣ Князя Оедора Михайловича
 Мстиславскаго, выдалъ за него дочь се-
 сстры своей, Анастасію²⁸⁵, сносился съ
 Господаремъ Молдавскимъ, непріятелемъ
 Липвы, и задержалъ (въ 1528 году) быв-
 шихъ у насъ Королевскихъ Пословъ, свѣ-
 давъ, что въ Минскѣ останновили Мол-
 давскаго на пути его въ Россію. Король
 не хотѣлъ именовать Василія *Великимъ*
Государемъ, а мы не хотѣли называть
 Короля *Россійскимъ* и *Прусскимъ*. По край-
 ней мѣрѣ плѣнниковъ нашихъ и Липов-
 скихъ, въ силу перемирія, продолженнаго
 еще на годъ, выпустили изъ плѣнницъ и
 не обременяли цѣпями какъ злодѣевъ²⁸⁶.

Въ слѣдствіе одной изъ достопамят-
 нѣйшихъ государственныхъ перемѣнъ въ
 мірѣ, Швеція, послѣ долговременнаго не-
 устроинства, угнетенія, безначалія, какъ Дру-
 же-
 бы обновленная въ своихъ жизненныхъ ство
 силахъ, образовалась, возспавала тогда съ Гу-
 подъ Эгидію великаго мужа, Густава Ва-
 зы, который изъ рудокопни восшелъ на Во-
 зю.

1526. **Р.** тронъ, озарилъ его славою, утвердилъ мудростию; возвеличилъ Государство, ободрилъ народъ, былъ честно въка, Морварховъ и людей. Освободивъ Королевство свое отъ ига Датчанъ, не думалъ о суетной воинской славъ, думая только о мирномъ благоденствіи Шведовъ, Густавъ искалъ дружбы Василія и подтвердилъ заключенное съ Россією перемиріе на 60 лѣтъ. Совѣшники его, Канушь Эриксоуъ и Біорнъ Классонъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ къ Намѣстнику, Князю Ивану Ивановичу Оболенскому, и Дворецкому Сабурову, а Эрикъ Флемингъ въ Москву²⁵¹. Уже Христіанъ, ненавистный и Шведамъ и Датчанамъ, скипался изгнанникомъ по Европѣ: преемникъ сего Перона, Король Фридерикъ, менѣе власнолюбивый, призналъ независимость Швеціи, и Василій, слыша о великихъ дѣлахъ Густава, тѣмъ охотнѣе согласился жить съ нимъ въ мирномъ сосѣдствѣ: дозволилъ Шведскимъ купцамъ имѣть свой особенный дворъ въ Новгородѣ и торговать во всей Россіи; обѣщала совершенною безопасностью Финскимъ земледѣльцамъ, которые боялись селинся близъ нашей границы, и велѣлъ, въ угодность Королю, замочить въ Москве славнаго Датскаго Адмирала Норби.

Сей воинъ мужественный, но свирѣпый, **Г.** по изгнаніи Христіана завладѣлъ - было 1526. Готландією, сдѣлался морскимъ разбойникомъ, не щадилъ никого, бралъ всѣ корабли безъ исключенія, и въ особенности злодѣйствовалъ Швеціи; наконецъ, разбитый ея флотомъ, бѣжалъ въ Россію, чтобы возбудить насъ противъ Густава²⁵². Великій Князь объявилъ Норби матежникомъ и наказалъ его, въ удостовѣреніе, что хочешь мира и тишины на Сѣверѣ.

Усправивъ надежду имѣть союзника Польша Султанъ, Василій милосердно угощала^{сольства} его Посланника, Свиндера, который еще^{Солдмановы} при разѣ былъ въ Москвѣ, по торговымъ дѣламъ, и тамъ внезапно умеръ съ именемъ корыснолюбиваго и злаго клеветника: ибо онъ, несправедливо жалуясь на скупость и худой пріемъ Великаго Князя, хвалился, что убѣдитъ Солimana воевать съ нами; но умный Султанъ не могъ быть орудіемъ подлаго Грека, и не думая умножать числа своихъ непріятелей, оставался другомъ Россіи, хотя и бесполезнымъ, и въ концѣ 1530 года писалъ къ Василію последнее ласковое письмо съ Туркомъ Ахматомъ, коему надлежало купить въ Москвѣ нѣсколько кречетовъ и мѣховъ собольихъ²⁵³.

Въ сіе время одни Крымскіе хищники перевозили Россію, не смотря на усилія Великаго Князя бысть въ мирѣ съ Ханомъ и на союзныя грамоты, послѣ многихъ переговоровъ утвержденныхъ взаимною клятвою. Сайдешъ-Гирей, ненавидимый народомъ и Князьями за его любовь къ Турецкимъ обычаямъ, лилъ кровь знамяѣвшихъ людей и не могъ держаться на своемъ ужасномъ тронѣ, бывъ два раза изгнанъ племянникомъ, сыномъ Магметъ-Гирей, Исламомъ; примирился съ нимъ, далъ ему санъ Калги, грабилъ Литву и требовалъ денегъ отъ Василія, который, видя ненадежность Ханской власти, сдѣлался тѣмъ умереннѣе въ дарахъ. Послы Сайдешъ-Гиреевы находились въ Москвѣ, когда донесли Государю, что Царевичъ Исламъ идетъ на Россію. Войско наше заняло берегъ Оки, стояло долго, не видало непріятеля и разошлось осенью по городамъ: вдругъ запыхали села Рязанскія: Исламъ стремился къ Коломнѣ и Москвѣ. Но Воеводы, Князя Одоевскій и Мстиславскій, оспавались на Угрѣ; не пустили разбойниковъ за Оку и съ великимъ урономъ прогнали, въ числѣ многихъ плѣнныхъ захвативъ перваго Исламова любимца, Янглыча Мурзу²⁹⁰. Государь былъ въ

Г.
1527.
На-
быгъ
Крым-
цевъ.

Коломнѣ: раздраженный въроломствомъ Г. Хана, онъ велѣлъ упоиить Крымскихъ¹⁵²⁷ Пословъ²⁹¹. И съ варварами не должно бысть варваромъ. Самъ Великій Князь успѣдился такою дѣла и приказалъ объявить Хану, что Послы убиены Московскою чернью. Ни мало не удивленный ихъ казнью, споль несогласною съ Народнымъ Правомъ, Сайдешъ-Гирей винилъ только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшего напасть на Россію; снова клялся въ истинномъ дружествѣ къ Василію, и нагло ограбивъ его Посла, не мѣшала Крымцамъ злодѣйствовать въ обласняхъ Бѣлевскихъ и Тульскихъ. Наконецъ, сверженный съ престола Князьями и народомъ, бѣжалъ къ Султану. Но Россія ничего не выиграла сею перемѣною: сперва Исламъ, властвовавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тавридѣ, а послѣ Саипъ, бывший Царь Казанскій, утвержденный Султаномъ въ достоинствѣ Хана, угрожали намъ войною и пламенемъ, хотя оба, гошмые Сайдешъ-Гиреемъ, прежде некали милости въ Великомъ Князѣ, названомъ отцъ Ислама и братъ Саипъ-Гирей: они непрестанно хотѣли богатыхъ даровъ²⁹².

Къ счастью, Казань усмирилась на вре-

Г. 1529. мя. Юный Сафа-Гирей, ненавистникъ Россіи, исполня желаніе народа, требовалъ рѣшительнаго мира отъ Великаго Князя, внился передъ нимъ, обѣщавъ бытъ его вѣрнымъ присяжникомъ. Посоль Московскій, Андрей Пилемовъ, взялъ съ Царя, Вельможъ и гражданъ клятвенную въ помъ грамоту; а Василій отправилъ къ нимъ свою съ Княземъ Иваномъ Палецкимъ. Но сей знащій чиновникъ узналъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, что Сафа-Гирей перемѣнилъ мысли, умѣлъ злобными внушеніями возбудить Казанцевъ противъ Россіи, согласилъ ихъ предложить ей новыя условія мира, и даже съ грубоспійю обезчестилъ Посла Великокняжескаго. Палецкій возвратился въ Москву, и Государь прибѣгнулъ къ оружію.

Г. 1530. РатьмаКазань. Спашное многочисленностію войско въ судахъ и берегомъ выступило весною изъ Нижнего къ Казани подъ начальствомъ Князей Ивана Федоровича Бѣльскаго, Михаила Глинскаго, Горбашаго, Кубенскаго, Оболенскихъ и другихъ. Сафа-Гирей, одушевленный злобою, сдѣлалъ все, что могъ для сильной обороны: призвалъ свирѣпыхъ, дикихъ Черемисовъ и 30,000 Ногаевъ изъ Улусовъ теша его, Мамаля; укрѣпилъ предметія оспирогомъ съ глубокими рвами,

отъ Булака Арскамъ полемъ до Казанки; Г. 1530. примкнувъ новую спѣну съ двухъ створовъ къ городу, осыпалъ ее землею и камнемъ. Конные полки Московскіе, отправивъ пять или шесть нападений смѣлаго непріятеля, соединились съ пѣхотою, которая вышла изъ судовъ на луговой спороу Волги. Начались ежедневныя, кровопролитныя битвы. Казанцы, ободряемые Царемъ, не боялись смерти; но, изъясняя удивительную храбрость днемъ, не умѣли бытъ оспорожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубокимъ сномъ до утра. Молодые войны полку Князя Оболенскаго, смотря издали при ясномъ свѣтѣ луны на оспирогъ, видѣли тамъ одну спящую спражу; вздумали оплечить себя великимъ дѣломъ: тихо подползли къ спѣнѣ, наперли дерево смолою, сѣрою; зажгли и спѣшили извѣститъ о томъ нашихъ Воеводъ. Въ одно время запылалъ оспирогъ, и Россіяне при звукъ трубъ воинскихъ, съ грознымъ воплемъ, усстремились на приступъ, конные и пѣшіе, одѣтые и полунагіе; сквозь дымъ и пламя ворвались въ укрѣпленіе; рѣзали, давили изумленныхъ Тапаръ; взяли предметіе; опустили все огнемъ и мечемъ; кромѣ сгорѣвшихъ, убили, какъ

Г
1530. пишушь, 60,000 воиновъ и гражданъ, а въ числѣ ихъ и славнаго богатыря Казанскаго, Апалыка, ужаснаго видомъ и силою руки, омоченной кровію многихъ Россіянъ²⁹³. Сафа-Гирей ушелъ въ городокъ Арскій: за нимъ гнался Князь Иванъ Телешевъ-Оболенскій съ легкимъ отрядомъ; а другіе Воеводы спояли на мѣстѣ, и пакъ оплошно, что толпы Черемисскія взяли нашъ обозъ, семьдесятъ пушекъ, запасъ ядеръ и пороху, убивъ Князя Федора Оболенскаго-Лопату, Дорогобужскаго и многихъ чиновниковъ. Тогда Россіяне приступили къ городу и могли бы овладѣть крѣпостію, гдѣ не было ни 12,000 воиновъ; но Бѣльскій, уже и прежде подозрѣваемый въ ипайномъ лихоимствѣ²⁹⁴, согласился на миръ: принявъ, какъ пишушь, серебро отъ жишелей, съ клятвою, что они немедленно отправятъ Пословъ къ Василию и не будутъ избирать себѣ Царей безъ его воли, сей главный Воевода отступилъ, къ досадѣ всѣхъ поварищей; хвалился именемъ великодушнаго побѣдителя и спѣшилъ въ Москву, ожидая новыхъ милостей отъ Государя, своего дяди по машери²⁹⁵. Одинъ Лѣпописецъ увѣряетъ, что Василій, съ лицемъ грознымъ встрѣшивъ племянника,

объявилъ ему смерть, и только изъ уваженія къ ревностному ходатайству Ми- Г
1530. прополипа смягчилъ сей приговоръ: окровавленный цѣпями, Бѣльскій сидѣлъ нѣскольско времени въ темницѣ, въ наказаніе за кровь, коипорую надлежало еще пролить для необходимаго покоренія Казани, два раза упущенной имъ изъ нашихъ рукъ. Но сего извѣстія нѣтъ въ другихъ Лѣпописцахъ, и Бѣльскій чрезъ три года снова начальствовалъ въ ратяхъ²⁹⁶.

Послы Казанскіе, знатные Князя Тагай, Тевекель, Ибрагимъ, прѣхали и смиренно молили Государя, чтобы онъ просилъ народъ и Царя; увѣряли, что оныишь силъ завѣсу съ ихъ глазъ, и что они видяшъ необходимость повиноваться Россіи. Надлежало вѣрять или воевать: Государь хотѣлъ опдохновенія, ибо не могъ бы безъ чрезвычайнаго усилія, тяжкаго для земли, свардишь новую рать. Согласные на всѣ условія, Послы остались въ Москвѣ; а Великій Князь отправилъ съ гонцемъ кляшвенный грамоты къ Царю и народу Казанскому для утверженія, пребуя, чтобы всѣ наши плѣнники были освобождены и всѣ огнестрѣльные орудія, взятыя у насъ Черемисами, присланы въ Россію. Сей гонецъ не возвра-

Г. 1550. шился: Сафа-Гирей, задержавъ его, писалъ къ Государю, что не можешь исполнить договора, ни присягнушь, пока чиновники Казанскіе не выѣдутъ изъ Москвы; пока Великій Князь самъ не возвратишь ему плѣнниковъ и пушекъ, взятыхъ Бѣльскимъ, и пока, вмѣсто гонца, кто нибудь изъ знатнѣйшихъ Вельможъ Россійскихъ не пріѣдетъ въ Казань для размына кляпвенныхъ грамотъ. Бояре наши съ укоризною объявили о томъ Посламъ Казанскимъ. Князь Тагай описывалъ: «Слышали и знаемъ; но мы не лжецы и не клятвопреступники. Да исполнился воля Божія и Великаго Князя! Хопимъ служить ему усердно. Земля наша опустѣла; мужи знатные погибли или оцѣмѣли въ ужасъ. Сафа-Гирей дѣлаетъ, что хочешь, съ своими Крымцами и Ногами; распуская слухъ, что полки Московскіе идутъ на Казань, мунитъ умами, не держитъ слова и насъ вводитъ въ спыдъ. Не будешь такъ: мы еще живы, имѣемъ друзей и силу. Изгонимъ Сафа-Гирей! Да избересть Государь достойнѣйшаго для насъ Властителя!» На сіе Бояре именемъ Великаго Князя сказали, что для Россіи все одно, кто ни царствуетъ въ Казани, Сафа-Гирей или другой, если будетъ толь-

ко намъ послушенъ и вѣренъ въ клятвахъ. Тагай продолжалъ: «Напоминаемъ о невинномъ Шигъ-Алѣ; онъ былъ жерпивою злодѣевъ: да возвратишься на престолъ, вѣрно служишь Великому Князю и любишь народъ! Пусть ѣдетъ съ нами въ городъ Василь: опшуда напишемъ къ Казанцамъ, къ Горнымъ и Луговымъ Черемисамъ, къ Князьямъ Арскимъ, о милости Государя, и скажемъ: *Царемъ мы умерли, а Великии Княземъ ожили; не хотимъ того, кто насъ не хочетъ.* Казанскіе плѣнники, поскующіе въ неволѣ, имѣютъ опцевъ, брапьевъ и друзей: всѣ къ намъ пристапутъ, и будетъ миръ вѣчный.» Василій совѣтовался съ Боярами; наконецъ оппустили Пословъ Казанскихъ съ Алеемъ въ Нижній Новгородъ, и Князь Тагай сдержалъ слово: написалъ къ согражданамъ о гибельномъ для нихъ упрямствѣ Царя, возмутилъ народъ, свергнулъ Сафа-Гирей, который въ порывѣ злобы хопьль-было умершвишь всѣхъ задержанныхъ въ Казани Россіянъ; но граждане и Вельможи объявили ему, чтобы онъ немедленно удалился. Жену его оправили въ Мамаевы Улусы и побили многихъ Ногаевъ, Вельможъ Крымскихъ, любимцевъ Сафа-Гиревыхъ. Въ семь благо-

Г. 1530
—31.
Г. пріятномъ для насъ происшествіи не мало участвовала Казанская Царевна Горшадна, сестра Магметъ-Аминева. Сеишъ, Уланы, Князь, Мурзы извѣстили Василія объ изгнаніи Сафа-Гирея, и согласные бышъ подданными Россіи, молили, чтобы вмѣсто Шигъ-Алея, коего места они спрашася, Великій Князь пожаловалъ имъ въ Цари меньшаго пятнадцати-лѣтняго брата его, Еналея, владѣнаго у насъ городкомъ Мещерскимъ. Ихъ желаніе исполнилось: Еналей со многочисленною дружиною былъ отправленъ въ Казань и возведенъ на престолъ Околыничимъ Морозовымъ, къ удовольствію млещежныхъ саповниковъ и легкомысленнаго народа. Всѣ ошъ Царевны и Сеиша до послѣдняго гражданина, съ видомъ искренняго усердія, присягнули намъ въ подданствѣ, слава милость Государеву и любезныя свойства юнаго Царя, коему чрезъ нѣсколько лѣтъ надлежало быть жертвою ихъ неисповѣста! Но Василій не дожиль до сей новой измѣны. Прошло три года мирѣ. Въ доказательство своего добраго расположенія къ Казанцамъ, Великій Князь уступиль имъ всѣ бывшія у нихъ въ рукахъ Московскія пищади, чтобы они въ случаѣ непріятельскаго нападенія имѣ-

Новой Царь въ Казани.

ли способъ обороняшся, и дозволимъ Еналею жениться на дочери сильнаго Ногайскаго Мурзы Юсуфа, который могъ примирить его съ сею безпокойною Ордою. Важнѣйшія дѣла Казанскія, не только политическія, но и земскія, рѣшились въ Москвѣ, Государевымъ словомъ²⁹. — Между тѣмъ Шигъ-Алей, награжденный Коширою и Серпуховымъ, завидовалъ брату, и желая преклонить къ себѣ Казанцевъ, тайно сносился съ ними, съ Аспраханью, съ Ногаями: происки его обнаружилась, и злосчастный Алей, нѣкогда вѣрный слуга Россіи, былъ какъ преступникъ заочень съ женою на Бѣлоозеро²⁹⁸.

Г. 1530
—31.

Заоченіе Шигъ-Алея.

Въ сіе время Василій, благоразуміемъ заслуживая счастье въ дѣляхъ государственныхъ, сдѣлался и счастливымъ ошцемъ семейства. Болѣе трехъ лѣтъ Елена, вопреки желанію супруга и народа, не имѣла дѣшей. Она ѣздила съ Великимъ Княземъ въ Переславль, Росповъ, Ярославль, Вологду, на Бѣлоозеро; ходила нѣшкомъ въ свѣшья Обишени и пустыни, раздавала богатую милоспшню, со слезами молилась о чадородіи, и безъ услышанія. Добрые жалѣли о томъ: нѣкоторые, осуждая бракъ Василіевъ какъ беззаконный, съ тайнымъ удовольствіемъ

Г. 1530
—31. предсказывали, что Богъ никогда не благословишь онаго плодомъ вожделѣннымъ. Наконецъ Елена оказалась беременною. Какъ-то *юродивый мужъ*, именемъ Домітіанъ, объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита, широкаго ула*²⁹⁹, и — въ 1530 году, Августа 25, въ 7 часу ночи — дѣйствительно родился сынъ, Іоаннь, споль славный добромъ и зломъ въ нашей Исторіи! Пишутъ, что въ самую ту минушу земля и небо попряслися отъ неслыханныхъ громовыхъ ударовъ, копорые слѣдовали одинъ за другимъ съ ужасною, непрерывною молніею³⁰⁰. Въ-рояшно, что гадали Двора Великокняжескаго умѣли располковать сей случай въ пользу поворожденнаго: не только опецъ, но и вся Москва, вся Россія, по словамъ Лѣтописца, были въ восторгѣ. Чрезъ десять дней Великій Князь опгезъ младенца въ Троицкую Лавру, гдѣ Игумень Іоасафъ Скрипицынъ вмѣстѣ съ благочестивѣйшими иноками, спольтнимъ Кассіаномъ Босымъ, Іосифова Волоко-Ламскаго монастыря, и Св. Даниломъ Переславскимъ окрестили его. Обливаясь слезами умиленія, родитель взялъ изъ ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и положилъ на раку Св. Сергія, моля Угодни-

Рож-
деніе
Царя
Іоан-
на Ва-
силіе-
вича.

ка, да будешь ему наставникомъ и за-
щитникомъ въ опасностяхъ жизни. Ва-
силій не зналъ, какъ изъявить благодар-
ность Небу: сыпалъ золото въ казны
церковныя и на бѣдныхъ; велѣлъ опиво-
рить все темницы, и снялъ опалу со
многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у не-
го подъ гнѣвомъ: съ Князя Федора Мсти-
славскаго, женашаго на племянницѣ Госу-
даревой и ясно уличеннаго въ намѣреніи
бѣжать къ Польскому Королю; съ Княземъ
Щенятева, Суздальскаго Горбашаго, Пле-
щева, Морозова, Ляпцкаго, Шигоны и
другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброже-
лательствѣ къ Еленѣ³⁰¹. Съ утра до ве-
чера дворецъ наполнялся усердными по-
здравицями, не только Московскими,
но и самыхъ опдаленныхъ городовъ жи-
тателями, копорые хопѣли единственно
взглянуть на счастливаго Государя и ска-
зать ему: «мы счастливы вмѣстѣ съ то-
бою!» Пустынники, опшельники прихо-
дили благословить державнаго младенца
въ пеленахъ, и были угощаемы за пра-
пезою Великокняжескою. Въ знакъ при-
знательности къ Угодникамъ Божиимъ,
защитникамъ Москвы, Святымъ Мипро-
политамъ Пспру и Алексію, Великій
Князь заказалъ сдѣлать для ихъ мощей

Г.
1530
—31.

богатыхъ раки: для перваго *золотую*³⁰², для втораго серебряную. Однимъ словомъ, никто живѣе Василии не чувствовала радости быть опцемъ, тѣмъ болѣе, что онъ — въроянно, тревожимый совѣстію за разводъ съ несчастною, первою супругою — могъ видѣть въ семъ благословенномъ плодѣ втораго брака какъ бы знакъ Небеснаго умилоствленія. — Елена чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ родила еще сына Георгія³⁰³. Тогда Государь женилъ меньшаго брата своего, Андрея, на Княжнѣ Хованской, Евфросиніи³⁰⁴. Братья Симеонъ и Димитрій Іоанновичи скончались безбрачными: первый въ 1518, а второй въ 1521 году. Василий, кажется, не дозволялъ имъ жениться, пока не имѣлъ дѣтей, чѣобы опняли у нихъ всякую мысль о наслѣдованіи престола.

Упомянемъ о разныхъ Посольствахъ сего времени. Не увѣренный ни въ союзъ Литвы, Великій Князь тѣмъ благосклоннѣе опвѣщивовалъ на дружественныя предложенія Молдавскаго Воеводы, Петра, который (въ 1533 году) писалъ къ нему, чѣобы онъ, будучи въ перемиріи съ Королемъ Сигизмундомъ и въ дружбѣ съ Султаномъ, *берегъ* его опъ перваго или

Г.
1532
—33.
По-
соль-
ства
Мол-
дав-
скія.

убѣдилъ Сулмана защититъ оружіемъ Г. Молдавію опъ нападенія Поляковъ. Вели-¹⁵³²
кій Князь опправлялъ не только гонцевъ, —33.
но и важныхъ чиновниковъ къ сему Воеводѣ мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды сосѣду³⁰⁵.

Новый Царь Астраханскій, Касымъ, Астра-
пакже предлагалъ нѣсный союзъ Вели-^{хан-}
кому Князю; но едва Посоль его успѣлъ ^{скія.}
доѣхать до Москвы, Черкесы, вивъ Астра-
хань, убили Царя и съ богатою добычею
удалились въ горы. Мѣсто Касымово за-
ступилъ Акубекъ, но также не на-долго:
въ 1534 году уже другой Царь Астрахан-
скій, Абдыль-Рахманъ, далъ на себя кля-
пвенную грамоту Василию въ испинномъ
къ нему дружествѣ³⁰⁶. — Послы Ногай-Но-
скіе погда же находились въ Москвѣ ^{гай-}
един-^{ское.}
ственно для исходапайствования купцамъ
своимъ дозволенія продавать лошадей въ
Россію³⁰⁷.

Но любопытнѣйшимъ Посольствомъ
было Индѣйское, опъ Хана Бабура, одно-^{дѣй-}
го изъ Тамерлановыхъ потомковъ, зна-
мениатаго основателя Имперіи Великихъ
Моголовъ, о коемъ мы упоминали, и ко-
порый, будучи изгнанъ изъ Хоросана, бѣ-
жалъ въ Индостанъ, гдѣ мужествомъ и
счастіемъ утвердилъ свое господство надъ

прекраснѣйшими землями въ міръ. Оби-
павъ нѣкогда на берегахъ Каспійскаго мо-
ря, Бабуръ имѣлъ свѣдѣніе о Россіи: же-
лалъ, не сморя на отдаленіе, бытъ въ
дружелюбной связи съ ея Монархомъ, и
писалъ къ нему о томъ съ своимъ чи-
новникомъ, Хозею Уссеиномъ, предлагая,
чтобы Послы и купцы свободно ѣздили
изъ Индіи въ Москву, а изъ Москвы въ
Индію. Великій Князь принялъ Уссеина
милоспиво; отвѣщспивалъ Бабуру, что
радъ видѣть его подданныхъ въ Россіи
и не мѣшаепъ своимъ ѣздить въ Индію,
но — какъ сказано въ лѣтописи — *не
приказывалъ къ нему о братствѣ*: ибо не
зналъ, что онъ, Самодержецъ или толь-
ко *урядникъ* Индѣйскаго Царспва³⁰⁸?

Послѣ войны Казанской Россія насла-
ждалась спокойствіемъ. Были тольکو слу-
хи о непріятельскихъ замыслахъ Крым-
цевъ. Сафа-Гирей, изгнанный изъ Казани,
дышалъ ненавистію, злобою, и всячески
убѣждалъ Хана, дядю своего, ко впадешю
въ Московскіе предѣлы. Наконецъ — ко-
гда Великій Князь по своему обыкнове-
нію гоповился ѣхать съ Дворомъ на лю-
бимую охоту въ Волокъ Ламскій, чтобы
провести тамъ всю осень — узнали въ
Москвѣ (14 Августа), что войско Ханское

Г.
1533.
На-
бвгъ
Крым-
цевъ.

идепъ къ Рязани. Самъ Царевичъ Исламъ, г.
тогдашній Калга, увѣдомилъ о семъ Ве-
ликаго Князя, слагая всю вину на Сафа-
Гирей; однакожь шелъ вмѣстѣ съ нимъ,
будно бы склоняя его къ миру. Увели-
ченные рассказы о силѣ непріятеля испу-
гали Дворъ, такъ, что Государь, немед-
ленно послалъ Воеводъ къ берегамъ Оки
и въ слѣдъ за ними самъ 15 Августа вы-
ѣхавъ въ Коломну, велѣлъ Болрамъ Мо-
сковскимъ изгоповиться къ осадѣ, а жи-
телямъ съ ихъ имѣніемъ перевозиться
въ Кремль³⁰⁹. На пути встрѣтились ему
гонцы изъ Рязани опъ Намѣстника, Кня-
зя Андрея Роспиевскаго, съ вѣспію, что
Исламъ и Сафа-Гирей выжгли посады Рязанскіе,
но что городъ будетъ крѣпкимъ
щипомъ Москвы, если разбойники захо-
няптъ осаждаютъ его. Василій въ тошъ же
часъ опрядилъ легкую конницу за Оку
добывать языковъ. Смѣлый Воевода, Князь
Димитрій Палецкій, нашелъ толпы хищ-
никовъ близъ Зарайска; разбилъ ихъ и
взялъ многихъ плѣнниковъ. Другой Воево-
да, Князь Оболенскій-Телепневъ-Овчина,
съ Московскими Дворянами гвалъ и по-
топилъ спражу непріятельскую въ Осе-
пръ, но въ горячности наскакавъ на глав-
ную силу Царевичей, спасся тольکو не-

1533.

1. 1853. обыкновеннымъ мужесвомъ. Ожидая за нами Великаго Князя со всѣми полками, Тапары ушли въ спени. Война кончилась въ пять дней; но мы не могли опрѣбить своихъ плѣнниковъ, уведенныхъ неприятели въ Улусы. Многолюдныя села Рязанскія снова опустѣли, и Ханъ Саицъ-Гирей хвалился, что Россія лишилась тогда не менѣе ста тысячъ людей³¹⁰. »Царевичи« — писалъ онъ къ Василию — »сдѣлали по своему, а не по моему; я велѣлъ имъ воевать Липву: они воевали Россію. Но упрекай себя. Князя говорятъ мнѣ: что даетъ намъ дружба съ Московою? по соболу въ годъ. А рать? тысячи. Я не умѣлъ ничего опрѣснгованъ имъ. Избѣрай любое: хочешь ли мира и союза? да будешь дары свои по крайней мѣрѣ въ цѣну прехъ или чепырехъ сонъ плѣнниковъ.« Онъ требовалъ отъ Великаго Князя денегъ, ловчихъ птицъ, хлѣбника и повара. Калга Исламъ увѣрялъ Василія, какъ названнаго отца, въ непремѣнномъ дружествѣ; а Сафа-Гирей писалъ къ нему съ такими угрозами: »Я былъ нѣкогда шебъ сыномъ; но ны не захопѣлъ моей любви — и сколько бѣдспивѣй наю на швою голову? Видишь землю свою въ щепѣ и въ разореніи. Еще снова можешь

сдѣлаться намъ другомъ, или не преспанемъ воевать, пока здравспвуютъ дяди мои, Царь и Калга; гдѣ узнаю врага швоего, соединюсь съ нимъ на шебъ, и довершу месь ужасную. Вѣдай!« Сін грамотны были опданы чиновникамъ Великокняжескимъ Декабря 1: Государь уже находился при послѣднемъ издыханіи.

Лынописцы говорятъ, что странное небесное знаменіе еще 24 Августа предвѣстило смерть Василю; что въ первомъ часу дни кругъ солнца казалсяверху будто бы срѣзаннымъ; что оно мало по малу темнѣло среди яснаго неба, и что многіе люди, смотря на то съ ужасомъ, ожидали какой нибудь великой государспвенной перемѣны³¹¹. Василій имѣлъ 54 года отъ рожденія; бодрспвовалъ духомъ и плѣломъ; не чувспвовалъ дошоль никакихъ припадковъ старости; не зналъ болѣзней; любилъ всегда дѣяпельность и движеніе. Радуюсь изгнанію неприятели, онъ съ супругою и дѣшми праздновалъ 25 Сентября, день Св. Сергія, въ Троицкой Лаврѣ; поѣхалъ на охоту въ Волокъ Ламскій, и въ своемъ селѣ Озерецкомъ занемогъ такимъ недугомъ, копорый сперва ни мало не казался опаснымъ. На сгибѣ лѣваго спегна явилась боллячка съ бу-

Г. лавочную головку, безъ верха и гноя, по
 1535. мучипельная. Великій Князь съ нуждою
 доѣхалъ до Волока³¹²; однакожь былъ на
 шире у Дворецкаго, Ивана Юрьевича Ши-
 гоны, а на другой день ходилъ въ мыль-
 ню и обѣдалъ съ Болрами. Время сполало
 прекрасное для охоты: Государь выѣхалъ
 съ собаками; но отъ сильной боли возвра-
 тился съ поля, въ село Колпь, и легъ въ
 постелю. Немедленно призвали Михаила
 Глинскаго и двухъ Нѣмецкихъ Медиковъ,
 Николая Лоева и Теофила. Лекарства упо-
 треблялись Русскія: мука съ медомъ, пе-
 ченый лукъ, масть, горшки и сѣменники.
 Сдѣлалось воспаление: гной шелъ цѣлыми
 тазами изъ чирья. Болрскіе дѣти пере-
 несли Государя въ Волокъ Ламскій. Онъ
 переспалъ ѣсть; чувствовалъ нягость
 въ груди, и скрывая опасность не отъ
 себя, но единственно отъ другихъ, по-
 слалъ Стрѣлчача Мансурова съ Дьякомъ
 Пушяпинымъ въ Москву за духовными
 грамошами своего опца и дѣда, не велѣвъ
 имъ сказывать шого ни Великой Княги-
 ньѣ, ни Митрополиту, ни Болрамъ. Съ
 нимъ находились въ Волокъ, кромѣ бра-
 та, Андрея Иоанновича, и Глинскаго, Князя
 Бѣльскій, Шуйскій, Кубенскій: никто изъ
 нихъ не зналъ сей печальной пайны, кро-

мѣ Дворецкаго Шигоны. Другой братъ Г.
 Василіевъ, Юрій Иоанновичъ, спѣшилъ къ
 1535. нему изъ Дмитрова: Великій Князь от-
 пустилъ его съ утѣшеніемъ, что на-
 дѣется скоро выздоровѣнь; приказалъ
 всѣши себя въ Москву, шагомъ, въ саняхъ,
 на постель; захалъ въ Иосифову Оби-
 шель, лежалъ въ церкви на одрѣ, и когда
 Діаконъ читалъ молитву о здравіи Госу-
 даря, всѣ упали на колѣна и рыдали: Игу-
 мень, Болре, народъ. Василій желалъ въѣ-
 хать въ Москву скрышно, чтобы ино-
 земные Послы, шамъ бывшіе, не видали
 его въ слабости, въ изнеможеніи; оспа-
 новился въ Воробьевѣ, принялъ Митропо-²¹Но-
 лиша, Епископовъ, Болръ, воинскихъ чи-^{абр.}
 новниковъ, и только одинъ показывалъ
 твердость: духовные и мірине, знашные
 и простые граждане обливались слезами.
 Навели мостъ на рѣкъ, просѣкая шонкій
 ледъ. Едва сани Государевы въѣхали, сей
 мостъ обломился: лошади упали въ воду;
 но Болрскіе дѣти, обрѣзавъ гужи, удер-
 жали сани на рукахъ. Великій Князь за-
 претилъ наказывать спрощелей. Вне-
 сенный въ Кремлевскія *постельныя хоро-
 мы*, онъ созвалъ Болръ, Квѣзей Ивана и
 Василія Шуйскихъ, Михайла Юрьевича За-
 харьина, Михайла Семеновича Воронцова,

г. Тучкова, Глинскаго, Казначей Головина, 1533. Дворецкаго Шигону, и вельмъ при нихъ Дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежую, сочиненную имъ во время Митрополита Варлаама³¹⁵; объявилъ прехлѣпшаго сына, Иоанна, наследникомъ Государства, подъ опекою матери и Бояръ до пятнадцатилѣтняго возраста; назначилъ Удѣль меньшему сыну; устроилъ Державу и Церковь; не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописяхъ: но, къ сожалѣнію, сія важная хартія утратилась, и мы не знаемъ ея любопытныхъ подробностей.

Желая утвердить душу свою въ сіи торжественныя минуты, Государь тайно причастился. Бывъ допоздъ на одрѣ недвижимъ, онъ съ легкою помощію Болрина Захарыина вспалъ, принялъ Святыя Дары съ вѣрою, любовію и слезами удивленія; легъ снова и хотѣлъ видѣть Митрополита, братьевъ, всѣхъ Бояръ, которые, узнавъ о недугѣ его, съѣхались изъ деревень въ столицу; сказалъ имъ, что поручаетъ юнаго Иоанна Богу, Дѣвѣ Маріи, Святымъ Угодникамъ и Митрополиту; что дастъ ему Государство, наследіе великаго отца своего; что надѣется на совѣтъ и честь братьевъ, Юрій

и Андрея; что они, исполняя крестныя Г. 1533. обѣщанія, должны служить племяннику усердно въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, да будетъ пишина въ Московской Державѣ, и да *выситя* рука Христіанъ надъ невѣрными. Опустивъ Митрополита и братьевъ, такъ говорилъ Болрамъ: «Вѣдаете, что Государство наше идетъ опъ Великаго Князя Кіевскаго, Святаго Владимира; что мы природные вамъ Государи, а вы наши *извѣстные* Бояре. Служите сыну моему, какъ мнѣ служили: блюдите *крѣпко*, да царствуетъ надъ землею; да будетъ въ ней правда! Не оставьте моихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ; не оставьте Михаила Глинскаго: опъ мнѣ ближій по Великой Княгинѣ. Сойдите все за-едино какъ братья, ревностные ко благу отечества! А вы, любезные племянники, усердствуйте вашему юному Государю въ правленіи и въ войнахъ; а ны, Князь Михаилъ, за моего сына Иоанна и за жену мою Елену *долженъ охотно пролить всю кровь свою и дать тѣло свое на раздробленіе!*»

Василій изнемогалъ болѣе и болѣе. Выславъ всѣхъ, кромѣ Глинскаго, Захарыина, ближнихъ Дѣтей Болрскихъ и двухъ врачей, Лоева и Теофила, опъ претребоваъ,

г. 1533. чтобы ему впустили въ рану чего ни-
 будь крѣпкаго: ибо она гнила и смердѣла.
 Захарьинъ утѣшалъ его вѣроятностію
 скорого выздоровленія. Великій Князь ска-
 залъ Нѣмцу Люеву: »Другъ и брашъ! ты
 »добровольно пришелъ ко мнѣ изъ земли
 »своей, и видѣлъ, какъ я любилъ тебя и
 »жаловалъ: можешь ли исцѣлишь меня?«
 Люевъ ошѣпсповалъ: »Государь! слы-
 »шавъ о пвоей милости и ласкѣ къ до-
 »брымъ иноземцамъ, я оспавилъ опца и
 »мать, чтобы служить тебѣ; благодарѣ-
 »ній пвоихъ не могу исчислить; но, Го-
 »сударь! не умѣю воскрешать мертвыхъ:
 »я не Богъ!« Тупъ Великій Князь обра-
 щился къ Дѣпямъ Болрскимъ и молвилъ
 съ улыбкою: »Друзья! слышите, что я
 »уже не вашъ!« Они горько заплакали; не
 хотѣли распрогать его, вышли вонъ и
 паали на землю какъ мертвые. Онъ за-
 былся на нѣсколько мвнупъ; опкрылъ
 глаза и громко произнесъ: »да исполни-
 »ся воля Божія! буди имя Господне бла-
 »гословенно опнынъ и до вѣка!«

Сіе было 3 Декабря. Игумень Троиц-
 кій, Іоасафъ, ниho приблизился къ одру
 болящаго. Василій сказалъ ему: »Опче!
 »молнсь за Государство, за моего сына и
 »за бѣдную мать его! У васъ я крестилъ

Г. 1535.
 »Іоанна, опдалъ Угоднику Сергію, клалъ
 »на гробъ Святаго, поручилъ вамъ осо-
 »бенно: молипесь о младенцѣ Государь!«
 Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Мо-
 сквы, и пользуясь слабыми оспашками
 жизни, еще призвалъ Думныхъ Болръ:
 Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинска-
 го, Шигону, Головина и Дьяковъ; бесѣдо-
 валъ съ ними опъ прешьяго до седьмаго
 часа, о новомъ правленіи, о сношеніяхъ
 Болръ съ Великою Кпягиною Еленою во
 всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъясляя удиви-
 тельную швердоспъ, хладнокровіе и за-
 бошливоспъ о судьбѣ оспавляемой имъ
 Державы. Пришли брашья и неопступно
 молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои
 силы пиццю; но Василій не могъ вѣсть и
 сказалъ: »смерпъ предо мною; желаю
 »благословить сына, видѣть жену, про-
 »спинься съ нею.... Нѣшъ! боюсь ел
 »гореспи; видъ мой усипрашпшь млада-
 »нца.« Брашья и Болре настопали, чтобы
 опъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоан-
 новичъ и Михаилъ Глинскій пошли за
 нею. Государь возложилъ на себя крестъ
 Св. Петра Митрополипа и хотѣлъ пре-
 жде видѣть сына. Брашъ Елевинъ, Князь
 Иванъ Глинскій, принесь его на рукахъ.
 Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу:

г. 1355. »Буди на тебѣ милость Божія и на дѣ-
 »шляхъ твоихъ! Какъ Св. Пешръ благо-
 »словилъ симъ крестомъ нашего прароди-
 »шля, Великаго Князя Іоанна Даниловича,
 »ча, такъ имъ благословляю тебя, моего
 »сына«³¹⁴. Опъ просилъ надзирашльницу,
 Болрыню Агриппину³¹⁵, чѣобы она не
 усыпно берегла своего Державнаго пипом-
 ца, и слыша голось супруги, велѣлъ уне-
 ссти Іоанна. Князь Андрей и Болрыня Че-
 лдщина³¹⁶ вели Елену подѣ руки: она
 спрашно вопила и билась объ землю въ
 опчаяніи. Великій Князь утѣшалъ ее, го-
 воря: »мѣ лучше; не чувствую никакой
 »боли« — и съ нѣжносцію молилъ успо-
 коишья. Елена наконецъ ободрилась и
 спросила: »кому же поручашь бѣдную су-
 »пругу и дѣшей?« Василій отвѣчалъ: »Іо-
 »аннъ будеть Государемъ; а тебѣ, слѣдуя
 »обыкновенію нашихъ опцевъ, я назначилъ
 »въ духовной своей грамотѣ особенное до-
 »стояніе.« Исполняя желаніе супруги, онъ
 велѣлъ принести и меньшаго сына, Юрія;
 также благословилъ его крестомъ, и ска-
 залъ, чѣо онъ не забышь въ духовной. —
 Умилительное прощаніе съ Еленою разди-
 рало сердца жалосцію: всѣ плакали и спе-
 пали. Она не хотѣла удалиться: Василій
 приказалъ вывесити ее, и заплашывъ по-

слѣдную дань міру, Государству и чув- г.
 ствительности, уже думалъ только о Богѣ. 1555.

Еще паходясь въ Волокѣ, онъ говорилъ
 Духовнику своему, Протоіерею Алексію,
 и любимому старцу Мисаилу: »не предай-
 »те меня землѣ въ бѣлой одеждѣ! не оспа-
 »нусь въ мірѣ, если и выздоровлю.« Оп-
 пуспивъ Елену, Государь велѣлъ Мисаилу
 принести монашескую ризу, и спросилъ
 Игумена Кирилловской Обители, въ ко-
 торой онъ издавна желалъ бышь поспри-
 жениымъ; но сего Игумена не было въ
 Москвѣ. Послали за Іоасафомъ Троицкимъ,
 за образами Владимірской Богоматери и
 Св. Николая Госпунскаго. Духовникъ Але-
 ксій пришелъ съ Запасными Дарами, чѣо-
 бы данъ ихъ Василію въ самую минушу
 кончины³¹⁷. »Будь передо мною,« сказалъ
 Великій Князь: »смотри и не пропусти
 »сего мгновенія.« Подлѣ Духовника споялъ
 Стряпчій Государевъ, Феодоръ Кучецкой,
 бывшій свидѣтелемъ Іоаншовой смерти.
 Читали Канонъ на исходѣ души. Василій
 лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ
 ближняго Болрына, Михайла Воронцова,
 обнялъ его съ горячосцію; сказалъ бра-
 ту Юрію: »помнишь ли преставленіе на-
 »шего родителя? я такъ же умираю« —
 и пребожалъ немедленнаго посприжениа,

Г. 1535. одобряемаго Митрополиномъ и нѣкопориыми Болрами; но Князь Андрей Юанновичь, Воронцовъ и Шигона говорили, что Св. Владиміръ не хотѣлъ быть Монахомъ и названъ Равноапостольнымъ; что Герой Донскій также скончался миряниномъ, но своими добродѣтелями / безъ сомнѣнія заслужилъ Царствіе Небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его пупѣлъ, взоръ меркнулъ, рука упала: онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополисъ Даниль взялъ черную ризу и подалъ Игумену Юасафу: Князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда Митрополисъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: *«Не благословляю васъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!»* Никто не опрнмешъ у меня души его. Добръ сосудъ серебряный, но лучше позлащенный!« Василій опходилъ. Спѣшили кончить обрядъ. Митрополисъ, надѣвъ епитрахиль на Игумена Юасафа, самъ постригъ Великаго Князя, переименованнаго Варлаамомъ. Въ поронахъ забыли мантию для новаго Инока: Келарь Троицкій, Серапіонъ, далъ свою. Евангеліе и Схима Ангельская лежали на груди

Г. 1535. умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе: Шигона, стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ³¹⁸: *«Государь скончался!»* и всѣ зарыдали. — Пишупъ, что лице Василіево сдѣлалось вдругъ свѣтло; что, вмѣсто бывшаго несноснаго запаха опъ его раны, комната наполнилась благоуханіемъ. Митрополисъ омылъ тѣло и выперъ хлопчатую бумагою.

Была полночь. Никшо не спалъ въ Москвѣ. Съ ужасомъ ждали вѣсти: народъ наполнился въ улицахъ. Плачь и вой раздавался опъ дворца до Красной площади. Напрасно Бояре, сами заливаясь слезами, удерживали другихъ опъ громкаго стеланія, представляя, что Великая Княгиня еще не знаетъ о кончинѣ супруга. Митрополисъ, облачивъ умершаго въ полное Монашеское одѣяніе, вывелъ его брашневъ въ переднюю горницу и взялъ съ нихъ клятву бытъ вѣрными слугами Юанна и матери его³¹⁹, не мыслишь о Великомъ Княженіи, не измѣнилъ ни дѣломъ, ни словомъ. Обязавъ такою же присягою и всѣхъ Вельможъ, чиновниковъ, Дѣтей Болрскихъ, онъ пошелъ съ значнѣйшими людьми къ Еленѣ, которая, видя ихъ, упала въ обморокъ и два часа не открывала глазъ. Бояре безмолвствовали:

Г. говорилъ одинъ Митрополитъ именемъ 1533. Вѣры, утѣшая со слезами.

Между тѣмъ ударили въ большой колоколъ: пѣло положили на одръ, принесенный изъ Чудова Монастыря, и распахнули двери: народъ съ воплемъ устремился лобызать хладныя руки мертваго. Любимые пѣвчіе Василювы хоромъ пѣли: *Святый Боже!* Ихъ никто не слышалъ. Инокъ Иосифова и Троицкаго монастыря несли пѣло въ церковь Св. Михаила. Елена не могла идти. Дѣти Болгарскіе взяли ее на руки. Всѣ Болгаре окружали гробъ: Князя Василій Шуйскій, Михаилъ Глинскій, Иванъ Теленивъ-Оболенскій и Воронцовъ шли за Еленою, вмѣстѣ съ знаменѣйшими Болгаринами. Погребеніе было великолѣпно и скорбь неописанная въ народѣ. »Дѣти хоронили своего отца,« по словамъ Лѣтописцевъ, которые съ чувствительностію называютъ Василю добрыми, ласковыми Государемъ³²⁰: имя скромное, но умиленное, и простиота его ручается за его истину.

Характеръ Василювъ.

Василій спонитъ съ честію въ памятникахъ нашей Исторіи между двумя великими характерами, Иоаннами III и IV, и не замѣваешя ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; услупая имъ въ рѣдкихъ

природныхъ дарованійхъ — первому въ Г. обширномъ, плодотворномъ умѣ государ- 1533. ственномъ, второму въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели, — онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устремился, двигался впередъ шагами размеренными благоразуміемъ, безъ порывовъ спирасти, и приблизился къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; былъ не Геніемъ, но добрымъ Правителемъ; любилъ Государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семь отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую не многіе Вѣщеносцы заслуживаютъ. Иоанны III творятъ, Иоанны IV прославляютъ и не рѣдко губятъ; Василю сохраняютъ, утверждаютъ Державы, и даятся тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлостъ угодны Провидѣнію.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лице миловидное³²¹, взоръ проникательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Чистая письма его

Г. 1555. къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ просными словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ³²². Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ Самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ средину между жестокостію ужасною и слабостію вредною; наказывалъ Вельможъ, и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забываеъ вины. Умный Болринъ Беклемишевъ заслужилъ его двѣ: удаленный отъ Двора, жадовался на Великаго Князя съ нескромною досадою; приходилъ въ немъ пороки и предсказывалъ несчастія для Государства. Беклемишева судили, уличили въ дерзости, и казнили смертію на Москвѣ-рѣкѣ; а Дьяку Феодору Жареному, опрѣзали языкъ за живыя слова, оскорбительныя для Государевой чести³²³. Тогда не опличали слово отъ дѣла, и думали, что Государь, какъ вѣрный Богъ, можетъ наказывать людей и за самыя мысли, ему противныя! Опасались милосердія въ шакихъ случаяхъ, гдѣ священная Вѣщеносца могла унизиться въ народномъ мнѣніи; боялись, чтобы

вина отпущаемая не показалась народу Г. 1555. виною малою. — Кромѣ двухъ несчастныхъ жерпвъ Политики, юнаго Великаго Князя Димитрія и Шемякина, сынъ Героя, Данила Холмскаго, Восвода и Болринъ Князь Василій, супругъ Государевой сестры; Феододіи, въ 1508 году былъ сосланъ на Вѣвобозеро и въ пещицѣ умеръ. Такую же участь имѣлъ и знавшій Дьякъ, Долмаповъ: назначенный въ Посольство къ Императору Максимилиану, онъ не хотѣлъ ѣхать, отговариваясь своею бѣдностью: вельжи опечатали его домъ, нашли въ онѣмъ 3000 рублей денегъ и наказали Долмапова какъ преступника³²⁴. Государь простилъ Князей Ивана Воропынскаго и Шуйскихъ, которые думали уйти въ Литву³²⁵. Иванъ Юрьевичъ Шигона, бывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, сдѣлался послѣ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Василеевыхъ, равно какъ и Георгій Малый Траханіотъ, Грекъ выѣхавшій съ Великою Княгинею Софіею: пишутъ, что онъ впалъ въ немилость отъ тайной связи съ купцемъ Греческимъ, Маркомъ, осужденнымъ въ Москвѣ за какую-то опасную для Церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разумъ Георгія, Великій Князь возвратилъ ему свою милость; совѣпывался съ

Г. 1555. нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, и для шого приказывалъ знатнымъ чиновникамъ возить его нездороваго во дворець на тележкѣ³²⁶. Мужъ славный въ нашей Церковной Исторіи, Инокъ Максимъ Грекъ, былъ также въ числѣ знаменитыхъ, винныхъ или невицныхъ страдальцевъ сего времени. Судьба его до споминана: расскажем обстоятельственна.

Дѣло Ма-ксима Грека. Василій, въ самые первые дни своего правленія осматривая богатства, оставленные ему родителемъ, увидѣлъ множество Греческихъ духовныхъ книгъ, собранныхъ ошчасии древними Великими Князьями, ошчасии привезенныхъ въ Москву Софією, и лежавшихъ въ пыли, безъ всякаго употребленія. Онъ хотѣлъ имѣть челоука, кошорый могъ бы раземотрѣть оныя и лучшія перевести на языкъ Славянскій: не нашли въ Москвѣ и писали въ Константинополь. Патріархъ, желая угодить Великому Князю, искалъ такоуго *Философа* въ Болгаріи, въ Македоніи, въ Фессалоникѣ; но иго Ошшоманское задушило все остатки древней учености: пняма и невѣжество господствовали въ обласпяхъ Султанскихъ. Наконецъ узнали, что въ славной Обишели Благовѣщенія, на горѣ Аѳонской, есть два Инока, Савва и Максимъ, Богословы искусные въ

Г. 1555. языкахъ Греческомъ и Славянскомъ. Первый въ изнеможеніи старости не могъ предпріять дальняго путешествія въ Россію: впорый согласился исполнить волю Патріарха и Великаго Князя. Въ самомъ дѣлѣ не лъзя было найти челоука способнѣйшаго для замышляемаго труда. Рожденный въ Греціи, но воспитанный въ образованной Западной Европѣ, Максимъ учился въ Парижѣ, во Флоренціи; много путешествовалъ, зналъ разные языки, имѣлъ свѣдѣнія необыкновенныя, пріобрѣтенныя въ лучшихъ Университетахъ и въ бесѣдахъ съ мужами просвѣщенными. Василій принялъ его съ опшмѣнною милоспшію. Увидѣвъ нашу библиотеку, изумленный Максимъ сказалъ въ восторгъ: »Государь! вся Греція не имѣетъ нынѣ шкакого богатства, ни Италия, гдѣ Лаптинскій Фапанизмъ обратилъ въ пепель многія шворенія нашихъ Богослововъ, спасенныя моими единоземцами опшварваровъ Магометовыхъ«³²⁷. Великій Князь слушалъ его съ живѣйшимъ удовольствіемъ и поручилъ ему библиотеку; а ревностный Грекъ, описавъ все, еще неизвѣстныя Славянскому народу книги, по желанію Государеву перевелъ Толковую Псалтирь, съ помощію трехъ Москвитянъ, Власія,

Г. Димитрій и Михайла Медоварцова³²³. Одобренная Митрополиомъ Варлаамомъ и всѣмъ Духовнымъ Соборомъ, сія важная книга, прославивъ Максима, сдѣлала его любимцемъ Великаго Князя, такъ, что онъ не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣры. Умный Грекъ не ослѣпился ссю честью: благодаря Василія, убѣдительно требовалъ опшуска въ тишину своей Афонской Обители, и говорилъ: «шамъ буду славити имя швое; скажу моимъ единоземцамъ, что мѣръ еще имѣеть Царя Христіанскаго, сильнаго и великаго, копорый, если угодно Всевышнему, можетъ освободити насъ отъ тиранства невѣрныхъ.» Но Василій опвѣстивалъ ему новыми знаками благоволенія и держалъ его девять лѣтъ въ Москвѣ: время употребленное Максимомъ на переводы разныхъ книгъ, на исправленіе ошибокъ въ старыхъ переводахъ и на сочиненія душевспасительныя, изъ коихъ знаемъ больше шва³²⁹. Имѣя свободный доступъ къ Великому Князю, онъ ходатайствовалъ иногда за Вельможъ лишаемыхъ Государевой милости и возвращалъ имъ оную, къ удовольствію и зависти многихъ людей, въ особенности Духовенства и суевѣрыхъ

Инокѡвъ Іосифова монастыря, любимыхъ Г. Великимъ Княземъ³³⁰. Смиранный Митрополишъ Варлаамъ мало думалъ о земномъ; но преемникъ Варлаамовъ, гордый Данииль, не замедлилъ объявить себя врагомъ чужеземца. Говорили: «кто сей человекъ, держающій некажашъ древнюю святыню нашихъ церковныхъ книгъ и снимашъ опалу съ Боларь?» Одни доказывали, что онъ ереникъ; другіе предспавили его Великому Князю злоязычникомъ, неблагодарнымъ, впайнѣ осуждающимъ дѣла Государевы. Сіе было во время развода Василіева съ несчастною Соломонією: увѣряюшъ, что сей благочестивый мужъ дѣйствительно не хвалилъ онаго; по крайней мѣрѣ находимъ въ Максимовыхъ поврєніяхъ *Слово къ оставлющимъ жизнь своихъ безъ вины законныя*³³¹. Любя вспупаться за гонимыхъ, онъ тайно принималъ ихъ у себя въ кельѣ и слушалъ иногда рѣчи оскорбительныя для Государя и Митрополипа. На примѣръ: несчастный Болринъ, Иванъ Беклемишевъ, жалуюсь ему на вспыльчивость Великаго Князя, сказалъ, что прежде dospойлые Церковныя Пастыри удерживали Государей отъ спраспей и несправедливостей, но что Москва уже не имѣеть Митро-

Г. 1533. полипа; что Давидъ носилъ только имя и личину Паспыря, не мысля бытъ наспавникомъ совѣспи, ни покровителемъ невинныхъ; что Максима никогда не выпускашъ изъ Россіи: ибо Великій Князь и Митрополишъ опасаются его нескромности въ чужихъ земляхъ, гдѣ онъ могъ бы огласить ихъ слабости³³². Наконецъ умѣли довести Государя до того, что онъ велѣлъ судить Максима: обвинили его и започили въ одинъ изъ Тверскихъ монастырей какъ уличеннаго въ ложныхъ показаніяхъ Св. Писанія и Догмаповъ Церковныхъ: что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, было клеветною, вымышленною Чудовскимъ Архимандритомъ Іоною, Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ и Митрополишомъ³³³.

Жа- лобы на Ве- лика- во Князя. Въ государственныхъ бумагахъ сего времени находимъ, что знашныя люди, не довольные Василиемъ, обвиняли его въ излишней надежности на самого себя, въ неуваженіи совѣшовъ, въ упрямствѣ, нестерпннн противорѣчій, не смотря на то, что онъ рѣшилъ всѣ дѣла *именемъ Боларскимъ*. «Юашиъ» — говорили они — «не употреблялъ сего выраженія въ бумагахъ, но охотно слушалъ противорѣчія и любилъ смѣлыхъ; а Василий не чшптъ

Г. 1533. «старыхъ людей и дѣлаешъ всѣ дѣла запершия самъ-препей, у постели.» Жаловались также на любовь его *къ новымъ обыклымъ*, привезеннымъ въ Москву Софійными Греками, которые, по ихъ словамъ, *замышляли* Русскую землю³³⁴. Но всѣ такіа, можно сказать, легкія обвиненія, если и справедливыя, доказывая, что Василий не былъ чуждъ обыкновенныхъ слабостейъ человѣческихъ, опровергають ли сказаніе Лѣтописцевъ о природномъ его добродушіи? Снискавъ общую любовь народа, онъ, по словамъ Испіорика Іовія, не имѣлъ воинской сиражи во дворцѣ: ибо граждане служили ему вѣрными шѣлохранителями³³⁵.

Великій Князь, какъ говорили тогда, *Образ. судилъ и рѣдилъ землю* всякое упродо *жизни Васи- лія.* самаго обѣда, послѣ коего уже не занимался дѣлами³³⁶; любилъ сельскую тишину; живалъ лѣпомъ въ Оснровѣ, Воробьевѣ или въ Москвѣ на Веронцовѣ полѣ до самой осени³³⁷; часно ѣздилъ по другимъ городамъ и на псовую охоту, Охота въ Можайскѣ и Волокѣ Ламскій; но и памъ не забывалъ Государства: прудился съ Думными Болрами и Дьяками; иногда принималъ Пословъ иноземныхъ³³⁸. Баронъ Герберштейнъ описываетъ такъ охоту

Г. 1553. Великоняжескую: «Мы увидели Государя въ полѣ; оставили лошадей своихъ и приближились къ нему. Онъ видѣлъ на гордомъ конѣ, въ богатомъ перлѣ, въ высокой, осыпанной драгоценными каменьями шапкѣ, съ златыми черьями, которыя развѣвались впродоль; на бедрѣ висѣли кинжалъ и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Подъ него вхали съ правой стороны Царь Казанскій, Алей; вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой два Князя молодые, изъ коихъ одинъ держалъ съкиру; другой булавку или шестоперъ; вокругъ больше шрехъ сотъ всадниковъ.» Передъ вечеромъ сходили съ коней; разспавляли шаптры на луку. Государь, переѣнивъ одежду, садился въ своемъ шаптрѣ на кресла, призывалъ Болръ и весело бесѣдовалъ съ нимъ о подробностяхъ счастливой или неудачной ловли того дня. Служивели подавали закуски, вино и медъ³³⁹. — Самые древнїе Князья наши, Всеволодъ I, Мономахъ и другїе любили звѣрїную ловлю; но Василий едва ли не первый завелъ псовую охоту: ибо Россїяне въ старину считали псовъ живыми нечистыми и гнушались ими³⁴⁰. Дворъ его былъ великолѣпенъ. Василий

умножилъ число саовниковъ, а наго при- Г. 1553. бавивъ къ нимъ *Оужниаго*, *Дренихъ*, *Крайаго* и *Риндъ*³⁴¹, *Крайнїй* былъ може, что нынѣ Оберъ-Шенкъ; а *Риндали* именовались оруженосцы, молодые, знаменитые люди, избираемые по красотѣ, вѣжной прилжности лица, стройному стану; одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными попориками, они ходили передъ Великимъ Княземъ, когда онъ являлся народу; сполли у прѣона и казались иноземцамъ подобіемъ Ангеловъ небесныхъ; а въ воинскихъ походахъ хранили доспѣхъ Государевъ. — Смиранный въ церкви, гдѣ; — удаляя отъ себя многочисленныхъ Царедворцевъ, онъ сполалъ всегда одинъ, у спѣны, близъ дверей, опирался на свой посохъ³⁴². — Василий любилъ пышность во всѣхъ иныхъ шоржеественныхъ собранїяхъ, особенно въ прїемѣ иноземныхъ Преловъ. Чшобы они видѣли множество и богатство народа, славу и могущество Великаго Князя, для того, въ день ихъ представленїа, запирались все лавки, останавливались все работы и дѣла: граждане въ лучшемъ своемъ платьѣ спѣшили къ Кремлю и густыми толпами окружали спѣны его. Изъ окрестныхъ городовъ призывали Дво-

Г. 1533! рянъ и Дъшей Боярскихъ. Войско сполло въ ружьѣ. Чиновники за чиновниками, одни другихъ знапнѣе, выходили на встрѣчу къ Посламъ. Въ пріемной палатѣ, наполненной людьми, царствовало глубокое молчаніе. Государь сидѣлъ на тронѣ; близь него, на спѣнѣ, висѣлъ образъ; передъ нимъ, съ правой стороны, лежалъ *колпакъ*, съ лѣвой посохъ. Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ одеждѣ устьянной жемчугомъ, въ высокихъ *горлатныхъ* шапкахъ³⁴³.

Объ-
ды. — Обѣды Великокняжескіе продолжались иногда до самой ночи. Въ большой комнатѣ накрывались столы въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ Государя занимали мѣсто братья его или Митрополитъ; далѣе Вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. Въ срединѣ, на высококомъ столѣ, сіяло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ, кубковъ и проч. Первымъ блюдомъ были всегда жареные лебеди. Разносили кубки съ Мальвазією и съ другими Греческими винами. Государь въ знакъ милости самъ къ нѣкоторымъ посылалъ кушанье: тогда они вспавали и кланялись ему; другіе также вспавали, изъ учтивости къ нимъ: за что надлежало ихъ благодарить особенными поклонами.

Г. 1533! Для сокращенія времени гости могли свободно разговаривать другъ съ другомъ. Бесѣды веселыя, благочинныя безъ принужденія, правились Василию. Съ иноземцами говаривалъ онъ за обѣдомъ весьма ласково; называлъ ихъ Монарховъ великими; желалъ, чшобы они, утружденные дальнимъ путемъ, насладились въ Москвѣ отдохновеніемъ и собрали новыя силы для пути обратнаго; предлагалъ имъ вопросы, и проч. »Когда мы« (пишеть Францискъ да-Колло, Посолъ Максимилиановъ) »ночью возвращались домой изъ Кремля, всѣ улицы были освѣщены такъ ярко, чшо ночь казалась днемъ«³⁴⁴. — Сверхъ даровъ, Посламъ ежедневно отпускалось въ изобиліи все для нихъ нужное; считалось за обиду, если они чтонибудь покупали. Прислѣавы сморгъли имъ въ глаза, отвѣтспивуя за малѣйшее неудовольствіе сихъ почешныхъ гостей.

Василій такъ же, какъ и родителъ Того, назывался только Великимъ Княземъ для Россіи, употребляя слѣдующій титулъ въ сношеніяхъ съ Державами иноземными: »Великій Государь Василій, Божією милостию Царь и Государь всея Руси и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смолен-

Г. 1535! жскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, «Вяпскій, Болгарскій, и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода Новгородской земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, ии Рославскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій и Обдорскій, и Колдинскій, и иныхъ»⁵⁴⁵. Иоаничъ на предложеніе Императора, дашь ему Королевское достоинство, опвѣщивалъ, какъ мы видѣли, гордо; а Василій на такое же предложеніе Папы Леона X не опвѣщивалъ ни слова, вопреки баснямъ иносстранныхъ Писателей, которые думали, что папи Великіе Князья издревле домогались Королевскаго титула.

Ипо-земцы въ Москвѣ. Слѣдуя во всемъ Иоанну, Василій спасался привлекать иноземцевъ полезныхъ въ Россію. Кромѣ людей искусныхъ въ дѣлѣ воинскомъ; онъ первый изъ Великихъ Князей имѣлъ Нѣмецкихъ лекарей при Дворѣ. Мы упоминали о Люевѣ и Теофиль: сей послѣдній былъ Любчанинъ, взятый въ плѣнъ Восводою Сабуровымъ въ Липсѣ. Магистръ Прусскій ходатайствовалъ о свободѣ его; но Великій Князь сказалъ, что сей Нѣмецъ лечилъ одного изъ нашихъ Вельможъ и долженъ прежде возвратитъ ему здоровье, а послѣ преребо-

вать отпуска въ свою землю⁵⁴⁶. Волею Г. или неволею Теофиль оспался въ Москвѣ, 1535. гдѣ находился и претій знаменитый лекарь, родомъ Грекъ, именемъ Марко, ко-его жена и дѣти жили въ Царѣградѣ. Сулиманъ писалъ къ Великому Князю: «Отпусти Марка къ его семейству; онъ вѣзжалъ въ Россію единственно для торговли;» но Государь отвѣчалъ: «Марко издавна служилъ мнѣ добровольно, и лечилъ моего Новгородскаго Намѣстника; пришли къ нему жену и дѣтей»⁵⁴⁷. Иноземцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда вѣзхаться въ Россію, нежели выѣзхаться изъ нее.

Василій издалъ много законовъ для внуш-Законо-реннаго благоустройства государствеп-наго, которые, вмѣстѣ съ Уложеніемъ отца его, вошли въ Судебникъ Царя Иоанна Василіевича. На примѣръ, сей Великій Князь успавилъ, чтобы владѣльцы Тверскіе, Оболенскіе, Бѣлозерскіе и Рязанскіе не продавали опчинъ своихъ жителямъ другихъ областей; чтобы наследники людей, опказавшихъ имѣніе монастырямъ, не выкупали оного, если въ завѣщаніи не дано имъ право на сей выкупъ, и проч.⁵⁴⁸. Жалованная Смоленская грамота велишь Намѣстникамъ отдавать

Г. 1553. всякое поличное ищущамъ, искоренять ябедниковъ и немедленно освобождать судимаго, представляющаго надежныхъ порукъ; дозволяешь мѣщанамъ безъ явки рубить лѣсъ около города; запрещаетъ Боярамъ кабаки вольныхъ людей и держать корчмы; опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную*, *убойную*³⁴⁹, и показываетъ намъ тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенныхъ доходовъ, изобрѣтенную въ вѣки невѣжества. Важное и любопытное судебное постановленіе сдѣлано было Василиемъ въ Новгородѣ: узнавъ, что Намѣстники и Тиуны кривятъ душу въ рѣшеніи спяжбъ, онъ велѣлъ избрать тамъ 48 Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы сіи люди, достойные общаго уваженія, по очереди судили всѣ дѣла съ Тиунами³⁵⁰. Для чего не распространилъ онъ споль мудраго и благотѣтельнаго учрежденія на все Государство? Можетъ быть, другіе Россіане еще не имѣли довольно гражданскаго ума и навыка: они молчали, а Новгородцы, вспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавіе не мѣшало Государю дать лучшимъ гражданамъ участіе въ судебномъ правѣ. — Лѣтописцы хвалятъ еще

Василія за утвержденіе тишины и безопасности въ Новгородѣ: онъ учредилъ тамъ пожарную и ночную стражу; велѣлъ, какъ и въ Москвѣ, замыкать ввечеру улицы рогатками, и совершенно прекратилъ воровство. Лишенные способа жить кражею и злодѣйствами, негодники ушли или обратились къ трудолюбію, выучились ремесламъ и сдѣлались людьми полезными³⁵¹.

При семъ Великомъ Князѣ построены Строчетъ четыре важныя крѣпости съ каменными стѣнами: въ Нижнемъ Новгородѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Зарайскѣ; первую строилъ Пепиръ Фризинъ: она еще цѣла. Коширу и Черниговъ укрѣпили только валомъ и деревянными башнями. Въ Москвѣ Фризинъ Алевизъ обложилъ Кремлевскіе рвы кирпичемъ и выкопалъ нѣсколько прудовъ въ предмѣстіяхъ³⁵². Въ Новгородѣ, опустошенномъ пожарами, чиновники Великокняжескіе размѣрили улицы, площади, ряды на образецъ Московскихъ³⁵³. — Изъ храмовъ, созданныхъ Василиемъ, донынѣ существуютъ въ Москвѣ Кремлевская церковь Св. Николая Гостунскаго (на томъ мѣстѣ, гдѣ была деревянная) и Дѣвичій монастырь, основанный въ знакъ благодарности ко Всевышнему за взятіе

1. Смоленска. Государь изъ собственной казны своей опложилъ на то 3000 рублей (около шестидесяти тысячъ пшѣнныхъ), кромѣ дворцовыхъ селъ и деревень, данныхъ сему монастырю³⁵⁴. Главнымъ строителемъ церковнымъ былъ тогда Фрязинъ Алевизъ *Новый*. Довершивъ храмъ Михаила Архангела, Василий (въ 1507 году) перенесъ шуда гробы своихъ предковъ, и самъ назначилъ себѣ могилу подлѣ родителя³⁵⁵. Соборъ Успенскій былъ (въ 1515 году) украшенъ живописью, *худого* и столь искусною, говорятъ Лѣтописцы, что Великій Князь, Святители и Болре, вступивъ въ церковь, сказали: «мы видимъ небеса!» Между иконописцами славился Россіянинъ, Федоръ Едикеевъ, который расписывалъ церковь Благовѣщенія, соединенную съ новымъ, великолѣпнымъ дворцомъ, куда Василий перешелъ въ Маѣ 1508 году³⁵⁶.

Церковная Исторія Василіева государственованія, кромѣ мнимой ереси Максима Грека въ исправленіи священныхъ книгъ, представляеть не много достопамятныхъ случаевъ. Уже давно мощи Алексія Митрополипа, по сказанію Лѣтописцевъ, исцѣляли недужныхъ; но въ 1519 году были священнымъ обрядомъ утверждены во сла-

въ чудотворенія. Митрополипъ Варлаамъ Гр¹ донесъ Государю, что многіе слѣпцы, съ усердіемъ лобызая раку Алексія, прозрѣли. Собралось все Духовенство и несмѣтное число людей при колокольномъ звонѣ. Объявили чудеса и доказательства оныхъ. Цѣли молебень надъ святымъ гробомъ: Великій Князь, обливаясь слезами умиленія, первый поклонился оному и восквалилъ милость Неба, которая во дни его царствованія открыла *второй источникъ* благодати и спасенія для Москвы. Свѣкло праздновали сей день, и Св. Алексій, въ пародномъ мѣстѣ, спалъ на ряду съ древнимъ Московскимъ Угодникомъ Божиимъ, Митрополипомъ Пепромъ³⁵⁷.

Не малымъ соблазномъ для Духовенства и мирянъ была тогдашняя ссора Архіепископа Новгородскаго, Серапіона, съ Св. Іосифомъ Волоцкимъ, за то, что сей послѣдній съ монастыремъ своимъ опложилъ опъ его вѣдомства къ Митрополип³⁵⁸. Великій Князь въ гнѣвѣ лишилъ Серапіона Епархіи, и Новгородцы, 17 лѣтъ не имѣвъ Святителя, съ радостію встрѣтили наконецъ знаменитаго Макарія, бывшаго Архимандрита Лужковскаго, согласно съ древнимъ обычаемъ посвященнаго къ нимъ въ Архіепископы. Лѣтописецъ

Г. 1553. ихъ славить сіе время какъ счастливейшее для его опчизны, гдѣ, молишвами ревностнаго Пастыря, вселилась пишина, соупшвуемая здравіемъ людей, обиліемъ и веселіемъ. Макарій первый учредилъ *общежителство* въ монастыряхъ Новгородскихъ и шѣмъ умножилъ вездѣ число Иноковъ, доставивъ имъ способъ жить безопасно: ибо прежде каждый изъ нихъ имѣлъ свое хозяйство, соединенное съ заботами. Спрогій въ наблюденіи благочинія, онъ вывелъ Игуменовъ изъ всѣхъ женскихъ монастырей и далъ Инокинямъ Настояшельницъ; опличался также усердіемъ къ лѣпопѣ церковной: сдѣлалъ въ Софїи, на мѣсто обветшалыхъ, новыя богатыя Царскія двери и великолѣпный амвонъ; расписалъ стѣны, обновилъ иконы, между которыми древнѣйшія были Греческія: Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра*. — Въ первые годы Макаріева Архіепископства Лапландскіе Поморяне, обитавшіе близъ устья рѣки Нивы и Кандажеской Губы, прислали старѣйшинъ къ Великому Князю, моля его дать имъ учителей Христіанскихъ; а Государь велѣлъ Макарію отправить шуда Софійскаго Іерея съ Діа-

кономъ, которые просвѣтили жипелей Г. 1553 испиною Евангельскою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще опдаленнѣйшіе дикари, Лапландцы Кольскіе, изъявили Макарію желаніе креститься, и съ великимъ усердіемъ приняли Святенниковъ. Такъ Россіане, опъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, насаждали Вѣру Спасителю, не упопреляя ни малѣйшаго принужденія. Но сіи люди полудикіе, уже вѣру во Христа, еще держались старыхъ обычаевъ: въ Пашинѣ Вотской, въ Ижерѣ, около Иванагорода, Ямы, Копорья, Ладоги, Невы, до Каянїи и Лапландїи, на просиранствѣ тысячи вершъ или болѣе, народъ еще обожалъ солнце, луну, звѣзды, озера, источники, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣлъ жрецовъ именуемыхъ Арбуями, и ходя въ церкви Христіанскія, не измѣнялъ и кумирамъ. Макарій, съ дозволенія Государева, послалъ шуда умнаго Монаха, Илію, съ наставительною грамотою къ жипелямъ, которые, увѣряя его въ ихъ ревности къ Христіанству, говорили, что они не смѣютъ коснуться своихъ идоловъ, хранимыхъ ужасными духами. Илія зажегъ мнимые лѣса священныя, бросилъ въ воду кумиры, удивилъ народъ, и проповѣдио Слова Божія довершилъ шоржество Хри-

Г. 1553. спіанства. Лѣтописецъ сказываесть, что пятилѣтніе младенцы помогали сему добродѣтельному Инокѣ сокрушати мольбища идолопоклонниковъ³⁶⁹. — Замѣтимъ, что не только Чудь, но и самые Россіане въ XVI вѣкѣ еще усердно слѣдовали нѣкоторымъ языческимъ обыкновеніямъ. Жители Псковской области 24 Іюня праздновали день Купала: собирали травы въ пустыняхъ и въ дубравахъ съ какими-то суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопелхъ, на гудкахъ; молодья жены, дѣвицы плясали; обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе: о чемъ ревностный Игуменъ Елеazarовской Обители, старецъ Памфилъ съ укоризною писалъ къ Намѣстнику и самовникамъ Пскова въ 1505 году³⁶⁰.

Угнетенное игомъ невѣрныхъ и бѣдностію, Духовенство Греческое, какъ и прежде, искало утѣшенія и благодѣлній въ Россіи. Константинопольскій Папріархъ Теолиппъ (въ 1518 году) присылалъ къ намъ Явненскаго Митрополита Григорія съ Афонскими Иноками, чтобы разжалобили Великаго Князя описаніемъ ихъ печальнаго сословія. Благословляя Христіанскую добродѣтель Россіянъ, они

выѣхали изъ Москвы съ богатыми дарами. Будучи въ дружбѣ съ Султаномъ, Государь и самъ посылалъ милостыню въ Грецію съ своими чиновниками. Г. 1555.

При Василии (въ 1509 году) былъ церковный Соборъ въ Липовской Россіи, въ Вильнѣ: Духовенство наше не имѣло участія въ ономъ. Кіевскій Митрополитъ Іосифъ съ семью Епископами успавили намъ весьма строгіе законы для нравственности Священниковъ, взявъ мѣры, чтобы мірская власть не вмѣшивалась въ права Духовной. Дѣянія сего достопамятнаго Собора свидѣтельствуютъ, что Церковь Греческая пользовалась тогда въ Липвѣ свободою, независимостію, и была вѣрною кореннымъ успавамъ Православія³⁶¹.

Въ 27 лѣтъ Василиева государствования Россія испытала немалыя физическія бѣдствія: отъ 1507 до 1509 года свирѣпствовала язва съ *желтзою* въ Новѣгородѣ, и въ одну осень схоронено тамъ 15,000 человекъ; зимою въ 1512 году во многихъ обласняхъ люди умирали кашлемъ; въ 1521 и 1532 году было во Псковѣ ужасное повѣтріе, отъ коего всѣ государственные чиновники разбѣжались, и которое миновалось, по извѣстію Лѣто-

Г. писцевъ, оиъ упошребленія Святой воды, 1535. присланной Архіепископомъ Макаріемъ, Великимъ Княземъ и Митрополипомъ. Тогда же и въ Новѣгородѣ умерло болѣе тысячи жипелей *отъ прыщей*⁵⁶². Были чрезвычайныя засухи: пишущъ, что лѣтомъ въ 1525 году около чепырехъ недѣль солнце и луна не показывались на небѣ отъ густой мглы; что въ 1533 году отъ 29 Юня до Сенпября не упало ни одной дождевой капли на землю; что болопа и ключи изсохли; лѣса горѣли: солнце шусклое, багровое, скрывалось за два часа до захожденія; люди въ день не распознавали другъ друга въ лице и задыхались отъ дымнаго смрада; путешественники, плавашили не видали пути; пшпцы не могли парить въ воздухъ⁵⁶³. Напротпвъ того лѣтомъ въ 1518 году недѣль пять шли непреспанно сильныя дожди: рѣки выпупили изъ береговъ; поля залились водою; прервалось сообщеніе между городами и селами. Великій Князь торжеспивенными молебствіями спарался умилоствитъ небо: Дворъ и народъ постились⁵⁶⁴. — Общій неурожай въ 1512 году произвелъ неслыханную дороговизну: бѣдныя умирали съ голоду⁵⁶⁵. Въ Сенпябрь 1515 года Москва имѣла недостапокъ въ

хлѣбѣ: не лзя было купитъ ни чептвер- Г. ши ржи. Въ 1525 году все съѣстное про- 1535. давалось памъ въ десять разъ дороже обыкновеннаго⁵⁶⁶. — Лѣтописцы жалуются на частыя пожары (обвиняя въ томъ учрежденіе пороховыхъ заводовъ): въ Москвѣ, Псковѣ, особенно въ Поѣгородѣ, гдѣ (въ 1503 году) самыя каменныя палаты распапались отъ силы огня и сгорѣло 5314 человекъ⁵⁶⁷. — Явленіе прехъ Коменъ (отъ 1531 до 1533 года) во всей Россіи приводило народъ въ ужасъ⁵⁶⁸.

Описавъ дѣянія и случаи сего времени, напомнимъ Чпшашелю, что оно, будучи достопамятно для Россіи благоразуміемъ ея Правленія, славно въ лѣтописяхъ Европы *во-первыхъ* рѣдкимъ собраніемъ Вѣиценосцевъ знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, *во-вторыхъ* важнымъ Церковнымъ преобразованіемъ. Не многіе вѣки хваляпся такими Государями *современными*, каковы были Максимиліанъ, Карль V, Людовикъ XII, Францискъ I, Селимъ, Солиманъ, Генрикъ VIII, Густавъ Ваза: можемъ прибавитъ къ нимъ и Папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Всѣ они, за исключеніемъ Англійскаго и Французскихъ Королей, находились въ сношеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ со-

Вели-
кіе со-
вре-
мен-
ники
Васи-
ліевы.

Г. 1535. временникомъ; всѣ имѣли умъ и дарова-
 нія опличныя. Но была ли счастлива
 Европа? Видимъ, какъ обыкновенно, не-
 обузданность властолюбія, зависть, коз-
 ни, бипвы и бѣдспвія: ибо не одинъ умъ,
 но умъ и спрасши дѣйспвуютъ на оеатрѣ
 міра. Ужасасмая могущеспвомъ Оптоман-
 ской Имперіи, волнуемая бореніемъ Франція
 съ силами Испаніи и Авспірии, Европа въ
 Рас- коль Люте- ровъ. тоже время была попрясена Церковнымъ
 мяшежемъ, кошорый скоро сдѣлался го-
 сударспвеннымъ. Уже Духовная власть,
 или Папская, очерненная многими злоупо-
 требленіями, давно слабѣла въ Западныхъ
 Державахъ, но упорспвовала въ своихъ
 гордыхъ требованіяхъ, и не хотѣла обра-
 титься къ истинному Духу Христіан-
 спва, вопреки успѣхамъ просвѣщенія.
 Явился бѣдный Инокъ, Маршинъ Люперъ,
 кошорый, свергнувъ съ себя монашескую
 одежду, и держа въ рукѣ Евангеліе, смѣлъ
 называть Папу Антихристомъ: уличалъ
 его въ обманахъ, въ корыстолюбіи, въ
 искаженіи Свящынни, и не смотря на Цер-
 ковныя кляпвы, Соборы и гпѣвъ Карла V,
 основалъ новую Вѣру, хопя шакже на
 Евангельскомъ ученіи, но съ опверже-
 ніемъ многихъ важныхъ, значительныхъ
 обрядовъ, введенныхъ въ самомъ началѣ

Христіанспва и безъ сомнѣнія полезныхъ: Г. 1535.
 ибо люди имѣютъ не только разумъ, но
 и воображеніе, не менѣ перваго дѣйспвую-
 щее на сердце. Обнаживъ Богослуженіе,
 лишивъ оное торжественности, и какъ
 бы закрывъ для мысли небо, куда взоръ
 и духъ молящихся успремляюцца опъ
 велелѣнія Одшарей, опъ таинспвеннаго
 священнодѣйспвія Литургіи, сей рѣши-
 тельный преобразователь удовольспво-
 вался одною правспвенною проповѣдію;
 оказалъ еще болѣе ненависти къ Риму,
 нежели усердія къ Сіону; ссылаясь един-
 спвенно на Христа и Апостоловъ, не по-
 дражалъ имъ въ кропосши: подвергая
 Догматы Церкви суду ума, говорилъ язы-
 комъ спраспей, и лишивъ Папу Духов-
 ной власти во многихъ земляхъ Германіи,
 въ прехъ Сѣверныхъ Королевспвахъ, въ
 бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и
 въ Ливоніи, самъ предспвлялъ лице на-
 чальника Церковнаго, обязанный своимъ
 шоржеспвомъ не фанатизму народному,
 а земнымъ расчетамъ Правспелей: удер-
 живая имя Христіанъ и Свящынню Еван-
 гелія, новымъ Исповѣданіемъ они свергали
 съ себя иго зависимости опъ гордаго,
 взыскашельнаго, корыстолюбиваго Рима;
 присоединяли дани и пошлины Церковныя

Г. 1533. къ своимъ доходамъ, и могли въ дѣлахъ совѣсти уже не боясь Духовнаго за-
прещенія. Многіе полкователи всемірныхъ
проншествій говоришь о Люперанской
Вѣрѣ какъ о великомъ благодѣянїи для
человѣчества: она неоспоримо способство-
вала успѣхамъ просвѣщенїа и лучшей
нравственности, соединенной съ оными;
но первымъ ея слѣдствїемъ были крово-
пролитїа и новыя Секты Христіанскїа,
отчасти вредныя для самыхъ Прави-
шельствъ и спокойствїа гражданскаго³⁶⁹.
Генрикъ VIII, написавъ книгу противъ
Люпера, самъ послѣдовалъ его примѣру:
оставилъ Римское Исповѣданїе и сдѣла-
ся Главою Англиканскаго, связавъ оное
крѣпкимъ узломъ съ пользою Королевской
власти, и давъ себѣ волю удовольстворять
своему гнусному любострастію переме-
ною жень. Однимъ словомъ, если враги
Латинской Церкви справедливо винили
ее въ невѣрности къ истинному Хри-
стіанству, то и ревностныя Капюльки
но совѣсти могли винить ихъ въ лице-
мѣрїи, въ обманахъ и въ беззаконїи.

Сїа важная перемѣна Церковная не
укрылась отъ вниманїа нашихъ современ-
ныхъ Богослововъ: объ ней разсуждали
въ Москвѣ, и Грекъ Максимъ написалъ

Слово о Лютеровой ереси, гдѣ, не хвали
мірскаго властолюбїа Пань, строго осу-
ждаетъ новоспи въ Законѣ, внушаемыя
спраспями человѣческими³⁷⁰.

Г Л А В А IV.

Состояніе Россїи.

Правленїе. Войско. Правосудїе. Торговля. Дѣтп. Бе-
режливость Государей. Дороги и почта. Москва.
Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въездъ
Пословъ. Иноземцы. Словесность. Извѣстіа о Вос-
шокъ и Сѣверъ Россїи.

Г. 1462 — 1533.

Въ сіе время опечество наше было
какъ бы новымъ свѣтомъ, открытымъ
Царевною Софією для знаишйшихъ Евро-
пейскихъ Державъ. Въ слѣдъ за нею По-
слы и путешественники являясь въ Мо-
сквѣ, съ любопытствомъ наблюдали фи-
зическіа и нравственныя свойства земли,
обычаи Двора и народа; записывали свои
примѣчанїа и выдавали оныя въ книгахъ,
пакъ, что уже въ первой половинѣ XVI
вѣка состояніе и самая древняя Исторїа
Россїи были извѣстны въ Германїи и въ

Испаліи. Коншарцини, Павелъ Іовій, Францискъ да-Колло, въ особенності Гербершпейнъ спарались дасть современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой Державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ опечества.

Пра-
влєніє.

Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ Самовласніе Государя Россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. »Скажешъ, и сдѣлано,« говоритъ Баронъ Гербершпейнъ: »жизнь, достояніе людей, мірскихъ и духовныхъ, Вельможъ и гражданъ, совершенно зависить отъ его воли. Нѣтъ проптиворѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ Божества: ибо Русскіе увѣривши, что Великій Князь есть исполнителъ воли Небесной. Обыкновенное слово ихъ: такъ угодно Богу и Государю; въ-даетъ Богъ и Государь. Усердіе сихъ людей невѣрояино. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ Великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго Посломъ въ Испаніи, сѣдаго старца, который, встрѣшивъ насъ при въздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, усуешился, бѣгалъ какъ молодой челоуѣкъ; опотъ градомъ текъ съ лица его. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: *ахъ, господинъ Баронъ! мы*

*»служимъ Государю не по вашему! Не знаю, свойство ли народа пребовало для Россіи такихъ Самовластителей, или Самовластители дали народу такое свойство«*³⁷¹. Безъ сомнѣнія дали, чптобы Россія спаслась и была великою Державою. Два Государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего Правленія и сдѣлать Самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ Государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть Монарховъ казалась иноземцамъ *Тиранніею*: они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что *Тираннія* есть только злоупотребленіе Самодержавія, являясь и въ Республикахъ, когда сильные граждане или сановники усѣвляють общество. Самодержавіе не есть опсущствіе законовъ: ибо гдѣ *обязанность*, тамъ и *законъ*: никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности Монарховъ блюсти счастіе народное.

Сія иноземные наблюдатели сказывають, что Великій Князь, будучи для подданныхъ образомъ Божества, превосходя всѣхъ иныхъ Виценосцевъ въ *правственному могуществу*, не усшупалъ ни-

кому изъ нихъ и въ воинскихъ силахъ, имѣя *триста тысячъ* Боярскихъ Дѣшей и *шестьдесятъ тысячъ* сельскихъ ранинковъ, коихъ содержаніе ему ничего или мало стоило: ибо всякой Боярскій Сынъ, надѣленный отъ Казны землею, служилъ безъ жалованья, кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ, и кромѣ Липовскихъ или Нѣмецкихъ пѣхопиныхъ воиновъ, числомъ менѣе двухъ тысячъ. Конница составляла главную силу; пѣхота не могла съ успѣхомъ дѣйствовать въ степяхъ противъ непріятелей конныхъ. Оружіемъ были лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, иногда мечъ, копье. Знаменитѣйшіе имѣли кольчуги, лапы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ: вылитыя Испанскими художниками для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ на лафетахъ. Въ битвахъ мы надѣялись болѣе на силу, нежели на искусство; обыкновенно спарались займи въ штыль непріятелю, окруживъ его, вообще дѣйствовать издали, не въ рукопашь; а когда нападали, то съ ужаснымъ стремленіемъ, но непродолжительнымъ. »Онѣ« — пишеть Герберштейнъ — »въ быстрыхъ своихъ нападеніяхъ какъ бы говорящъ

»непріятелю: *бѣги, или мы сами побѣдимъ!* И въ обществѣ и въ войсѣхъ народы удивительно различуютъ между собою. Татаринъ, сверженный съ коня, обогранный кровію, лишенный оружія, еще не сдастся въ плѣнъ: машеть руками, толкаетъ ногою, грызеть зубами. Турокъ, видя слабость свою, бросаетъ саблю и молитъ побѣдителя о милосердіи. Гонись за Русскимъ: онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; но никогда не требуетъ пощады. Коли, руби его: молчишь и падаетъ.« — Щадя людей и худо употребляя снарядъ огнестрѣльный, мы рѣдко брали города приступомъ, надѣясь изнурить жителей долгою осадой и голодомъ. Располагались станомъ обыкновенно вдоль рѣки, не далеко отъ лѣса, въ мѣстахъ пастбищныхъ. Одни чиновники имѣли наметы; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ подседельными войлоками, въ защиту отъ дождя. Обозовъ почти не было: возили все нужное на вьючныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою въ походъ нѣсколько фунтовъ шолоха, вѣщины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кромѣ Воеводъ, которые иногда давали имъ вкуснѣйшіе обѣ-

ды. Полки имѣли своихъ музыкантовъ или прубачей. На Великокняжескихъ знаменахъ изображался Иисусъ Навинъ, останавливающий солнце. — Въ каждомъ полку особенные сановники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ, означая пер- выхъ для благоволенія Государева и на- градъ, а другихъ для его немилости или общественнаго стыда. — Молодые люди обыкновенно гоповили себя къ воинской службѣ богатырскими играми: выходили въ поле, стрѣляли въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава³⁷².

Пра-
восу-
діе.

Хваля ясность, простоту нашихъ за- коновъ и суда, не имѣвшихъ нужды ни въ шолковашеляхъ, ни въ спряпчихъ — не менѣе хваля и Василиеву любовь къ справедливости — иноземцы замѣчали одна- кожь, что богатый рѣже бѣднаго оказы- вался у насъ виновнымъ въ шяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душою въ своихъ рѣ- шеніяхъ. Однажды донесли Василию, что судья Московскій, взявъ деньги съ испца и съ опвѣпчика, обвинилъ того, кпо ему далъ менѣе. Великій Князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался, и съ ви- домъ невиннаго опвѣщспвовалъ: »Госу-

дарь! я всегда вѣрю лучше богатому, »пжели бѣдному,« разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ. Василий улыбнулся, и корыстоплюбець остался по крайней мѣрѣ безъ шяжкаго наказанія. — Не только законодательная, но и судная власть, какъ въ самую глу- бокую древность, принадлежала единствен- но Государю: всѣ другіе судьи были поль- ко его временными или чрезвычайными повѣренными, отъ Великокняжескихъ Дум- ныхъ Совѣтниковъ до Тиуновъ сельскихъ. Государь не рѣдко уничтожалъ ихъ при- говоры. Они не могли лишить жизни ни креспьянина, ни раба или холопа. Мирская власть наказывала и Духовныхъ. Иногда Митрополишь жаловался на уголовныхъ судей, которые приговаривали Священни- ковъ къ кнупу и къ висѣлицѣ; судьи оп- вѣчали: »казнимъ не Священниковъ, а не- »годлевъ, по древнему уставу нашихъ »опцевъ.« — Въ сочиненіи Іовія и Гер- берштейна находимъ первое извѣстіе о жестокихъ судныхъ пыткахъ, коими за- ставляли у насъ преступниковъ винить- ся въ ихъ злодѣяніяхъ: воровъ били по пятамъ; разбойникамъ капали сверху на голову и на все тѣло самую холодную воду и вбивали деревяшныя спицы за ног-

пи³⁷⁵. Обыкновеніе ужасное, данное намъ Татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнупомъ и всѣми пѣлесными, мучительными казнями.

Тор-
говля. Торговля сего времени была въ цвѣ-
тущемъ состояніи. Къ намъ привозили изъ Европы серебро въ слиткахъ, сукна, сученое золото, мѣдь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; изъ Азіи шелковыя шкани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоценныя каменья; ошъ насъ вывозили въ Нѣмецкую землю мѣха, кожи, воскъ; въ Липву и въ Турцію мѣха и моржовые клыки; въ Татарию сѣдла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, въ обмѣнъ на лошадей Азіатскихъ. Оружіе и желѣзо не выпускалось изъ Россіи. Въ Москву ѣздили Польскіе и Липовскіе купцы; Датскіе, Шведскіе и Нѣмецкіе торговали въ Новѣгородѣ; Азіатскіе и Турецкіе на Мологъ, гдѣ существовалъ ирежде Холопій городокъ, и гдѣ находилась тогда одна церковь. Сія ярмонка еще славилась своею знапною мѣною. Иноземцы облизывались показывать товары свои въ Москвѣ Великому Князю: онъ выбиралъ для себя, что ему нравилось; платилъ деньги и позволялъ продажу оснальныхъ. Пряныя землія, шелковыя шкани и многія иныя вещи были у насъ

дешевы въ сравненіи съ ихъ цѣною въ Германіи. Лучшіе мѣха шли изъ земли Печорской и Сибири. Плашили иногда за соболя 20 и 30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу (употребляемую на Боярскія шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядныя плащя. Волчьи мѣха были дороги, рысьи дешевы. Горностаѣ спойлъ при или четыре, бѣлка двѣ деньги и мѣте. — Съ поваровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ брали въ казну пошлины, семь денегъ съ рубля, а за воскъ четыре деньги съ пуда сверхъ цѣны онаго. Россія считалась въ Европѣ землею изобильнѣйшею дикимъ или бортевымъ медомъ. — Монастырь Троицкій въ Смоленской области, на берегу Днѣпра, былъ главнымъ приспанищемъ для купцевъ Липовскихъ: они жили тамъ въ гостиницахъ и грузили товары, покупаемые ими въ Россіи для отправленія въ ихъ землю. — Нѣкоторыя мѣста особенно славилась своими произведеніями для внутренней торговли: на примѣръ, Калуга деревянною, красивою посудою, Муромъ вкусною рыбою, Переяславль сельдями, а еще болѣе Соловки, гдѣ находились лучшія соляныя варницы. — Многія доходныя рѣки облегчали перевозъ това-

ровъ; но Россія еще не имѣла морей, кромѣ Сѣвернаго Океана, къ коему она примыкала своими полунощными, хладными пустынями. Иногда небольшія суда ходили опть успѣя Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святаго Носа, Семи Острововъ и Шведской Лапландіи въ Норвегію и въ Данію. Симъ путемъ Датскій Посолъ возвращался изъ Москвы въ Норвегію съ нашимъ полмачемъ Испомою. Другой полмачъ, именемъ Власій, плылъ Сухоною, Югомъ и Двиною до Бѣлаго моря, чпобы ѣхать опшуда въ Копенгагенъ. Сіе плаваніе считалось весьма опаснымъ и затруднительнымъ: купцы Скандинавскіе не смѣли вѣрять оному своимъ поваровъ и держались Новагорода. — Любопытно знать, что Россіяне уже имѣли тогда свѣдѣніе о Кипаѣ, и думали, что можно Сѣвернымъ Океаномъ достигнуть береговъ сей отдаленной Имперіи³⁷⁴.

День-
ги. Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя деньги: Московскія, Тверскія, Псковскія, Новгородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рубль (который спойль два червонца), а мѣдныхъ *пуль* 1200 въ гривнѣ. Новгородскія деньги имѣли почти двойную цѣну: ихъ было только 140 въ рубль. На сихъ монетахъ изображался

Великій Князь сидящій въ креслахъ и другою челоувкъ склоняющій предъ нимъ голову; на Псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на Московскихъ всадникъ съ мечемъ: *новыя* были цѣною въ половину менѣ старыхъ. Золотыя деньги ходили только иностранныя: Венгерскіе червонцы, Римскіе гулдены и Ливонскія монеты, коихъ цѣна перемѣнялась. — Всякой серебряникъ билъ и выпускалъ монету: Правительство наблюдало, чпобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ мѣшала. Государь не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи, однакожь хотѣлъ, чпобы мы единственно мѣялись товарами съ иностранцами, а не покупали ихъ на деньги. — Въмѣсто нынѣшняго *ста*, обыкновенннхъ торговымъ счетомъ было *сорокъ* и *девляносто*; говорили: *сорокъ*, два *сорока*, или *девляносто*, два *девляността*³⁷⁵, и проч.

Успѣхи торговли болѣе и болѣе умножали доходы Государевы. Современники славятъ богатство и бережливость Василія. Главная казна его хранилась на Бѣ-Бере-
дѣозерѣ и въ Вологдѣ, какъ въ безопаснѣй-
шихъ и недосупныхъ для непріятеля Госу-
дарей.
мѣстахъ, окруженныхъ лѣсами и болоша-
ми непроходимыми³⁷⁶. »Удивительно ли« —
пишущъ иностранцы — »что Великій Князь

»богатъ? онъ не дасть денегъ ни войску, ни Посламъ, и даже беретъ у нихъ, что они вывозятъ драгоцѣннаго изъ чужихъ земель: пакъ Князь Ярославскій, возвращаясь изъ Испаніи, опдалъ въ казну всѣ тяжелья золотыя цѣпи, ожерелья, богатыя ткани, серебряныя сосуды, подаренные ему Императоромъ и Фердинандомъ Австрійскимъ. Сіи люди не жалуются, говоря: *Великій Князь возметъ, Великій Князь и наградитъ*³⁷⁷.» Не пѣтъ безъ сомнѣнія Іоаннъ и Василій богатѣли, что не давали серебромъ жалованья войску (ибо помѣстья сполди серебра) и не пѣтъ, что брали иногда у Пословъ вещи, которыя имъ опмѣнно нравились; но мудрою бережливостію, почнымъ соображеніемъ предпріятій съ государственнымъ способами, запасомъ на случай нужды: правило важное для благаденствія Державы. Карлъ V съ сокровищами Новаго Свѣта часно не имѣлъ денегъ, а Великіе Князья наши могли хвалиться богатствомъ, издерживая менѣе, нежели получал.

Доро-
ги и
почта.
Не смотря на дѣятельность по торговли, Россія казалась путешественникамъ малонаселенною въ сравненіи съ иными Европейскими странами: рѣдкія жилищества, степи, дремучіе лѣса, худыя, пустышныя,

уединенныя дороги свидѣтельствовали, что сія Держава была еще новою въ гражданскомъ образованіи. Съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, пыльныхъ мостахъ, опасностяхъ, неудобствахъ въ пути, чужестранцы хвалятъ исправность и скорость нашей почты: изъ Новагорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя 6 денегъ за 20 верстѣ. Лошадей было множество на учрежденныхъ ямахъ: кто требовалъ десяти или двѣнадцати, тому приводили сорокъ или пятьдесятъ. Усталыхъ кидали на дорогѣ; брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проезжихъ³⁷⁸.

Чѣмъ ближе къ столицѣ, пѣтъ болѣе Москв. селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга, представляли картину человеческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами Кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудю деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрестныя монастыри казались маленькими, прелестными городками. Въ слободахъ жили кузнецы

и другіе ремесленники, копорые непре-
сшаннымъ употребленіемъ огня могли
быть опасны въ сосѣдствѣ: разселенные
на большомъ пространствѣ, они сѣяли
хлѣбъ и косили траву предъ ихъ домами,
на обѣихъ сторонахъ улицы. Одинъ Кремль
считался городомъ: всѣ иныя частіи Мо-
сквы, уже весьма обширной, назывались
предмѣстіями, ибо не имѣли никакихъ
укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крупно-
берегой Яузѣ стояло множество мель-
ницъ. Неглинная, будучи запружена, упо-
доблялась озеру и наполняла водою ровъ
Кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были
пѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили
воздухъ, такъ, что въ Москвѣ не знали
никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ
наносныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ,
находилось въ ней 41,500 домовъ, исчи-
сленныхъ по указу Великаго Князя; а
сколько жилищей, не извѣстно: но можно
полагать ихъ гораздо за 100,000. Въ
Кремль, въ разныхъ улицахъ, въ огром-
ныхъ деревянныхъ домахъ (между многими,
отчасти также деревянными церквами)
жили знатнѣйшіе люди, Митрополитъ,
Князь, Бояре. Госпиный дворъ (тамъ же,
гдѣ и нынѣ, на площади Кишал-города)
обнесенный каменною стѣною, прельщалъ

глаза не красною лавокъ, но богатствомъ
пшваровъ, Азіатскихъ и Европейскихъ.
Зимою хлѣбъ, мясо, дрова, мѣсъ, сѣно,
обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ,
въ лавкахъ или въ шалашахъ⁵⁷⁹.

Наши свойства казались наблюдате-
лямъ и худыми и добрыми, обычаи лю-
бопытными и странными. Конпарини
пишеть, что Москвитяне толпяся съ
упра до обѣда на площадяхъ, на рын-
кахъ, а заключающъ день въ питейныхъ
домахъ: глаздють, шумятъ, а дѣла не дѣ-
лають. Герберштейнъ напропивъ того
съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающихъ
въ праздники. Въ будни запрещалось имъ
пить; одни иноземные воины, служба Го-
сударю за деньги, имѣли право быть не-
воздержными въ употребленіи хмѣльнаго:
для чего слобода за Москвою-рѣкою, гдѣ
они жили, именовалась *Налейками*, отъ
слова *наливай*. Великій Князь Василій, опа-
саясь дѣйствій худаго примѣра, не дозво-
лялъ своимъ подданнымъ жить вмѣстѣ
съ ними. У всякой рогатки на улицахъ
стоялъ караулъ: никто не смѣлъ ходить
ночью безъ особенной важной причины и
безъ фонаря. Тишина царствовала въ го-
родѣ. Замѣчали, что Россіяне не злы, не
сварливы, перпѣливы, но склонны (осо-

Прп-
род-
ства,
гра-
ждан-
скія
свой-
ства
и обы-
чай.

бенно Москвитяне) къ обманамъ въ торговлѣ. Славилъ древнюю честность Новгородцевъ и Псковитянъ, которые тогда уже начинали измѣняться въ характерѣ. Пословица: *товаръ лицею продать*, служила ушавомъ въ купечествѣ. Лихомство не считалось стыдомъ: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100, и еще хвалились умѣренностію: ибо въ древнія времена должники платили у насъ 40 на 100³⁸⁰. — «Рабство, несомѣстное съ душевнымъ благородствомъ, было» (по словамъ Герберштейна) «общимъ въ Россіи: ибо и самые Вельможи назывались *«холопями Государя»*; но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность Россіянъ къ Монарху; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопы, или дворовые или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военнопленныхъ, закономъ лишенныхъ вольности³⁸¹. Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни чловѣческихъ правъ (такъ и въ древнемъ Римѣ): господить могъ располагать ими какъ собственностію, какъ *вещію*; могъ своевольно опшмать у нихъ жизнь, никому не отвѣтственуя. Но въ сіе время — или въ

въ XVI вѣкѣ — уже одна государственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже *человѣка*, уже *гражданина* покровительствуемаго закономъ³⁸². Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобожденные по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу или въ новую крѣпость, не для того, чтобы не находили способа жить своими шрудями (ибо хорошій поденщикъ въ Москвѣ выработывалъ съ ушра до вечера двѣ деньги или около двадцати копѣекъ нынѣшнихъ) но для того, что любили домашнюю легкую службу и безопасность: рабъ-опецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должностяхъ господъ: общее мнѣніе предписывало имъ чловѣколюбіе и справедливость; шириномъ рнушались какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ итти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площадяхъ³⁸³. Гораздо несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, кошо-

рые, нанимая землю въ помѣстьяхъ или въ опщинахъ у Дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя³⁸⁴, переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы опвесити имъ спеси, но не хотѣлъ того, чпобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только-что не умиралъ съ голоду: спарець, бездомокъ опъ юности, изнуривъ жизненныя силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность раждаетъ презрѣніе: въ спарину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами*: въ XVI вѣкѣ *крестьянами*, то есть *Христіанами*, по въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: ибо долговременные наши пираны, Батыевы Моголы, носили Россіянь симъ именемъ. — Въ рояшно, что многіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ Дворянамъ; по крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе опцы продавали своихъ дѣшей, не имѣя способа кормиться. Сынъ могъ бытъ цѣсколько разъ

продать опцемъ; но въ четвертый разъ оппущенный господиномъ на волю, уже зависѣлъ единственно опъ себя.

Здѣсь представляется любопытный вопросъ: не уже ли никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-владѣльцевъ? По крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что Князья, Бояре, вонны и купцы — то есть, *городскіе жители* — искони владѣли землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, деревнѣхъ господъ Россіи, купившихъ, въ рояшно, сіе право мечемъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ владѣльцамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Не только Бояре знатные, но и самыя простые, бѣдные Дворяне казались спесивыми, недоступными. Къ первымъ никто не смѣлъ вѣхаться на дворъ: оставляли лошадей у воротъ. Благородные спыдились ходитъ пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами, опасаясь шѣмъ улизипься. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, какъ

можно занимашся дѣлами стоя или ходя. Молодые женщины были совершенными зашворницами: боялись показываться чужимъ людямъ; и въ церковь ходили рѣдко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для нихъ позволенною: качели. Богатыя не пеклись о домашнемъ хозяйствѣ, которое лежало единственно на слугахъ и служанкахъ. Бѣдныя по неволѣ спудились; но самая бѣднѣйшая, готовя для себя кушанье, не могла умершвишь никакого животного: стояла у воротъ съ курицею или съ ушкою и просила мимоходящихъ, чтобы они закололи сію птицу ей на обѣдъ. — Не смотря на строгое заключение женъ, бывали, какъ и вездѣ, примѣры невѣрности, тѣмъ естественнѣе, что взаимная любовь не участвовала въ бракахъ, и что мужья-Дворяне, находясь въ Государевой службѣ, рѣдко жилали дома. Не женихъ обыкновенно сватался за невѣсту, но отецъ ея выбиралъ себѣ зятя и говорилъ о томъ съ отцемъ его. Назначали день свадьбы, а будущіе супруги еще не знали другъ друга въ глаза. Когда неперѣливый женихъ домогался видѣть невѣсту, то родители ея всегда опивчались ему: «спроси у добрыхъ людей, какъ она?» Приданое состояло въ оде-

ждѣ, въ драгоценныхъ украшеніяхъ, въ слугахъ, въ коняхъ и проч.; а что родственники и пріятели дарили невѣстѣ, то мужъ долженъ былъ послѣ свадьбы возвращать имъ или платить деньгами. Герберштейнъ первый сказалъ, что жена Россіянка не увѣрена въ любви супруга безъ частыхъ опъ него побоевъ: сіе вошло въ пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскими и грубою нравственностію времени Батыева ига³⁸⁵.

Списивые противъ бѣдныхъ мѣщанъ, Дворяне и богатые купцы были госепримны и вѣжливы между собою. Госепь, входя въ комнату, глазами искалъ святыхъ образовъ, шелъ къ нимъ, крестился, и нѣсколько разъ сказавъ въ слухъ: *Господи помилуй!* обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже тебѣ здравіа!* Они цѣловались, кланялись другъ другу, и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переспавали и снова начинали кланяться; садились, бесѣдовали, и госепь, взявъ шапку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его до крыльца, а любимаго до самыхъ воротъ. Подчивали пріятелей медомъ, пивомъ, винами иноземными: Ромашеемъ,

Мушкателемъ, Канарскимъ, бѣлымъ Рейнскимъ; лучшимъ считалась Мальвазія, употребляемая однакожь болѣе въ лекарство и во дворцѣ, за Великокняжескою прачею. Ужиновъ не знали: обѣды были изобильныя и вкусныя для самыхъ иноземцевъ, которые дивились у насъ множеству и дешевизнѣ всякаго скота, рыбы, птицы, дичины, добываемой охотою совою, соколиною, шенетами. Вообще роскошь тогдашняго сословія въ избыткѣ обыкновенныхъ, дешевыхъ вещей; умѣли хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродѣтелию, ибо казалась естественною людямъ, которые еще не вѣдали прелестей изнѣженнаго вкуса. Дорогія одежды означали первосвещенныхъ государственныхъ сановниковъ: если не законъ, то обыкновение воспрещало другимъ равняться съ ними въ сихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ. Сія наряды употреблялись бережно; въпреная мода не измѣняла оныхъ, и Вельможа оставлялъ свою праздничную одежду въ наслѣдство сыну. Платье Боярское, Дворянское, купеческое не различалось покроемъ: верхнее съ опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками*; другое *охаблями*, съ

воропникомъ; претіе *фрезями*, съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ; шакое же длинное, съ нашивками или только съ пуговицами до пояса, *кунтышами*, *доломанами*, *кафтанами*; у всякаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтанье носили съ козыремъ; рубахи съ вышитымъ, разноцвѣтнымъ воропникомъ и съ серебряною пуговицею; сапоги сафьянныя, красныя, съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы парковья, черныя и бѣлыя. Мужчины спрѣгли себѣ волосы. — Дома не блистали внутреннимъ украшеніемъ: самыя богатые люди жили въ голыхъ спѣвахъ. Стѣны огромныя, а двери низкія, и входящій всегда наклонялся, чпобы не удариться головою объ верхній косякъ³⁸⁶.

Опишемъ нѣкоторыя достопамятныя обыкновенія. Посланникъ Великокняжескій, Димитрій, будучи въ Римѣ и бесѣдуя съ Павломъ Іовіемъ о нравахъ своего отечества, сказывалъ ему, что Россіяне, искони набожныя, любя чтеніе душеспасительныхъ книгъ, не шerpяпъ проповѣди въ церквахъ, дабы слышать въ нихъ единственно Слово Господне, безъ привѣса мудрованій челоувѣческихъ, несогласныхъ съ простою Евангельскою; чпо

нигдѣ не имѣюшъ такого священнаго уваженія къ храмамъ, какъ у насъ; чпо мужъ и жена, вкусивъ удовольствіе законной любви, не дерзаюшъ войти въ церковь, и слушаюшъ обѣдню стоя на паперши; чпо молодые, не скромные люди, видя ихъ тамъ, угадываютъ причину и своими насмѣшками заставляюшъ женщину краснѣться; чпо мы весьма не любимъ Каполикъ, а Евреями гнушаемся и не дозволяемъ имъ въѣзжать въ Россію³²⁷. — Сіе время особенно славилось открытіемъ многихъ свящыхъ, цѣлебныхъ мощей; но Іоаннъ и Василій не всегда вѣрили молвъ и рассказамъ народнымъ; а безъ согласія Государева Духовенство не умножало числа Свящыхъ: когда же спроее изслѣдованіе и достоуверныя свидѣтельства убѣждали Великаго Князя въ истинѣ чудестъ, по объявляли ихъ всенародно, звонили въ колокола, пѣли молебны, и недужные со всѣхъ споронъ спѣшили ко праху новыхъ Угодниковъ, какъ нынѣ спѣшати къ новымъ славнымъ врачамъ, чпобы найсти исцѣленіе. — Тогдашняя Христіанская набожность произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селою скудельничимъ*, гдѣ люди добродюбивые въ Четвертокъ передъ

Троицынымъ днемъ сходились рыть могилы для спранниковъ и пѣть Панихиды, въ успокоеніе души пѣхъ, коихъ имена, отечество и Вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, чпо Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаюшя къ нему сіи чиспыя, безкорыстныя, истинно Христіанскія молитвы. Тамъ погребались пѣла находимыя въ окрестностяхъ города, а можешъ быти и всѣхъ иноземцевъ³²⁸.

Іовій пишетъ, чпо Великіе Князья, Об- подобно Султанамъ, избираюшъ себѣ женъ ^{рлдѣ Вели-} за красоту и добродѣтель, ни мало не ^{ко-} ^{кня-} ^{же-} ^{ской} ^{свадь-} ^{бы.} уважая знатности; чпо невѣсть привозятъ изъ всей Россіи; чпо искусныя, опытныя бабки осматриваютъ ихъ шайныя прелести; чпо совершеннѣйшая или счастливѣйшая выходитъ за Государя, а другія въ топъ же день за молодыхъ придворныхъ чиновниковъ³²⁹. Сіе извѣстіе можешъ опноситься единственно къ двумъ бракамъ Василія: ибо отецъ, дѣдъ и предки его женились обыкновенно на Князяхъ Владѣтельныхъ. — Сообщимъ здѣсь любопытныя подробности изъ описанія Василіевой свадьбы 1526 года.

»Державный женихъ, нарядясь, сидѣлъ въ *брусной столовой избѣ* съ своимъ по-

ѣдомъ; а невѣста, Елена Глинская, съ же-
 »ною Тысяцкаго, двумя свахами, Бояры-
 »нями и многими знашными людьми шла
 »изъ дому въ *среднюю палату*. Передъ
 »нею несли двѣ *брачныя свѣчи* въ фона-
 »ряхъ, два короваи и серебряныя деньги.
 »Въ сей палатѣ были сдѣланы два мѣста,
 »одѣшныя бархатомъ и камками; на нихъ
 »лежали два зголовья и два сорока чер-
 »ныхъ соболей; а шрешимъ сорокомъ
 »надлежало опахивать жевиха и невѣстну.
 »На столѣ, покрытомъ скапертью, споя-
 »ло блюдо съ калачами и солью. Елена
 »сѣла на свосмь мѣстѣ; сеспра ел, Княж-
 »на Анастасія, на жениховомъ; Боярыни
 »вокругъ стола. Василій прислалъ иуда
 »брата, Князя Юрія, который, занявъ
 »*большое мѣсто*, велѣлъ звать жениха.
 »*Государь!* сказали ему: *иди съ Богомъ на*
 »*дѣло*. Великій Князь вошелъ съ Тысяц-
 »кимъ и со всѣми чиновниками, покло-
 »нился иконамъ, свелъ Княжну Анастасію
 »къ своего мѣста и сѣлъ на оное. Чиша-
 »ли молитву. Жена Тысяцкаго гребнемъ
 »чесала голову Василію и Еленѣ. Свѣчами
 »*Богоявленскими* зажгли *брачныя*³⁹⁰, обо-
 »гнушыя соболями и вдѣшныя въ кольца.
 »Невѣстѣ подали кукку и шапу. На золо-
 »той мисѣ, въ шрехъ углахъ, лежали хмѣль,

»соболи, одноцвѣпные плашки бархатные,
 »запласные, камчатные, и пѣязи, числомъ
 »по девяти въ каждомъ углѣ. Жена Ты-
 »сяцкаго осыпала хмѣлемъ Великаго Кня-
 »зя и Елену, опахиваемыхъ соболями.
 »Дружка Государевъ, благословясь, изрѣ-
 »залъ перепечу и сыры для всего поѣзда;
 »а Еленинъ дружка раздавалъ ширинки.
 »Поѣхали въ церковь Успенія: Государь
 »съ брашьями и Вельможами, Елена въ
 »водныхъ саняхъ съ женою Тысяцкаго и
 »съ двумя *большими* свахами; за нею шли
 »иткопорые Бояре и чиновники; передъ
 »нею несли свѣчи и короваи. Женихъ
 »споялъ въ церкви на правой споронѣ у
 »столпа, невѣста на лѣвой. Они шли къ
 »вѣнчанію по камкамъ и соболямъ. Зна-
 »птившая Боярыня держала скляницу съ
 »виномъ Фряжскимъ: Мишпрополитъ по-
 »далъ ее Государю и Государынѣ: первый,
 »выпивъ вино, распопшалъ скляницу по-
 »гою. Когда священный обрядъ совершил-
 »ся, новобрачные сѣли на двухъ красныхъ
 »зголовьяхъ. Мишпрополитъ, Князя и Боя-
 »ре поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли много-
 »дѣшіе. Возвратились во дворецъ. Свѣчи
 »съ короваями опнесли въ спальню, или
 »въ *спяникъ*, и поспавали въ кадѣ пше-
 »ницы. Въ чешырехъ углахъ сѣнника бы-

или вопкнушы спрѣлы, лежали калачи съ соболями, у кровати два зголовья, двѣ шапки, одѣлло кунье, шуба; на лавкахъ спояли *оловянники* съ медомъ; въ головахъ кровати икона Рождества Христова, Богоматери и Крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ также иконы Богоматери со младенцемъ; надъ дверью и надъ всѣми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю сплали на двадцати семи ржаныхъ снопахъ. Великій Князь завтракалъ съ людьми ближними; ѣздилъ верхомъ по монастырямъ, и обѣдалъ со всѣмъ Дворомъ. Князь Юрій Иоанновичъ сидѣлъ опять *на большомъ мѣстѣ*, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ ними поставили жаренаго пѣшука: дружка взялъ его, обернулъ верхнею скапертшю и опнесъ въ спальню, куда повели и Молодыхъ изъ за-стола. Въ дверяхъ значнѣйшій Бояринъ *выдавалъ* Великую Княгиню и говорилъ рѣчь. Жена Тысяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну наизворошъ, шпорично осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ; а дружки и свахи кормили ихъ пѣшухомъ. Во всю ночь Конюшій Государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами спальни съ обнаженнымъ мечемъ. На другой день супруги ходили въ мыльню и ѣли кашу на

постелѣ « Легко угадашь разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнiя весьма древнихъ, отчасти, можетъ быть, Славянскихъ, отчасти Скандинавскихъ: нѣкоторые образовали любовь, согласiе, чадородiе, богатство; другiе должны были удалять дѣйствiе злаго волшебства.

Василій, находясь въ частыхъ сношенiяхъ съ Государями Европейскими, любилъ хвалиться ласкою, оказываемою ихъ Посламъ въ Россiи; но иноземцы жаловались на сей милоспивый прiемъ, соединенный съ обрядами скучными и тягостными. Приближался къ границѣ, Посолъ давалъ о томъ знать Намѣстникамъ ближайшихъ городовъ. Ему предлагали множество вопросовъ: «изъ какой земли, отъ кого ѣдетъ? знаешь ли человека? какого именно званiя? бывалъ ли прежде въ Россiи? говоритъ ли нашимъ языкомъ? сколько съ нимъ людей, и какихъ?» О семъ немедленно доносили Великому Князю; а къ Послу высылали чиновника, копорый, встрѣтивъ его, не уснупалъ ему дороги, и всегда пребывалъ, чптобы онъ сполъ выслушивалъ Государево привѣтствiе со всѣмъ Великокняжескимъ шипуломъ, нѣсколько разъ повторяемымъ. Назначали дорогу и мѣста, гдѣ надлежало

обѣдать, ночевать. Ёхали тихо, иногда не болѣе 15 или 20 верстъ въ день: ибо ждали оповѣща изъ Москвы. Иногда останавливались въ полѣ, не смотря на зимній морозъ; иногда худо ѣли. За то Приславъ шершѣливо сносилъ брань иноземцевъ. Наконецъ Государь высылалъ Дворянъ своихъ къ Послу: пусть везли сго уже скорѣе и лучше содержали. Встрѣча передъ Москвою была всегда пышная: являлось вдругъ нѣсколько чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ и съ отрядомъ конницы; говорили рѣчи, спрашивали о здоровьѣ, и проч. Дворъ Посольскій находился близъ Москвы-рѣки: большое зданіе со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жилъ въ семь домѣ. Приславы служили господамъ, непрестанно заглядывая въ роспись, гдѣ было все исчислено, все измѣрено, что надлежало давать Посламъ Нѣмецкимъ, Липовскимъ, Азіатскимъ: сколько мясныхъ блюдъ, меда, луку, перцу, масла, даже дровъ³⁹¹. Между шѣмъ придворные чиновники ежедневно спрашивали у нихъ, довольны ли они угощеніемъ? Не скоро назначался день предсавленія: ибо любили долго изговляться къ оному. Послы сидѣли одни, не могли заводиться знакомствъ, и скучали.

Великій Князь къ сему дню, для ихъ торжественнаго въѣзда въ Кремль, обыкновенно дарилъ имъ коней съ богатыми сѣдлами.

Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, липей-Инозиковъ, находились у насъ тогда и дру^{зем-ные}гіе иноземные художники и ремесленники. ^{художники и}Толмачъ Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ Испорику Ювію ^{ремесленники въ Мо-}препѣ Великаго Князя Василія, писанный ^{скитъ.}безъ сомнѣнія не Русскимъ живописцемъ. Герберштейнъ упоминаетъ о Нѣмецкомъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на Россіянкѣ³⁹². Искусства Европейскія съ удивительною легкостью переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію испинно великаго ума, дѣлательно спарались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни бояливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ Государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не Вѣрь и не языковъ, а челоуѣчества; мы хвалились исключительнымъ Православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ, но въ то же время отдавали справедливость разуму, художеству Западныхъ Европейцевъ, которые находили въ Москвѣ гостепрѣимство, мирную

жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: »хорошее ошъ всякаго хорошо,« и никогда не была впорымъ Кипаемъ въ опношеніи къ иноземцамъ.

Сло-
вес-
ность.

Языкъ нашъ, то есть, Славянской, былъ въ сіе время извѣстенъ ошъ Каменнаго Пояса до Адриатическаго моря, Востора Фракійскаго и Нила: имъ говорили при Дворѣ Турецкаго и Египетскаго Султановъ, жены ихъ, Ренегаты, Мамелюки³⁹⁵. Мы имѣли въ переводахъ сочиненія Св. Амвросія, Августина, Иеронима, Григорія, Исторію Римскихъ Императоровъ (вѣрошно, Светонову), Марка Антонія и Клеопатры³⁹⁴; но Ювій укоряетъ насъ совершеннымъ невѣжествомъ въ Наукахъ: въ Философїи, Астрономїи, Физикѣ, Медицинѣ, сказывая, что мы именуемъ лекаремъ всякаго, кто знаетъ нѣкошорья цѣлебныя свойства растѣній. Успѣхи Словесности примѣчались въ числѣйшемъ слогѣ лѣтописей, пастырскихъ духовныхъ посланій, святыхъ жишій, и проч. Смарецъ, Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ, могъ назваться Демосѣеномъ сего времени, если истинное краснорѣчіе состоитъ въ сильномъ выраженіи мыслей и чувствъ: славное посланіе его къ Іоанну уже из-

вѣстно Чипателю³⁹⁶. Житіе Св. Данила Переяславскаго писано не безъ искусства, умно и прїятно³⁹⁶. Особеннаго замѣчанія достойны два Слова: первое о рожденіи Царя Іоанна, второе похвальное Василию; въ томъ и другомъ есть прекрасныя мѣста; выпишемъ нѣкошорья:

»Кто повѣдаетъ силу Господню и всѣ чудеса Его? Во дни наши совершилось »дѣло Небесной любви, коего примѣры видѣли мы въ Ветихомъ и Новомъ Заветѣ: »молитва опшверзаемъ ложсна исподныя! »Господь милостію ушѣшаетъ людей Своихъ въ опчальніи: ибо славный и великій »во Царяхъ не скудѣетъ въ Вѣрѣ, припадая ко Всевышнему; уже всупааетъ въ »шестое десятилѣтіе жизни, и еще надѣется благословити чадо милое, вождѣлѣнное не только родителю, но и всей »Державѣ Христїанской: она требуетъ »Пастыря для дней будущихъ. Слышишь »Господь молитву и долго не исполняетъ, »да болѣе и болѣе разгарается усердіемъ »сердце Державнаго. О диво! Монархъ »оставляетъ пресноль и величіе, идетъ »съ жеоломъ какъ бѣдный спранникъ въ »Обители дальнія, смиренный видомъ и »душею: се Царскія шпопы его изображающа на пескахъ дикой пустыни! За

»нимъ добродѣтельная, премудрая Царица,
 »ему подобная. Оба исполнены смиренія
 »и надежды; оба вѣдаютъ, что *вѣра воз-*
»люгаетъ и надежда не посрамитъ. И
 »бысть! лобызаемъ наследника Державы!...
 »Когда бы Всевышній даровалъ Василию
 »дщерь, и тогда бы сердце родителя воз-
 »веселилось, но едино: Господь даруетъ
 »ему сына, да веселился и блаженствуетъ
 »съ нимъ вся Россія!« — Въ похвальномъ
 »Словѣ Василию пакъ описаны дѣла и свой-
 »ства его: »Сей Государь *добръ правилъ*
»хоругвями опечества, твердо укоренен-
 »наго Богомъ, подобно вѣковому древу;
 »всегда благословляемый успѣхомъ, всегда
 »спасаемый отъ враговъ видимыхъ и неви-
 »димыхъ, покорялъ спраны мечемъ и ми-
 »ромъ, а въ своей наблюдавъ правду, не
 »усыпая ни умомъ, ни сердцемъ; бодр-
 »ствовалъ надъ душами, пилалъ въ нихъ
 »добродѣтель, гналъ злобу, да не погряз-
 »неть корабль великой Державы его въ
 »волнахъ беззаконія! Душа Царева свѣти-
 »лась яко зеркало, блистая въ лучахъ Бо-
 »жественной премудрости. Мы знаемъ,
 »что Государь естествомъ тѣлеснымъ
 »равенъ всѣмъ людямъ; по властїю не по-
 »добенъ ли Богу единому? Непрístupенъ
 »во славу земнаго Царствїя: но есть выш-

»нее, небесное, для коего онъ долженъ
 »быть приступенъ и снисходителенъ къ
 »людямъ. Тѣлу дано око, а міру Царь, да
 »промышляетъ о благу его. Царь испин-
 »ный царствуетъ надъ спраснями, въ
 »вѣнцѣ святаго цѣломудрїя, въ порфирѣ
 »закона и правды. Таковъ былъ Великій
 »Князь Василій, правитель *велеушный*, на-
 »казатель добродѣтельный, истинный
 »кормчїй, образъ благости, столпъ швер-
 »дости и першїя; защитникъ Государ-
 »ства, отецъ Вельможъ и народа, мудрый
 »соглагольникъ Духовенства; высокій жи-
 »вцемъ на престолѣ, смиренный сердцемъ
 »яко въ пещерѣ, крошкѣ взоромъ, по-
 »чтенъ Божїю благостїю; всѣхъ любилъ
 »и любимъ всѣми: ближне и дальне при-
 »падали къ нему, отъ Сїная и Палести-
 »ны, отъ Италїи и Антіохїи, да узрятъ
 »лице его, да услышатъ слово. Кшо опи-
 »шетъ его достоинства? Какъ Саламандръ,
 »по сказанїю Богослова, среди огня не сга-
 »раетъ; какъ свѣтлая рѣка, именуемая
 »Каоюсъ, течетъ сквозь море и не те-
 »рлетъ сладости водъ своихъ: пакъ огонь
 »спрасней человѣческихъ, пакъ бурное
 »жипейское море не повредило душъ Ва-
 »силїя: она числою, благою воспарила
 »отъ земли на небо. Однимъ словомъ, сей

»Великій Князь въ житіи богомудромъ
»уподоблялся Димитрію Іоанновичу Дон-
»скому.«³⁹⁷. — Мы предложили здѣсь Чи-
пашелю не почныя слова, но *точныя*
мысли Асторовъ: слова принадлежащъ въ-
ку, а мысли въкамъ.

Судя по слогу, можемъ отнести къ
сему времени сочиненіе двухъ Русскихъ
сказокъ: *о купцѣ Кіевскомъ* и *Дракульъ*,
Мутьянской Воеводѣ. Въ первой описы-
вается мучитель, именемъ *Сміянь гордый*,
Владѣтель неизвѣстной приморской спра-
ны, гибельной для всѣхъ плавателей, ко-
торые искали тамъ убѣжища отъ бурь,
и не умѣли отгадать Царскихъ загадокъ:
имъ надлежало отвергнуться Христа или
умереть. Сынъ путешественующаго Кіевля-
нина, Борзосмысль, юный отрокъ, вдохно-
венный небесною мудростію, какъ новый
Эдипъ рѣшилъ всѣ хитрыя задачи Смія-
на, отсѣкаетъ ему голову въ присут-
ствіи народа, садится на тронъ, пропо-
вѣдуетъ Вѣру Христову, пѣлиелъ гра-
жданъ, оспрается у нихъ Царемъ и же-
нится на Сміяновой дочери³⁹⁸. Вотъ со-
держаніе. Красотъ піипическихъ мало,
остроумія также; рассказъ довольно скла-
денъ. — Впрочемъ повѣсть любопытнѣе.
Дракула, хищникъ Мутьянской или Во-

лошской Державы (о коемъ упоминается
въ Византійской Исторіи Дуки около
1430 года) представленъ гонителемъ вся-
кой неправды, обмановъ, воровства, и сви-
рѣнымъ кровопійцею. Никто въ землѣ
Волошской не дерзаетъ взять чужаго, ни
обидѣть слабого. Испытывалъ народъ, отъ
поспавилъ золотую чару у колодезя оп-
даленнаго отъ домовъ: мимоходящіе пили
воду и не прогали богатаго сосуда. Иско-
ренивъ злодѣевъ, сей Восвода казилъ и
за самыя легкія вины. Не только жена
въроломная, любостраспная, но и лѣни-
вая, у которой въ домъ было не чисто
или мужъ не имѣлъ хорошаго бѣлья, ли-
шалась жизни. На площади, вмѣсто укра-
шеній, вѣсѣли пиробы. Однажды пришли
къ нему два Монаха изъ Венгріи: Дракула
желалъ знать ихъ мысли о себѣ. »Ты хо-
чешь быть правосуднымъ« — отвѣчалъ
старѣйшій изъ нихъ — »но дѣлаешься пи-
раномъ, наказывая тѣхъ, коихъ должны
»наказывать единственно Богъ и совѣсть,
а не законъ гражданскій.« Другой хвалилъ
пирана, какъ исполнителя судовъ Боже-
ственныхъ. Велѣвъ умертвить перваго
Монаха, Дракула оппустилъ его пова-
рища съ дарами, и наконецъ увѣнчалъ
свои подвиги сожженіемъ всѣхъ бѣдныхъ,

дряхлахъ, увѣчныхъ въ землѣ Волошской, разсуждая: «начпо жинь людямъ, живу-щимъ въ шягоспъ себѣ и другимъ?» Авторъ могъ бы заключить сію сказку прекраснымъ нравоученіемъ, но не сдѣлалъ того, оставляя чинапелямъ судить о *Философіи* Дракулы, копорый лсчилъ подданныхъ опъ злодѣйства, пороковъ, слабостей, нищеты и болѣзней однимъ лекарствомъ: смертію! — Замѣнимъ, что древніе Рускіе *писцы* имѣли болѣе гордости, нежели *Писатели*: первые почти всегда означали имя свое въ концѣ переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь такимъ образомъ опъ хвалы и крипики: знаемъ шворенія, не зная шворцевъ. По крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши занимались не только историческими или Богословскими сочиненіями, но и романами; любили произведеніе остроумія и воображенія.

Извѣ-
стіе о
Восто-
кѣ и
Сѣве-
рѣ Рос-
сіи. Въ окончаніи сей статьи предложимъ нѣкошорыя извѣстія изъ Гербершшенно-вой книги о сосѣдственныхъ съ Россією земляхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. Ногайскіе Татары, кочуя близъ моря Каспійскаго, раздѣлялись въ Василіево время на три Улуса, принадлежащіе шремъ Князьямъ братьямъ: Шидаку, Кошуму и Шигъ-

Мамаю; первый жилъ въ городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ; второй повелѣвалъ всею землею между Кумою, Яикомъ и Волгою; третій господствовалъ надъ частію Сибири. Въ двадцати дняхъ пупи опъ Шидаковыхъ владѣній, къ Воспоку, обипали Юргенскіе или Хивинскіе Татары, повицуюсь Баракъ-Солтану, брату сосѣдственнаго Хана Капдайскаго или Киргизъ-Кайсакскаго, Бебейда. За Вяшкою и Пермію жили въ лѣсахъ Тюменскіе и Шибанскіе Моголы; первыхъ считалось не болѣе десяти тысячъ. За Волгою находились еще Улусы Калмыковъ: сіе имя дано имъ для того, что они не спригли волосъ на голову, какъ другіе Моголы. Аспираханъ, знапнѣйшій *базаръ Татарскій*, славилась богатствомъ, а Шамаха, уже подвластная тогда Персіи, своими прекрасными шелковыми шкавями. На Дону, въ двѣнадцати миляхъ опъ Азова, былъ городъ *Ахасъ* (гдѣ нынѣ Старый Черкасскъ) избильный плодами, рыбою, дичью, веселый мѣстоположеніемъ, окруженный садами природными, богатый всѣмъ, что нужно человѣку для самой роскошной жизни. Говорили: «имѣй только огонь и соль: все шпрочее найдешь въ Ахасѣ!» — На воспощомъ берегу Чернаго моря жили Авхасы;

далѣе въ горахъ вольные Черкесы, не подвластные ни Туркамъ, ни Тапарамъ, ужасные разбойники; текущими изъ горъ рѣками выплывая на лодкахъ въ море, они грабили суда купеческія; исповѣдывали Христіанскую Греческую Вѣру, упопреляли въ Богослуженіи языкъ Славянскій, впрочемъ мало думали о Законѣ³⁹⁹. — Близъ устья рѣки Фазиса, или Ріона, показывали островъ, гдѣ будио бы споллъ корабль Язоновъ.

Описывая наружность Ташаръ, Герберштейнъ сказываесть, что они были средняго роста, черноволосые, широколицые съ маленькими, впалыми глазами, и что знатнѣйшіе носили длинныя плешенки или косы: въ семъ изображеніи еще узнаемъ истинныхъ Моголовъ, нынѣшнихъ Калмыковъ и Киргизовъ. Сему же Писателю обязаны мы изъясненіемъ достоинствъ и чиновъ Тапарскихъ. Солпанами назывались сыновья Ханскіе, Уланами главнѣйшіе по Ханѣ сановники, Белями Князья, ихъ дѣти Мурзами, Первосвященники (Магометова рода) Сеитами⁴⁰⁰.

Сѣверъ Россіи былъ еще предметомъ баснословія для самыхъ Москвитянъ. Увѣряли, что тамъ, на берегахъ Океана, въ горахъ, пылаесть неугасимый огонь Чиспи-

лица; что въ Лукоморѣ естъ люди, которые ежегодно 27 Ноября, въ день Св. Георгія, умираютъ, а 24 Апрѣля оживаютъ снова; что они передъ смертію сносятъ повары свои въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди, въ вѣченіе зимы, могутъ брать оныя, за всякую вещь ославляя должную плату и не смѣя обманывать: ибо мерпвцы, воскресая весною, расчитываются съ ними и всегда наказываютъ безсовѣстныхъ; что тамъ естъ и другіе чудесные люди, покрытые звѣриною шерстью, съ собачьими головами, съ лицомъ на груди, съ длинными руками, но безногіе; естъ рыбы челоуѣкообразныя, но только иѣмье, и проч. Сіи басни писали любопытство грубыхъ умовъ. Однакожь Москвитяне уже знали имена всѣхъ главныхъ рѣкъ Западной Сибири. Они сказывали, что Обь выпекаетъ изъ озера (Телейскаго); что за сею рѣкою и за Иртышемъ находятся два города, *Серпоновъ* и *Грустина*, коихъ жители получаютъ жемчугъ и драгоценные каменья отъ *герныхъ людей*, обитающихъ близъ озера Кипая. Мы обязаны были сими свѣдѣніями господству Великихъ Князей надъ землею Пермскою и Югорскою. Лапландія также плавила намъ дань. Дикіе жители

ея приходили иногда въ сосѣдственныя Россійскія области, начинали заимствовать нѣкоторыя гражданскія обыкновения и ласково угощали купцевъ иностранныхъ, которые привозили къ нимъ вещи нужныя для хозяйства¹⁰¹.

Вообще Герберштейново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей Исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки.

Конецъ VII тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ VII ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

(1) Герберштейнъ R. M. Comment. стр. 8.

(2) Въ *Арханг. Лѣт.* стр. 178: «К. В. Василей Иванов. посадилъ въ ясасы племянника своего, В. К. Димитрея Иванов., и въ полату пѣсню посади.» Первое кажется невѣроятнымъ и несогласнымъ съ характеромъ Василія, который не любилъ бесполезныхъ жестокостей. Димитрій, сидя въ темницѣ, имѣлъ помысли, свою казну, чиновниковъ, какъ видно изъ его завѣщанія. Такихъ правъ не оставляютъ колодежкамъ въ цѣпяхъ.

(3) См. *Собраніе Государственныхъ Грамотъ*, Т. I, стр. 405. При описаніи многихъ драгоценныхъ вещей Димитрій говоритъ: «шпо мнѣ далъ К. В. Василей.» Между оными были подаренныя Димитрію дѣдомъ, Королемъ Казимиромъ, Княземъ Иван. Юрьев. Паприкеевымъ, Митроп. Геронтіемъ, Архіеписк. Новгородскимъ, Бояриномъ Морозовымъ, и проч.

(4) На примѣръ, въ дѣлахъ Крымскихъ No 3, стр. 24, 25, и далѣе обыкновенно всмрѣчается выраженіе: «приговорилъ К. В. съ Бояры.»

(5) Герберштейн. стр. 9.

(6) Вел. К. 7 Дек. 1505 года послалъ въ Крымъ своего ближлаго человека, Василія Наумова, который прѣхалъ назадъ 1 Авг. 1506 съ послами Ханскими, Князьями Казимиръ-Кіадомъ и Магмедшею. Они выѣхали изъ Москвы въ Декаб. съ Константиномъ Григорьев. Заболоцкимъ.

(7) См. *Никон. Лѣт.* и *Врѣменикъ* стр. 204.—Царевичъ Пепрь обязался клятвенною грамотою въ вѣрности къ Государю за поручительство Митропол. и духовнаго отца своего, Епископа Суздальскаго Никонна (См. *Собраніе Государ. Грамотъ*, I, 401).

(8) См. *Врѣменикъ*, II, 205. Димитрій, братъ В. К., прозывался *Жилкою* (см. Розряд. Кн. о семь походѣ). Съ нимъ былъ и двоюродный братъ его, К. Федоръ Борисов. Волоцкій; а Воеводъ множество.

(9) См. *Казан. Лѣт.* гл. XIV, и Гербершт. R. M.

Comment., стр. 68.; также *Архив. Лип., Продолже-
ние Нестора и Русск. Времени.*

(10) См. *Родослов. Ки.*

(11) См. Гербершт. R. M. Comment. 68. Между
сими иноземцами былъ Италіанецъ Бартоломен, ко-
порый принялъ нашу Вѣру и пользовался особливою
милостію Василія, когда Герберштеннъ находился въ
Москвѣ.

(12) См. Розряд. Ки.

(13) Въ Марѣ 1507 Магметъ-Аминъ прислалъ сво-
его чиновника, Абдулу, съ извѣстною грамотою.
Марта 25 Вел. К. опустилъ его назадъ съ своимъ
гонцемъ, Алексеемъ Лукинымъ.

(14) См. Дѣла Польскія No 2, стр. 78. Посломъ
былъ Богданъ Долгирдовичъ.

(15) Тамъ же, стр. 79. Юрій Глѣбовъ былъ Намѣстникъ
Витебскій, а Иванъ Сапѣга Намѣст. Бря-
славскій. Съ ними находился Коношій Смоленскій,
Иванъ Федоровъ.

(16) См. тамъ же, стр. 81. Василій требовалъ про-
пуска и для посла Датскаго, бывшаго въ Москвѣ. Ко-
роль хотѣлъ отвѣчать на это послѣ.

(17) См. тамъ же, стр. 83.

(18) См. тамъ же, стр. 83.

(19) Тамъ же, стр. 85. Сигизмундъ присылалъ въ
Москву Пана Яна Николаевича Радзивила, Намѣст.
Слонимскаго, Кухмистра Олехиова и Писаря Богдана
Сапѣгу, Околыничнаго Смоленскаго.

(20) Воеводы пошли на Липву 14 Сент. См. Дѣла
Крым. л. 44. — Въ *Продолж. Нестора*, стр. 547,
сказано, что Воеводы Липовскіе сожгли тогда Чер-
ниговъ и ушли назадъ; что подъ Кричевымъ застрѣ-
ляли изъ пищади Михайла Васильев. Образцова, и что
Россіяне выжили посады въ Мстиславѣ. Въ Розрядн.
Книгахъ именованы главными Полководцами Князя
Спародубскіе, а при нихъ въ Большомъ Полку Холи-
мскій, Яковъ Захарьев. и К. Владиміръ Андреев. Мик-
линскій и проч. Сприковскій (кн. XXIII, гл. 2) пи-
шетъ, что Король вышелъ тогда съ войскомъ, за-

снанилъ Россіяны удалиться въ свои предѣлы и взять
Гзыковъ.

(21) Сигизмундъ вторично присылалъ пословъ въ
Москву, Петра Кухмистра и Богдана Сапѣгу, кото-
рые говорили, что Ханъ Менгли-Гирей многократно
предлагалъ Королю заключить твердый миръ съ Рос-
сіею, и что Король самъ желаетъ того, если В. К.
освободитъ ихъ плѣнниковъ и возвратитъ опнианые
у Липвы города. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ опъ
Сигизмунда гонецъ съ извѣстіемъ, что новые Большие
послы Литовскіе ѣдутъ въ Россію. Король, жалуюсь
на впаденіе Россіяны въ Липву, просилъ Василія оп-
пустить задержанныхъ въ Москвѣ купцевъ Польскихъ
(см. Дѣла Польск. No 2, стр. 86 — 90).

(22) См. Сприков. Хрон. кн. XXIII, гл. 2, и цѣло-
вѣдную запись Острожскаго въ *Собрании Государ.
Грамотъ*, I, 403. Курбскій пишетъ, что К. Острож-
скій, сосланный въ Вологду Иоанномъ III, подружился
тамъ съ Св. Димитріемъ Прилуцкимъ. Далѣе: «Гой
«Святый К. Конспаннина (Острожскаго) опъ много-
лѣпныхъ его веригъ свободилъ, ими же былъ связанъ
«по рукамъ и по ногамъ, и изсохшія уже ему рудъ
«прикосновеніемъ своимъ изцѣлилъ, яко и здѣ (въ Поль-
«шѣ) уже Князь сей зѣло Святпаго прославлялъ, и лю-
«бовь къ нему велию имѣлъ до преславленія своего.»

(23) См. *Родослов. Ки.* — Нѣкоторые производятъ
родъ Глинскихъ опъ Мамай.

(24) См. Сприков. Хроник. кн. XXIII, гл. 3, Кро-
мера стр. 447, и Гербершт. 79.

(25) См. *Архив. Лип. л. 186*, и *Русск. Времени.*
стр. 215.

(26) См. Сприков.

(27) Менгли-Гирей присылалъ Вельможу своего въ
Мозырь, опкуда Глинскій ходилъ къ Глушску, гдѣ
встрѣтили его послы наши и Господаря Волошскаго.

(28) Сприков. кн. XXIII, гл. 3. Анастасія жила
тогда въ Слуцкѣ.

(29) См. *Русск. Времени.* 216, и Розряд. Ки.

(30) Сприков. кн. XXIII, гл. 2.

- (31) См. *Русск. Времен.* 219, и Розрядн. Книги.
 (32) См. Розрядн. Книги.
 (33) См. *Русск. Времен.* 220, и Розряд. Кн.
 (34) См. *Архив. Лит.* л. 189 на об., Сприков. кн. XXIII, гл. 3, и Розрядн. Кн.
 (35) См. въ Архивъ Ин. Кол. Дѣла Ногайскія No 1, л. 42 на об. — Нѣсколько разъ послы Ногайскіе были въ Москвѣ съ изъявленіемъ дружества и съ прозьбою о свободной торговлѣ въ Россіи. Они всегда приводили къ намъ лошадей. Въ 1507 году В. К. писалъ къ Асану и къ другимъ Мурзамъ, чтобы они не помогали Казанскому Царю Магметъ-Аминю, и напоминалъ имъ свое благодареніе, которое состоялось въ томъ, что Василій освободилъ какого-то юнаго Князя ихъ, бывшаго у насъ плѣнникомъ. Въ Августѣ 1508 пріѣзжалъ къ В. К. сынъ Царевича Ногайскаго Ахкурша, Акдевлешъ, и просилъ, чтобы Государь далъ отцу его или Казань или городъ Мецкерскій (Касимовъ), или Андреевъ городокъ камешой. Чиншники Великокняжескіе ошвічали ему, что Казанскій Царь, Магметъ-Аминъ, сдѣлался уже другомъ Василію, а городокъ Мецкерскій и Андреевъ пожалованы Янаю Царевичу. Акдевлеша отпустили съ дарами, но безъ писемъ. См. тамъ же, л. 56 — 65.
 (36) Подлинная договорная грамота хранится въ Архивъ подъ No 5.
 (37) См. Дѣла Польскія No 2, стр. 90 — 95. Отъ насъ ѣздили послы въ Липиву Болринъ и Намѣстникъ Новгородскій Григорій Ѳедоровъ. Давыдовъ, Болринъ и Коношій Иванъ Андреев. Челядинъ, Соколыничій Михайло Кляникъ-Яропкинъ и Дьякъ Никита Моклоковъ. — Съ Глинскими въѣхали тогда въ Россію Кн. Иванъ Озерецкій, Дмитрій и Иванъ Глинскіе, К. Дмитрій и Василій Жижемскіе, Пашъ Андрей Александровъ. Дрожжа съ братомъ Петромъ, Якубъ Ивашиншовъ, Семенъ Александровъ съ сыновьями Михайломъ и Борисомъ, К. Василій Мунча, Мих. Гатинъ, Дьякъ Королевской Никольской, К. Андрей Друцкій, Петръ Фурсъ съ братомъ Ѳедоромъ, Иванъ Маповъ, Свѣ-

- поша Деменя, Измаилъ Туровъ, Воишь Яцковичъ, просе Крижинныхъ, К. Иванъ Козловскій (*Времен.* 225).
 (38) См. Дѣла Крымск. No 3, л. 24.
 (39) Тамъ же л. 1, и No 4, л. 95. Посланы отъ Царя были К. Магмедша, Темъ (по естѣ, второй челоуѣкъ въ посольствѣ) Абдыль Зода и Бакшей Кайсымъ. Они пріѣхали въ Москву 27 Окт. 1508.
 (40) No 3, л. 7. Менгли-Гирей прѣбывалъ еще съ В. К. полутора-ста тысячъ Ошшоманскихъ денегъ, отданныхъ имъ Молдавскому Господарю Стефану за нашихъ Пословъ Италіанскихъ, Ларева и Карачарова; просилъ освободить Крымцевъ, плѣнныхъ Холмскимъ во время ихъ набѣга на Украйну; дѣлать, чтобы купцы его торговали въ Россіи безъ пошлины, и проч. Царица Нурсалтанъ, братъ Хайскій Ямгурчей-Салтанъ, сыновья Менгли-Гиреевы, также многіе Князья и Царевны особенно писали къ В. К., хвалились оказанными ему услугами и просили даровъ.
 (41) Дѣла Крым. No 3, л. 24.
 (42) Тамъ же, л. 44.
 (43) Тамъ же, л. 45 на об.
 (44) Тамъ же, л. 61 — 63. Еще до пріѣзда Морозова въ Тавриду сынъ Менгли-Гиреевъ, Магметъ-Гирей, разбилъ Ногайскихъ Мурзъ, Агиша, Ахметъ-Али и Шиняка, которые, соединясь съ Аспраханскимъ Царемъ Абдыль-Киримомъ, переправились черезъ Волгу и хотѣли напасть на Крымскія владѣнія. Менгли-Гирей собралъ тогда до 250 тысячъ воиновъ, какъ отъ самъ писалъ къ Василію съ гонцемъ своимъ, пріѣхавшимъ въ Москву 12 Сент. 1509, (л. 51).
 (45) См. Дѣла Цесарскаго Двора No 1, л. 151. Гарпингеръ пріѣхалъ 4 Окт. 1506. Ошвіщная Васишева грамота писана была на Латинскомъ языкѣ.
 О мирѣ съ Орденомъ см. Арита Liefländ. Chron. 177, и *Архив. Лит.* л. 192. Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву 8 Марта 1509. Подлинная договорная Нѣмецкая грамота находится въ Архивъ подъ No 2. В. Князю дается шипулъ Императора.
 Максимилианово письмо о Гаизѣ привезли (17 Июля

1509) изъ Нарвы къ Ивановгородскому Намѣстнику, Князю Ивану Темкъ, Нѣмцы Гридя и Ермсайко, за-
морис. Оно писано изъ Брисселя опъ 19 Февраля
1509. Василий отвѣчалъ Императору 9 Авг. (см. Дѣ-
ла Цесарскія No 1, л. 167 — 171).

(46) Въ 1485 году.

(47) Въ 1484 и 1485 г.

(48) См. *Русск. Времен.* 227 и *Архив. Лит.* 194
на оборотѣ.

(49) Вел. К. выѣхалъ 23 Септ., а прѣхалъ въ Нов-
городъ Окт. 26. Съ нимъ былъ и Симоновскій Архи-
мандритъ Варлаамъ.

(50) См. Псков. Лѣтопись, подаренную въ Библио-
теку Архива Им. Колл. Е. П. Алекс. Оед. Малинов-
скимъ. Мы будемъ означать сію любопытную руко-
пись, стараго письма, его именемъ.

(51) Тамъ же.

(52) См. *Русск. Времен.* 228.

(53) См. *Пск. Лѣт.* Малиновскаго.

(54) Тамъ же.

(55) См. ниже, стран. 213.

(56) См. *Времен.* 228, и *Псков. Лѣт.* Малинов.

(57) См. *Псков. Лѣт.* Малинов.

(58) См. *Времен.* 229, и *Архив. Лит.* л. 198.

(59) См. *Архив. Лит.* л. 200 на об.

(60) См. *Псков. Лѣт.* Малин.

(61) См. Т. VI, стран. 25.

(62) См. *Псков. Лит.* Малин. и Толст.

(63) См. *Архив. Лит.* л. 201.—Знашійшіе Пскови-
тяне ждали В. К. на Дубровиѣ.

(64) См. *Псков. Лит.* Толст. и Малин.

(65) См. *Лѣт. Архив.*, Малин, *Псков.*, и *Времен.*

(66) То есть, сыну Болриша Федора Давидовича; а
въ *Псков. Лѣт.* сей Намѣстникъ именуется Моро-
зовымъ.

(67) Въ *Архив. Псков. Лѣт.* сказано, что число
Псковитянъ, задержанныхъ въ Новгородѣ, простри-
ралось также до прехъ сопѣ.

(68) См. *Псков. Лѣт.* Малинов.

(69) См. сей *Исторіи* Т. IV, г. 1348.

(70) Тамъ же, Т. III, г. 1529 и слѣд.

(71) См. *Псков. Лѣт.* Малин. и *Русск. Времен.*
233. Въ Новгородѣ именовали гражданъ парочатыхъ
Житылими людями, а во Псковѣ *Житейскими*.

(72) См. *Псков. Лѣт.* Малинов. и Толст.

(73) См. *Псков. Лѣт.* Малин.

(74) Стриков. кн. XXIII, гл. 5.

(75) Дѣла Польск. Двора, No 2, стр. 97 — 110.

Въ 1509 г. прѣвѣжали къ намъ опъ Короля Дворянинъ
Долгирдовъ, Янъ Радзивилловичъ, Намѣстн. Слонимскій,
Войтехъ Яновичъ, Нам. Бѣльской, и Писарь Богушъ;
а опъ насъ ѣздили въ Польшу Борисъ Голохвасовъ
и Печатникъ Николай Ивановичъ Ангеловъ, развѣдавъ
о неудовольствіяхъ вдовствующей Королевы Елены.
Сигизмундъ преховалъ, чтобы мы оппустили къ не-
му остальныхъ лѣтчиковъ; а Василий преховалъ же-
пы К. Ивана Озерцакаго, матери Князей Друцкихъ,
и проч. Въ 1510 г. послы Липовскіе, Войтехъ Нар-
бушовичъ, Нам. Переломскій, и Григорій Горемыка,
Писарь Королевскій, прѣхали къ Государю во Псковъ,
сказывая, что Князя Друцкіе съ ихъ матерью оппу-
щены въ Россію. — Въ 1511 г. Дворецкій В. Князя,
Михайло Юрьевъ, ѣздилъ къ Королю съ разными жа-
лобами. Ему надлежало узнать опъ Елены, какимъ
образомъ Василий можетъ переписываться съ нею
тайно. Король присылалъ въ Москву Воеводу Полоц-
каго, Спасаислава, и Дворянина Богдана Долгирдова. —
Въ 1512 г. Константины Замыцкой, возвратилась изъ
Липвы, извѣстивъ Государя о несповыхъ поступкахъ
Вельможъ Королевскихъ съ Еленою.

(76) Для того ѣздили къ Королю Григорій Жорновъ
и Меньшой Пупыпинъ въ 1512 г.

(77) Въ Генъ, 1511: см. *Никон. Лѣт.* 189.

(78) Съ Царицею возвратился нашъ посолъ Моро-
зовъ 21 Юля.

(79) См. *Никон. и Казан. Лѣт.*

(80) Стриков. кн. XXIII, гл. 6.

(81) Вѣсть о нападеши Крымцевъ пришла въ Мо-

скву 8 Мая 1512. Они злодѣйствовали еще около Алексина, Воропынска, Коломны, *Волжона* (см. *Продолж. Нестора* 355).

(82) См. Розрядн. Книги.

(83) Или до Сернавы, какъ сказано въ другихъ лѣтописяхъ: см. *Продолж. Нест.* 355.

(84) См. Архив. Переписную Книгу, л. 203 на об.

(85) См. Розряд. Книги, г. 1512.

(86) Дѣла Польск. Но 2, стр. 111.

(87) Съ сею грамотою отправили къ Королю Подьячаго Васку Всесвяцкаго: см. Дѣла Польск. Но 2, стр. 111 — 112.

(88) См. между монми Кенигсб. бумагами письмо Плетшпенберга къ Магистру Прусскому, г. 1513, Но 719.

(89) См. Розрядн. Книги.

(90) См. Архив. *Псков. Лѣт.* Малн.

(91) См. *Никон. Лѣт.* 193. Она скончалась 24 Января 1513.

(92) Дѣла Польск. Но 2, стр. 112, 113.

(93) См. Розрядн. Книги.

(94) См. Архив. *Псков. Лѣт.* Малн.

(95) См. Дѣла Цесарск. Двора Но 1, л. 163.

(96) См. *Никон. Лѣт.* 195, 203 и 204. Русская союзная грамота упранилась. Государь Петръ Великій приказалъ издать Нѣмецкую съ Французскимъ и Русскимъ переводомъ, напечатаннымъ 10 Мая 1718 въ Императорской С. Пепербургской типографіи. — Императоръ Іосифъ II, будучи въ Москвѣ, съ любопытствомъ читалъ сію харапейную Максимилианову грамоту, и сказалъ съ усмѣшкою чиновникамъ Архискимъ: «Господа! покажите это Французскому Королю:» ибо Версальскій Дворъ долго не хотѣлъ импозовать нашихъ Государей Императорамъ.

(97) Дѣла Цесар. Но 1, л. 189.

(98) Сія харапейная договорная грамота паходпшя въ Архивъ между Лифляцскими Но 3. Она писана въ Маѣ 1514. Начало такъ: «По Божьей воль и по Великаго Государя велѣнью» (слѣдуетъ пипуль В. К.)... «мы послове семидесяти городовъ, изъ Юрьева Иванъ

Буликъ Бергомесперь, да Ареншъ фонъ Лопе Рапманъ, да Попъ Матіясъ, Лемке писарь Юрьевской, да изъ Колывани Иванъ Віаншъ Бергомесперь, да Иванъ Ромгерсъ Рапманъ, какъ опъ Любека, такъ опъ Риги... и опъ всѣхъ семидесяти городовъ съ сее стороны поморья и съ оной стороны заморья, пріѣхаша въ Вел. Новгородъ къ В. Государя Намѣстникомъ... биши челомъ о помъ, чтобы Вел. Государь, Божією милостію Царь» (а въ Нѣмецк. подлинникъ споншъ, какъ обыкновенно, Kayser) «вся Русь, Бергамесперь и Рапмановъ и всѣхъ купцовъ и купецкихъ дѣшей семидесяти городовъ пожаловалъ,» и проч.

(99) См. Ариша *Liefl. Chr.* стр. 158.

(100) Михайло Ивановъ сынъ Алексеевъ былъ отправленъ изъ Москвы 15 Дек. 1512, а возвратился въ Маѣ 1514 (см. Дѣла Турец. Но 1, л. 1 — 17, и *Ник. Лѣт.* 195).

(101) См. Гербершт. R. M. Comment. стр. 9.

(102) Стриков. кн. XXIII, гл. 7.

(103) См. Розряд. Книги.

(104) См. *Арханг. Лѣт.* 181 — 183, *Никон., Архив.* и проч. Сказано, что Смоленскъ сдался Государю 31 Июля.

(105) См. жалованную грамоту Смоленскимъ жителямъ въ *Собрании Государствен. Грамотъ* I, 411. Василий уже называется въ ней *Смоленскимъ*; она писана или 30 или 31 Июля: число сперлось: видна только одна черта буквы Л. Начало: «Даемъ вѣдати, что намъ билъ челомъ нашъ богомолецъ, нашия Смол. опшны Владыка Варсонофей и Урядники, Окольничіе, и Князи, и Болре, и мѣщане, и черные люди, о помъ, что намъ ихъ пожаловали, держали въ ихъ спаринѣ, какъ ихъ держалъ К. В. Витовитъ и иные прежніе Государеве ихъ, по той ушверженной грамотѣ, какову имъ далъ Александръ Король, и въ Домъ Пречистые и въ скарбъ, и во всѣ монастыри и въ церков. земли и въ воды не вступались; а которые опшны за ними, и намъ въ пѣ не вступались, и роз-

вода имъ самимъ не чиниши... Въ ихъ выслугу не вступашися, ни у жонъ, ни у дѣшей... ни по неволѣ жонъ замужъ не отдавати; а кого въ живопѣ не стаишешъ, ино намъ живопѣ свой дастъ послѣ себя, и намъ у нихъ въ тѣ ихъ живопы не вступашися....

А кошорый судъ былъ у нихъ при Виповшѣ, и суду у нихъ были о всемъ по плому. А кто приведетъ шапю съ полицымъ къ нашимъ Намѣстникомъ, и поличное отдасть испцу.... Намѣстникомъ и Околицнымъ, и Княземъ, и Бояромъ, и мѣщаномъ, и чернымъ людемъ, и ихъ людемъ, и всемъ Урядникомъ Смоленскіе земли корчемъ не держати; а Недѣльничкомъ Намѣстничимъ имати хоженое съ рубля съ Рязского по два гроша. Также еси пожаловалъ Смоленскіе, съ котораго повару имѣли вѣсего напередъ всего, съ воску и съ меду и съ соли и съ иного повару, шѣмъ еси ихъ пожаловалъ, мѣщаномъ и чернымъ людемъ по вѣсее имати на себя. А что давали иржежимъ Государемъ со всего города съ году на годъ по сту рублевъ, и язъ ихъ шѣмъ пожаловалъ: шого имъ въ нашу казну не давати. А Бояромъ мѣщанъ и черныхъ людей въ закладнѣ не примапати; а мѣщаномъ и чер. людемъ подъ наши гонци подводъ не давати, а держати подводы нашимъ ямщикомъ, и иаемъ давати опъ подводъ по помужъ, какъ и въ нашихъ земляхъ. Также еси Бояръ Смоленскихъ пожаловалъ: которые волости Смоленскіе, пѣ волости держати Бояромъ Смоленскимъ, какъ котораго пожалую....

Наши Намѣстники и Околицные, куда имъ дучишея ѣхати или послапати, и имъ у мѣщанъ и у черныхъ людей подводъ не имати, а ѣзду давати имъ довошнику на мило по грошу, а на правду вдвое. А черезъ поруку Намѣстничимъ людемъ людей въ желѣза не ковати и въ шюрьму на мепати. А Соколыничей наши и Намѣстники емлютъ съ мясниковъ, которой на посадь убѣшъ, съ яловицы по полугрошу. А опъ ябедниковъ Намѣстнику и Околицнымъ Бояръ и мѣщанъ беречи; а котораго ябедника ушяжущъ, и они его казиашъ по его винѣ. А конюшіе наши Смолен-

скіе съ конскаго спада и съ живописного на лѣто емлютъ по 12 грошей. Также еси пожаловалъ мѣщанъ и черн. людей, вельдъ еси имъ лѣсъ счи въ своихъ лѣсахъ и въ Боярскихъ около города безъ явки.

А мировая куница и свадебная имати по 6 грошей; а со вдовы имати по помужъ, которая пойдетъ замужъ. А люди Околицныхъ и Князей и Бояръ Смоленскихъ, которые живутъ на посадь и въ городѣ, а споргуютъ, и съ пѣхъ емлютъ съ воропѣ спорожевщину по силамъ, по старинѣ. А хто челоука держитъ въ денгахъ, и опъ плого своего челоука судитъ самъ, а Околицнѣ въ по у него не вступаютъ щца.» Привѣшена Великокняж. печать съ двуглавымъ орломъ; на оборотѣ грамопы подписано: «Вел. Государь Василей, Божіею милостию Государь всея Русии и вел. Князь.»

(106) См. *Арханг. Лѣт.* 183.

(107) Сприков. кн. XXIII, гл. 7, и Гербершт. Р. М. Comment. 79.

(108) *Арханг. Лѣт.* 183.

(109) Гербершт. Р. М. Comment. 79.

(110) *Арханг. Лѣт.* 184. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Государь потхалъ въ Москву.

(111) Такъ въ *Арханг. Лѣт.* стр. 185. См. Архив. *Исков. Лѣт.* Малин., и Герберштена.

(112) Гербершт. Р. М. Comment. стр. 9.—Тоже говоритъ и самъ Король Сигизмундъ въ писемъ къ Магистру Ливонскому (см. между монми Кенигсберг. бумагами No 733).

(113) См. *Арханг. Лѣт.* 186, гдѣ однакожъ несправедливо названа рѣка *Безеиною*: сраженіе было на *Дильвирѣ* по вѣмъ другимъ лѣтописямъ, Розряд. Книгамъ и по сказанію Герберштена.

(114) Гербершт. Р. М. Comment. 9.

(115) *Арханг. Лѣт.* 186, *Никол. Лѣт.*, *Русск. Временникъ* и Архив. *Исков. Лѣт.* Малин.

(116) См. Гербершт. Р. М. Comment. стр. 9.—У меня есть крашкій Кіев. современный лѣтописецъ, который удивительнымъ образомъ славитъ Острож-

скаго за сію побѣду, сравнивая его съ Александромъ Македонскимъ, Поромъ Индѣйскимъ, со всеми Геролами свѣтской и священнои Исторіи; радуется, что птицы клюютъ и звѣри перзаютъ пшѣла Москвитяны, и говорятъ о Великомъ Князѣ, что онъ князюпресипушникъ, имѣющій *ненасытнута утробу лисоиманія*, и проч.

(117) См. письмо Короля къ Магистру Ливонскому и Сприковскаго.

(118) См. Энгеля *Gesch. der Ukraine*, стр. 52.

(119) Гербершт. *R. M. Comment.* 10.

(120) Сприков. (кн. XXIV, гл. 2) пишетъ, что Сигизмундъ послалъ къ Папѣ 14 Дворянъ Московскихъ, во Импер. Максимилианъ велѣлъ опниять ихъ у посла, и чрезъ Любекъ отправилъ въ Россію.

(121) См. письмо Короля къ Магистру Ливонскому.

(122) Ваську Кодыкина.

(123) См. *Архив. Лѣт.* 187.

(124) См. Архив. *Псков. Лѣт.* На мѣсто Варсонофія поставили въ Москвѣ Чудовскаго Архимандр. Юсифа, 15 Февр. 1515.

(125) См. Т. VI, въ описаніи 1504 года. Нензвѣстно, когда ушелъ Дашковичъ въ Литву.

(126) См. Энгеля *Gesch. der Ukraine*, стр. 49 — 50.

(127) См. Дѣла Турецк. No 1, л. 26 — 27.

(128) См. Дѣла Турецк. No 1, л. 28 — 65. — Въ сихъ переговорахъ упоминается о Козакахъ Азовскихъ: В. К. требовалъ, чтобы Султанъ запретилъ имъ тревожить нашу Украйну и хватать людей, которые посылаются опшуда въ степи для развѣдыванія о Крымцахъ и Ногаяхъ.

(129) Менгли-Гирей умеръ въ Вел. Субботу 1515 (см. Дѣла Турецк. л. 70 на об.)

(130) См. Дѣла Крым. No 4, л. 20 и слѣд. Посоль, Яничора Дуванъ, привезъ въ Москву (31 Ав. 1515) и Менгли-Гирееву грамоту, писанную симъ Ханомъ передъ его смертію къ В. К., шакого же содержанія, какъ и Магметова.

(131) См. Дѣла Крым. No 4, л. 59.

(132) Ив. Григорьев. Мамоновъ выѣхалъ въ Тавриду 15 Нолбря 1515, и повезъ Хану краснаго кречета, соболью шубу, чару, ковше и черпало серебряныя.

(133) Дѣла Крым. No 4, л. 333 на об.

(134) Мамоновъ писалъ къ Государю, что съ него въ Ханскомъ дворцѣ Ясаулы требовали *посоштой* дани за входъ и силою взяли дары для Царевича Альп-Гирей, который находился въ Литвѣ и въ угожденіе Сигизмунду посылалъ своихъ Ташаръ на Смоленскія мѣста.

(135) Дѣла Крым. No 4, л. 332 на об.

(136) Сей Василиій Ивановъ Шадринъ былъ захваченъ Крымцами въ одномъ изъ ихъ набѣговъ на Россію и послѣ освобожденъ. В. К. отправилъ къ нему въ помощники Дворянина Нильо Челищева.

(137) Дѣла Крым. No 4, л. 320 на об.

(138) См. тамъ же, л. 372 на об.

(139) См. тамъ же, л. 370 на об.

(140) См. *Казан. Лѣт.* гл. XV.

(141) См. *Никон. 205* и *Архив. Лѣт.* л. 220.

(142) Въ 1516 году, въ бытность В. Князя въ Можайскѣ, пріѣхалъ посоль отъ Хана, Абдыль Авельшихъ Зода, который не былъ званъ ни къ рукѣ, ни къ столу Государеву, для того, что въ Тавридѣ свирѣпствовала язва. Магметъ-Гирей, хваляся нападеніемъ на Литву, писалъ, что его *Ширинскіе* или первоспешные Князья не хотѣли присягнуть въ дружбѣ къ Россіи, видя Шигъ-Алея Владѣтелемъ городка Мещерскаго; требовалъ также, чтобы Василиій превзошелъ Сигизмунда въ щедрости даровъ. — Гонецъ Великокняжескій, Байкула Омаровъ, въ Июль 1517 г. былъ посланъ къ Хану съ извѣстіемъ, что Россіиные готовы идти на Астрахань.

(143) См. *Архив. Лѣт.* 222 (г. 1517).

(144) См. *Никон. Лѣт.* 195. Максимилианъ и Людовикъ XII предлагали Королю Іоанну послать знатнѣйшихъ Духовныхъ сановниковъ въ Пизу на Соборъ: Іоаннъ же хотѣлъ, чтобы сей Соборъ былъ въ Германіи; въ такомъ случаѣ надѣялся, что и мы согласимся

въ ономъ участвовашъ, а можешъ быть и приспа-
немъ къ Римской Церкви.

(145) Сей договоръ хранился въ Копенгагенскомъ
Архивѣ и напечатанъ на Нѣмецкомъ языкѣ въ Би-
шинговомъ Историч. Магазишъ, Ч. III, стр. 178. Пи-
сано въ Москвѣ 2 Авг. 1517.

Въ нашемъ Архивѣ сохранились только выписка изъ
сего договора и привилегія, данныя Христіановымъ
подданнымъ въ Россіи.

(146) См. подтвердительный мирный договоръ съ
Шведіею, находящійся въ Московскомъ Архивѣ. Пи-
санъ въ В. Новгородѣ 7021 (1513) Мая въ 9 день.

(147) Христіанъ въ 1520 году присылалъ 2500 рат-
никовъ въ помощь В. Магистру Нѣмецкому противъ
Сигизмунда.

(148) См. нашей *Истории* Т. IV, стр. 23.

(149) См. Дѣла Прусск. Двора No 1.

(150) См. тамъ же.

(151) См. тамъ же.

(152) Дмишріемъ Давыдовымъ, отправленнымъ въ
Маршъ 1517.

(153) См. между монн Кенигсб. бумагами письма
Пленшпенберговы къ Прусскому Магистру въ 1513 г.
Онъ даже совѣтовалъ ему помогать Королю (No 711).

(154) См. выше стр. 29.

(155) Дѣла Прусск. No 1, л. 56.

(156) Дѣла Цесар. Двора No 2, л. 3 и слѣд. Гер-
бершт. пріѣхалъ 18, а былъ представленъ 21 Апрель.
Къ нему нарядили 15 Дѣшей Боярскихъ Москви-
чей и 30 кошоховъ. Государь велѣлъ тотчасъ отпра-
вить къ послу съ кошоши своей вноходца въ сѣдлѣ.
Съ Герберштенномъ былъ его племянникъ Іоаннъ
Фонъ-Турнъ.

(157) См. тамъ же, л. 36.

(158) Герберштеннъ 29 Апр. опиравалъ въ Литву
своего племянника съ извѣстіемъ о согласіи В. К.
вступить въ переговоры; а Королевскіе послы при-
были 18 Окт. (См. Дѣла Польск. Двора No 2, стр.
114 — 117).

(159) См. *Арханг. Лит.* 189. Сіе было въ 1515 г.

(160) См. *Ник. Лит.* 210 и Дѣла Прусск. No 1, л.
122. — Чинная извѣстія Лѣшюинсцевъ и наши Мини-
стерскія бумаги того времени, дивность ихъ согласію.
Надобно думать, что Государь Василій приказывалъ
сообщать народу допесенія Воеводъ: можешъ быть,
ихъ чинали въ церквахъ, а Лѣшюинсцы вносили въ
свое повѣствованіе.—См. также *Псков. Лит.* Толстп.

(161) См. Дѣла Цесар. No 2, л. 106 — 165.

(162) Тамъ же.—В. К. соглашался только оставитъ
Королю Вишебскъ и Полоцкъ, а на требованіе Гер-
берштенново, возвратитъ Смоленскъ, оповѣствовалъ:
«Жигимонте! мы весьма дивимся, что копорую нашу
опщину намъ Богъ далъ, и намъ бы пое опщины Ко-
ролю посшупиши!» — Липовскіе послы выѣхали
Нояб. 18, а Гербершт. 22.

(163) Тамъ же, л. 166 — 219. Владиміръ Семеновъ
Племянниковъ съ Толмачемъ Истомою Малымъ вы-
ѣхалъ изъ Москвы 24 Нолб. 1517, пріѣхалъ къ Импе-
ратору въ Ниспрукъ 23 Марша, а возвратился въ
Іюль 1518.

(164) Дѣла Прусск. No 1, л. 88 на об.

(165) Дѣла Цесар. No 2, л. 219 и слѣд. Съ нимъ
пріѣхалъ и Герберштенновъ племянникъ, Іоаннъ Фонъ-
Турнъ.

Описаніе сего Посольства издано въ 1603 году на
Италіянскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Trattamento di
pace tra il sereniss. Sigismondo Rè di Polonia et Gran-
Basilio, Principe di Moscouia, hauuto dalli Illustri
Signori, Frances, da-Collo, Cauallier, Gentil' huomo
di Conegliano, et Antonio de-Conti Cauallier, Gentil'
huomo Padouano Oratori della Maestà di Massimilian,
Primo Imperatore, l'anno 1518. Scritta per medesimo
Sig. Cauall. Francesco. Stampato in Padova. Con licenza
della S. Inquisitione.* Переговоры съ Москов. Боярами
описаны слово въ слово, какъ въ нашихъ Архивскихъ
бумагахъ. Мы въ другомъ мѣстѣ переведемъ любопыт-
нѣйшее изъ сей книжки, весьма рѣдкой (см. ниже).

(166) См. Дѣла Цес. No 2, л. 232.

(167) Тамъ же, л. 346 и 357.

(168) Ноябрь 9.

(169) В. К. по кончинѣ Лепифа отправилъ къ Царю Нурсалманъ челоуѣка его, у коего на рукахъ онъ умеръ, и жаловался Хану на разбой Крымцевъ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ, Шадринъ, возвратился въ Москву съ Ханскимъ чиновникомъ, Магмедомъ Агою; а скоро прѣхалъ и поваринъ Шадринъ, Илья Челищевъ, съ посломъ Кудояромъ. На рѣкѣ Самарѣ ограбленные Аспрахаицами, они шли пѣше до Пупивля. Калга Ахмашъ писалъ къ В. К., что онъ не можетъ спосишь обидѣ Царя, брата своего, и хочеть переселиться къ намъ. Ханъ увѣдомлялъ Василія, что его сыновья, Богатырь и Амиръ-Гирей, со 100,000 воиновъ идуть на Липву, и проч. Магмедъ-Гирей, по увѣренію нашихъ доброхотовъ, отказался отъ предлагаемыхъ ему Королемъ пятнадцати-тысячъ золотыхъ и девяти тысячъ поминковъ, желая пріобрѣсти Василіеву дружбу. Калга Ахмата убили племянникъ, Амиръ-Гирей, и заступилъ его мѣсто. Сынъ Ахматовъ, Гемметъ, находился тогда въ Консепаншинополѣ. См. Дѣла Крым. No 5, л. 495 — 548.

(170) То есть, не Оптоманскаго и не духовный. См. Дѣла Крым. No 5, л. 653 — 732.

(171) Л. 735 на об. — Аппакъ прѣхалъ въ Маршъ, а выѣхалъ изъ Москвы 8 Сент.

(172) 29 Дек. 1518 прѣхалъ изъ Казани Кудербышъ отъ Сента, Улановъ, Князей, Карачей, Ичекъ, Мурзъ, Молыъ, Шигъ-Зодъ и всѣхъ людей съ извѣстіемъ о смерти Царя. 6 Генв. Василій отправилъ туда Михайла Юрѣва съ дьякомъ Ив. Телешовымъ: они возвратились съ Казанскими послами. 1 Маія объявленъ Царемъ Шигъ-Алей, сынъ Шигъ-Авлгаровъ, внукъ Салмана Бахтеяра, брата Ахматова. Онъ далъ особенную на себя грамоту В. Князю въ соблоденіи къ нему вѣрности.

(173) Дѣла Крым. No 5, л. 782.

(174) См. наши льпописи, Сприковскаго и Дѣла Турец. No 1, л. 192 (письмо Голохвастова изъ Кафы къ В. К.)

(175) См. Переписную Архив. Книгу, л. 205, гдѣ сей посолъ названъ Клементьевичемъ Прохасьевымъ.

(176) Дѣла Турецк. No 1, л. 105 и слѣд. Борисъ Голохвастовъ выѣхалъ изъ Москвы въ Маршъ 1519.

(177) Дѣла Турецк. No 1, л. 135.

(178) Дѣла Прусск. No 1, л. 407.

(179) Турецк. No 1, л. 133. Голохвастовъ возвратился 8 Генв. 1521, черезъ Сербскую землю, Кляю, Бѣлгородъ или Акерманъ и Перекопъ.

(180) Дѣла Прусск. No 1, л. 164 — 167.

(181) Павла Ювія de legatione Basilii, въ Rer. Moscov. Auct. стр. 120.

(182) Дѣла Прусск. л. 252, (въ наказѣ Посланнику Замыцкому).

(183) Л. 152 на об. и 190 на об.

(184) Тамъ же л. 213 — 216. Сія первая Великокняжеская грамота къ Королямъ Французскимъ, послѣ обыкновеннаго титула, содержитъ слѣдующее: «Наияснѣйшему и вельможнѣйшему Каролу, Королю Фрилицовскому, поздравленіе. Намъ извѣстно вѣдомо, колика шволя есть сила, благость и любовь къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ посольствѣ Албертовъ, Нѣмецкаго Чина высокаго Майстра, Маркрабія Брандборскаго, его посломъ Теодоръ отъ Шымборкомъ, гораздо Величества швоего и швоее персоны хвала изъявлена; а и предки швои шотъ Чинъ въ великомъ до сего времени жалованіи всегда возвысали и имѣли. Просимъ шого ради и воспоминаемъ, чтобъ Величество швое, пресвѣтлѣйшихъ шощей швоихъ послѣдуя шлонамъ, шотъ Чинъ милосивнѣй беречь и его шопишу нашего недруга, Короля Польскаго, не оставилъ; а шотъ Чинъ и Майстра Алберта шобѣ поручаю, коего и мы всѣми силами, сколько намъ Богъ шоможеть, не оставимъ; и шчо шопишу швоему Величеству учиниши шоможемъ, шобыцваемъ прильжаніемъ нашимъ, да шомогаешъ шблагочестнѣ Величество швое. Писано въ нашемъ шГосударствѣ, въ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣшъ 7027 шМарта» (1519).

Магистръ взялся доставить сіе письмо Королю, также и другое къ Курфирштамъ, къ Архіепископу *Магунскому* или *Майнцскому* и проч.

(185) Л. 136, 190 и 267.

(186) Л. 145, 282 и 285.

(187) Л. 397.

(188) См. письмо Некраса Харламова къ Государю изъ Риги, въ Ноябрь 1519 (л. 388).

(189) Л. 451.

(190) Въ *Псков. Лѣт. Толст.*: »И Воеводы наши воевали по Вилну, Логоескъ, Менескъ, Айну, Красное село, Молодечну, Марково, Лебедево, Креть, Ошмону, »Мѣдинки, Мяделу, Куренской Камень, Березвичи, Жесно, Курецъ, Волосскъ, Радошковичи, Борисово.« См. еще *Никол. Лѣт.* 223.

(191) Дѣла Прусск. л. 453. О семъ походѣ В. К. извѣщалъ Магистра въ Мартѣ 1520 г

(192) См. тамъ же, л. 487. Гербершт. сказываешь намъ, что сей Царевичъ былъ сынъ Алегамова брата, Мениктара или, по Розряд. Книг., Мулехдара. Съ нимъ находился Воевода и Бояринъ К. Мих. Данил. Щеняшевъ. Братъ Феодоровъ, Царевичъ Василий, также именуется въ числѣ тогдашнихъ Воеводъ, и Амдовлетъ или Акидвлетъ, сынъ Шибанскаго Царевича, Ахмюрша или Ахпурша. Опъ 1515 до 1519 года войско наше стояло на границахъ, въ Лукахъ, на Вошахъ, угрожая Полоцку, Мшинскавию, Могилеву (см. Розрядн. Книгу). Въ послѣдній разъ упоминается о знаменитомъ К. Даниилъ Щенъ въ 1515 г.: онъ предводительствовалъ войскомъ, которое собиралось въ Дорогобужь. — Также въ Мещеръ, на Толстникъ, стояли Воеводы. Между новыми именами замѣнимъ Князей Кривоборскаго, Рвинна, Хованскаго, Галецкаго, Овчину-Оболенскаго, Мещерскаго, Голенина, Хрипуца, Кашина, Пестраго, Хохолкова, Алабышева, Збарецкаго.

(193) Дѣла Прусск. л. 521.

(194) Стриков. гл. XXIV, кн. 4.

(195) Дѣла Прусск. л. 84.

(196) Въ первый разъ тогда, какъ измѣнилъ ему Мих. Глинскій.

(197) Дѣла Польск. No 2, стр. 118 — 120.

(198) Дѣла Прусск. л. 412, 470, 493. У Сигизмунда было 16,000 войска противъ Магистра.

(199) См. Гарпкноха *Alt und Neues Preussen*, стр. 323 — 325.

(200) Дѣла Турецк. No 1, л. 147. Третьякъ выѣхалъ изъ Москвы 20 Июня 1521.

(201) Тамъ же, л. 146.

(202) Тамъ же, л. 170 и 187 на об.

(203) Тамъ же л. 191.

(204) Послъ Боярина Протасьева въ 1520 г. ѣздилъ въ Крымъ Михайло Никишинъ Измайловъ, а въ 1521 Василий Наумовъ; въ Москвѣ же находился тогда Ханскій посоль Ахметъ Паша (см. Архив. Переписи, Книгу л. 205 — 206).

(205) Гербершт. R. M. Comment. стр. 68.

(206) *Казан. Лѣт.* гл. 16.

(207) Гербершт. R. M. Com. 68, и *Казан. Лѣт.* гл. 16. Убіеніе Россіянъ случилось уже въ 1523 году. См. также Гербершт. R. M. Com. 68. Опъ пишешь, что самъ Ханъ Крымскій былъ въ Казани и возвелъ тамъ брата на престолъ.

(208) *Казан. Лѣт.* гл. 17.

(209) См. тамъ же.

(210) Гербершт. R. M. Com. 68. Нижний Новгородъ и Владиміръ были, по его сказанію, опустошены Казанскими Татарамъ. См. *Синод. Лѣт.* No 365, л. 543.

(211) См. тамъ же и Розряд. Кни.—Гербершт. пишешь, что В. К., по разсказамъ какихъ-то людей, нѣсколько дней укрывался близъ Москвы въ сѣнѣ. — *Никол. Лѣт.* говоритъ о семъ нашествіи, что Ханъ завоевалъ Коломенскія мѣста, плѣнилъ множество людей, осквернилъ церкви; что В. К. уѣхалъ въ Волокъ собирать полки, и что Магметъ-Гирей, боясь его, ушелъ назадъ.

(212) Гербершт. R. M. Com. 68. Я не повѣрилъ

бы ему одному; но Розряд. и Родословн. Книги подтверждают его сказаніе. Онъ пишетъ, что въ Москвѣ находились тогда послы Ливонскіе, конторы, боясь Татаръ, въ одинъ день прискакали оншуда въ Тверь.

(213) Въ 1504 году.

(214) Дѣла Турецк. No 1, л. 192 (въ письмѣ Бургана, Паши Азовскаго къ В. К.)

(215) См. Родослов. (рукописн.) и Розряд. Кни. Онъ пожалованъ въ Бояре 1524 г. Родъ его производятъ отъ К. Редеди, побѣжденнаго Мстиславомъ, сыномъ Св. Владиміра.

(216) Будто бы 800,000 человекъ; но самъ Герберштейнъ не вѣрилъ пому. Онъ въ числѣ ихъ именуетъ Кни. Фед. Лопату, выкупленнаго въ Рязани. См. Архив *Рост. Лнт.*

(217) См. *Степен. Кни. II, 200, и Русск. Времен.* 280. Рассказываютъ, что Татары хотѣли выжечь Московскіе посады, но увидѣли вокругъ города безчисленное войско Россійское и съ ужасомъ прискакали къ Хану, котораго, не вѣря имъ, послалъ другихъ: «и увидѣша много сугубѣйшее воинство Русское.... И сказаша ему.... И шрепие посла нѣкоего отъ ближнихъ увѣдали истину... И шрепца прибѣже и вошля: о Царю! что костьши? побѣдиль... Грядуть на насъ безлирое множество войска отъ Москвы... И побѣгоша.» Это было видѣніе.

(218) Снъ ходы бывають 21 Мая, 23 Іюня и 26 Августа.

(219) Никласъ былъ родомъ изъ Спиря, а Иорданъ изъ окрестностей Инсбрука. Герберштейнъ пишетъ, что В. К., при въѣздѣ въ Москву въспрѣченный множествомъ народа, увидѣлъ Никласа и громко сказалъ ему: «знаю важную твою услугу и не оставлю тебя безъ награды.» Тоже обещалъ и другому пушкарю, Иордану; но забылъ ихъ: наконецъ, услышавъ, что они въ досадѣ хотѣли вхалъ изъ Россіи, прибавилъ имъ по 10 флориновъ жалованья.

(220) См. Герберштейн. R. M. Comment. 50 и 70, и

въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, стр. 425, запись К. Ив. Михайлов. Ворошынскаго, данную имъ въ 1525 г. Государю съ клятвою заслуживъ вину свою.

(221) Дѣла Турецк. No 1, л. 194 (въ письмѣ Бургана къ В. К.).

(222) Герберштейн. R. M. Comment. 56, и Розрядн. Кни.

(223) Тамъ же стр. 70.

(224) Дѣла Турецк. No 1, л. 207 и слѣд. Губинъ прѣхалъ къ Государю въ Коломну 18 Мая 1522, а Скиндеръ оставался въ Москвѣ.

(225) Тамъ же, л. 213 на об.

(226) Л. 216 на об. и 249.

(227) Иванъ Семеновъ Морозовъ былъ отправленъ уже въ Апрель 1523 г. (л. 253 — 247).

Морозовъ повелъ Солимана въ Анатолию, въ станъ. Онъ пишетъ: «Приславове Чеуши остались у Салтанова шатра, а послоронъ Салтановы полагали сидѣть человекъ съ десять въ бархатѣхъ... и шель Иванъ къ Салтану, а онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а у него Ибремъ-Паша, да Казначей Діакъ Аббисаломъ, да у дверей Капичей-Баша, и велѣлъ Паша Ивану пойти къ Салтану къ руцѣ; а оносѣ Иванъ онъ Государя Салтану поклонъ правилъ и поминки являлъ по записи и посольство правилъ и грамоты подалъ; а взялъ грамоты Ибремъ-Паша.... Ибремъ-Паша у Ивана рѣчи перенялъ, а говорилъ: нные рѣчи съ нами переговорышъ, и мы ихъ Государю скажемъ. А Салтанъ не проговорилъ ни одного слова, и вышелъ Иванъ опитъ Салтана.... а поминки В. К. велѣли приславове у Казаковъ взяли Янычаномъ.... и Салтанъ поминки смотрѣлъ изъ-за людей... а корму давали Ивану отъ Салтана колачи, да рыбу шеврижину сухую, да на дву блюдѣхъ икры, да ягоды запивные соленые, да изюмъ, да арбузы и дыни, и пр. (л. 277—286). Онъ возвратился льпомъ въ 1524 году; а съ шмъ ошлп прѣхалъ въ Москву Скиндеръ, по единственно для закупки соболей.

(228) Дѣла Польск. No 2, стр. 123 — 125.

(229) Сія договорная грамоша хранится въ Архивъ подъ Но 7. Въ ней сказано, что Россіи владышъ опъ Дыпра ниже Смоленска рѣкою Мерею вверхъ, между Пречистые, Взуруба и Звѣровичъ въ Пваку рѣку.

(230) Сприков. кн. XXIV, гл. 4.

(231) Гаршкноха Alt und Neues Preus. стр. 325 — 326.

(232) Аришта Lief. Chr. 191.

(233) Сія договорная харатейная грамота, опъ 1 Септ. 1521, Русская и Нѣмецкая, находится въ Архивѣ между Ливляндскими грамотами подъ Но 4. Она писана въ Новгородѣ опъ имени Магистра, Архієпископа Рижскаго и Епископовъ Дерпт., Эзельск., Курл., Ревельскаго, и Новгород. Намѣстниковъ, К. Александра Росшовскаго и Мих. Морозова. Послами были фонъ-дербъ-Тимаши, фонъ-Боргъ, Иоаннъ Лоде, І. Дюкеръ и Георгій Ковіертъ. Магистръ обѣщался не имѣть союза съ Королемъ Польскимъ. Сказано, что рубежъ нашихъ владѣній идетъ опъ Чудскаго озера *стержанеиъ* (или, какъ пишъ пишущъ, по *талъвегу*) Наровы рѣки поперегъ острова ниже Ивангорода и Ругодива или Нарвы въ Соляное море. См. Аришта Lief. Chr. 183 — 184.

(234) Въ договорѣ, заключенномъ съ Императоромъ Максиміліаномъ въ 1514 году. — О городахъ Рязанскихъ К. Ѳеодора см. въ завѣщаніи В. К. Иоанна Васильевича.

(235) См. Т. VI, примѣч. 526.

(236) Ибо они происходили опъ Святослава Ярославича, которій былъ спарѣе Всеволода, Мономахова опца.

(237) См. Гербершт. R. M. Comment. стр. 48.

(238) См. *Арханг. Лѣт.* подъ симъ годомъ. Въ другихъ мѣстъ о томъ ни слова.

(239) См. Герберштин. стр. 48, и Родослов. Кн.

(240) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 197.

(241) См. сей *Исторіи* Т. V, стр. 50, и Герберштин. стр. 48.

(242) См. *Дѣла Турецк.* Но 1, л. 3, 4; также Герберштинна и Курбскаго *Исторію Царя Иоанна* въ началѣ.

(243) См. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, между бумагами Миллера, въ *Собраніи древнѣйшихъ дипломатическихъ извѣстій*, Но 80, грамоты Шемякины къ Государю и Государевы къ нему. Сей Князь называется и *Шемлякинъ* и Шемякинымъ. О К. Вас. Стародубскомъ см. *Архив. Лѣт.* л. 181 на об., г. 1506.

(244) По *Розрядн. Кн.* въ 1519 году уже не было К. Василія Стародубскаго. Гербершт. сказываетъ, что Шемякинъ выгналъ его и завладѣлъ Стародубомъ: это несправедливо. Розряды доказываютъ, что симъ городомъ управляли Государевы намѣстники.

(245) Гербершт. R. M. Com. 51. Тамъ сказано, что Шемякинъ писалъ къ Сигизмунду чрезъ Кіевскаго Воеводу, который прислалъ его письмо къ Василию.

(246) См. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи *Слѣдственное дѣло Максима Грека.*

(247) Гербершт. R. M. Com. 20. Варлаамъ оставилъ Мишпрополью 17 Дек. 1521, и скончался въ Симоновѣ монастырѣ. Давилъ поспавленъ 27 Февр. 1522.

(248) См. *Дѣло Максима Грека.*

(249) См. Курбскаго *Исторію Царя Иоанна.* Опъ разсказываетъ, что Василий, обмануемый клеветною, вельмъ привесши сего святаго мужа изъ Бѣлоозера въ Москву, оковалъ его и поручилъ истопнику, именемъ Павлу; что жена Павлова изъ челоуколюбія скрыла Порфирія и мыслила дать ему свободу; что истопникъ, услышанный бѣгствомъ Царскаго узника, хотѣлъ зарѣзать себя пожемъ; что Порфирій явился и сказалъ ему: «се я: пвори со мною волю Государеву;» что Василий, проушый симъ великодушіемъ, немедленно оппустилъ его въ мирную пустыню и проч.

(250) См. *Ростов. Лѣт.* л. 580. Шемякинъ былъ еще живъ въ 1526 году.

(251) См. Архив. *Переписную Кн.* Но 1, л. 207, и *Дѣла Турецк.* Но 1, л. 241.

(252) Поджогина: это было весною.

T. VII.

- (253) См. Гербершт. R. M. Com. 75 — 76.
- (254) См. *Дьяла Крыльск.* No 6, л. 2 — 34. В. Князю было известно, что Сантъ-Гирей дѣйствовалъ въ семь случаевъ по совѣту измѣнника нашего, Сейша Казанскаго, т. е. главнаго изъ духовныхъ сановниковъ.
- (255) См. *Дьяла Турецк.* No 1, л. 302. В. К. при-
былъ съ братьями въ Нижній 23 Авг.
- (256) См. *Казан. Лѣт.* гл. 18, и Гербершт. R. M. Com. 71. Послѣдній сказываетъ, что Россіяне было 180,000.
- (257) Сына Фетъ-Гирева.
- (258) Гербершт. приписываетъ сей случай людямъ подкупленнымъ Россіянами.
- (259) См. *Никол. Лѣт.* и Гербершт. Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Казанцевъ въ сей бѣдѣ, на полѣ Ошляновѣ, легло 42,000; начальниками ихъ были *Отуцъ Сильной* и Князь Апалыкъ.
- (260) *Казан. Лѣт.* говоритъ объ испребленіи Яртоулыаго полку и другихъ, числомъ до 30,000 воиновъ. Гербершт. пишетъ, что Черемисы востребовали нашъ конный, пѣхотный опрядъ, посланный для развѣдыванія, и два раза побили К. Палецкаго.
- (261) См. Рычкова *Казан. Исторію* стр. 102.
- (262) См. *Никол. Лѣт.* 230, Гербершт., *Казанск. Лѣт.* и въ Архив. *Собраніи Госуд. Грамотъ*, стр. 423, запись Ив. Бѣльскаго отъ 20 Сент. 1523 г.
- (263) Послами были Аппа Уланъ и Бахкилей Князь а въ Казань ѣздилъ отъ насъ К. Вас. Данил. Пенковъ съ Дьякомъ Аван. Фед. Курицынымъ.
- (264) Гербершт. R. M. Com. 73.
- (265) См. Житіе Макарія въ Прологѣ.
- (266) См. *Дьяло Максима Грека* (выше, прим. 246).
- (267) См. *Исков. Лѣт.* Г. Толст. подъ г. 1523.
- (268) См. выше, въ описаніи сего года. Въ Синодальной библіотекѣ, въ книгѣ подъ No 347, л. 354 — 363, есть выписка изъ грамоты Паисія, старца Оеропошовой обители, о второмъ бракѣ Василія, любовынная, но едва ли достовѣрная. Тамъ сказано, что Великій Князь хотѣлъ знати мнѣше Старца Симо-

новскаго, Вассіана, о разводѣ съ Соломонією, именуя сего мужа подпорою Державы, *уменьшилъ души своей, вселилъ бесѣды, поставилъ любви*; что Вассіанъ объявилъ замышляемый имъ второй бракъ прелюбодѣліемъ; что раздраженный Государь велѣлъ Дьяку Трифону Ивину отвести дерзкаго Старца въ Чудовъ монастырь, гдѣ Дьяки Андрей Госпевъ и Семенъ Пѣшивый были его стражами; что Великій Князь, по совѣту Митрополита, писалъ къ Греческимъ Патриархамъ, требуя ихъ благословенія на разводъ; что Патриархи не дали оного; что Иерусалимскій, именуемъ Марко, въ духѣ пророка отвѣтствовалъ Василію: «если женишься вторично, то будешь имѣть злое чадо; Царство твое наполнится ужаса и печали, кровь ипольется рѣкою, падутъ главы Вельможъ, грады запылаютъ» и проч.; что Митрополитъ Даниилъ сказалъ тогда: «мы обойдемся и безъ ихъ благословенія»; что Государь уѣхалъ въ село Александровское и тамъ долго совѣщалеся съ Досидеемъ, Епископомъ Сарскимъ, и съ Чудовскимъ Архимандритомъ Ионою; что въ сіе время возвратился изъ Крыма посолъ Иванъ Колючовъ, а съ нимъ прѣхалъ Инокъ Свяшлы Горы, Гавріилъ, съ нѣскономъ отъ всѣхъ тамошнихъ монастырей, которые также не одобряли развода — и проч. и проч. Въ сей выпискѣ много странныхъ выражений и словъ *вымышленныхъ*, какихъ не бывало въ языкѣ нашемъ: роды Болгарскіе именуются *Сарапасастии*, Христіане *Урдіюкелли*, шанка Мономахова *алдарилоль*, и проч. Инокъ Вассіанъ сочинилъ посланіе, въ коемъ онъ, укоряя Монаховъ въ нѣгѣ, доказываетъ необходимость опияшь у нихъ вопчины. На сіе посланіе отвѣтствовалъ ученикъ Максима Грека, Инокъ Зиновій. «Вассіанъ (говоритъ онъ) не изволи брашна Симоповскаго лепни... яде приносимое ему, отъ трапезы Вел. Князя, хлѣбы пшеничны, крупичаты, брашна заслажаемая и многепстротнѣ застролемая... пілше Романою, Басиръ (см. ниже примѣч. 386) Мушкатель, Релское бѣлое вино... Брашно же (въ монастыряхъ) хлѣбъ овсянъ невѣянъ, ил

«жасы ржаные полчены, и шаковые хлѣбы сухи безъ соли; питіе же вода, и вареніе имѣющихъ капустное листвіе; преимущи же въ нихъ, аще зеліе, имѣють свеклу и рѣпу; овощи же имѣ рабина и калина; о одежди же что и глаголати? искропаны,» и проч. Сія рукопись въ Новогород. Софійской бібліотекѣ. См. *Исторію Рос. Герархіи*, Т. II, стр. XXX.

(269) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна и Гербершта*. Р. М. Сом. 58. Симеонъ Курбскій въ старости не ѣлъ мяса, а рыбу только въ Воскресенье, Вторникъ и Субботу.

(270) Архив. *Псков. Лѣт. Малинов.*

(271) Гербершт. Р. М. Сом. 18, 19. Синод. Лѣт. No 365. Въ Моск. Архивѣ хранится слѣдующая подлинная грамота: «Се язъ К. В. Вас. Ив. всея Русіи пожаловалъ семи *Старицу Софью* въ Суздаль своимъ «селомъ Вышеславскимъ и пр. Писать на Москвѣ л. 7035, Септ. 19 днѣ» (1526 года). Весьма вѣроятно, что сія Монахиня Софія есть бывшая Вел. Княг. Содомонія. Въ руков. Сузд. лѣтописи сказано: «Вел. Княгиня *Соломонія*, въ постриженіи *Софія*, скончалась 7051 (1542) Дек. 18; иночествовала 17 лѣтъ и 15 дней; погребена въ Покров. дѣвич. монастырь.»

(272) Гербершт. Р. М. Сом. 19.

(273) См. тамъ же.

(274) Въ Февр. 1527. См. въ *Собр. Госуд. Грам.* стр. 428.

(275) См. *Древ. Рос. Вивлио.* XIII, стр. 5.

(276) Гербершт. Р. М. Сом. 96.

(277) См. *Никон. Лѣт.* г. 1521, и Павла Ювія de *Legatione Basilii, M. Princ. Moscoviae.*

(278) См. П. Ювія de *Legatione etc.* — Около сего времени писалъ *Альберто Каллензе* Lettera intorno le cose di Moscovia al beat. Padre Clemente VII, убѣждая Папу стараться о присоединеніи Россіи къ Латинской Церкви. Альбертъ слышалъ о Россіи отъ своего опца и братьевъ, которые долго жили въ ней; но почти всѣ его географическія извѣстія выписаны изъ Магн. Мѣховскаго.

(279) См. Архив. Переписную Кн. No 1, л. 262.

(280) См. тамъ же, л. 262. Въ выпискахъ Абб. Албертради изъ Вапик. бібліотеки есть наказъ, данный Свигизмудомъ сему послу Римскому. Король хотѣлъ заключить вѣчный миръ единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Василій возвратилъ ему Смоленскъ.

(281) См. Архив. Переписную Книгу, No 1, л. 256.

(282) Дашоу имѣ В. К. Іоанну.

(283) Гербершт. Р. М. Сом. 99, 100, 112, и Дѣла Польск. No 2, стр. 133 — 134.

(284) См. *Никон. Лѣт.* 232, и Архив. Переписн. Кн. No 1, л. 262. Бумаги сихъ посольствъ утратились.

(285) Мстиславскій выѣхалъ къ намъ въ Іюль 1526, и въ 1529, 23 Авг., уже былъ супругомъ Анастасіи, дочери Петра Царевича. Въ данной имъ тогда записи онъ клянется быть вѣрнымъ Государю и не сноситься въ Липвѣ съ отцемъ своимъ, К. Мих. Ивановичемъ. См. *Собр. Госуд. Грам.* стр. 453. — Въ Синод. Лѣт. No 356 сказано, что В. К. отдалъ Мстиславскому городки Шемякины въ опчину, Ярославецъ, Кременецъ, волость Мышегу, да Коширу въ помѣстье или въ кормленіе.

(286) Дѣла Польск. No 2, стр. 134 — 153. Свигизмудъ въ 1529 году извѣстилъ Василія о возведеніи девятилѣтняго сына своего, Августа, на престолъ Королевскій; въ 1532 году В. К. приказалъ остановить Липовскихъ пословъ на границѣ и спросить у нихъ подъ присягою, имѣтъ ли язвы въ Липвѣ? Новое перемиріе на годъ заключено въ Москвѣ въ 1532 г. Сапѣгою и Ключкомъ.

(287) См. Далн. *Gesch. des R. Schw.* III, 74, и сей подлинный договоръ, утвержденный въ Новгородѣ 3 Апрѣля 1524 и находящейся въ Архивѣ Ин. Коллегіи на Латинскомъ языкѣ. Внизу «я посоль Канушь велѣлъ за себя руку приложити Капелману моему, ибо самъ писать не умѣю!»

(288) См. Гербершт. Р. М. Сом. стр. 33, и Далн. Т. III, стр. 112. Ваза посылала для того въ Москву вѣпорочно Эрика Флемминга, который выѣ-

жалъ опшуда уже по кончинѣ Василія. О семъ посольствѣ упоминается въ Архив. Переп. Ки. подъ 1534 годомъ, л. 276.

(289) Дѣла Турецк. № 1, л. 290 — 334. Скиндеръ умеръ въ Москвѣ въ 1530 году.

(290) См. Дѣла Крымск. № 6, л. 159 — 160, и *Никон. Лѣт.* 234, и Архивъ *Ростов. Лѣт.* Сей Лѣт. говоритъ, что у Ислама было 60,000 воиновъ.

(291) Дѣла Крымск. л. 159 на об.

(292) Предложимъ выписку изъ Крымскихъ дѣлъ. Сайдетъ-Гирей въ 1524 году прислалъ къ В. К. сокозную грамоту, но включилъ въ оную выраженія непристойныя: ее не приняли. Сей Ханъ заочилъ брата своего, бывшаго Царя Каз., Санпъ-Гирей, въ Балаклавѣ и думалъ умертвить племянника, Магметъ-Гиреева сына, Ислама, который, узнавъ о томъ, собралъ войско, схватилъ мать Сайдетъ-Гирееву на пути въ Кыркоръ, опогналъ спада Ханскія и назвался Царемъ съ согласія Улановъ Крымскихъ. Сайдетъ-Гирей заперся въ Перекопи, освободилъ Санпъ-Гирей, далъ ему чинъ Калги, и его стараніями опять привлекъ къ себѣ Улановъ, такъ, что Исламъ, ими оспавленный, долженъ былъ уйти изъ Крыма, ограбивъ на Молошныхъ Водахъ купеческій караванъ, въ коемъ находилось много Армянъ и Россіянъ: тогда послы Сайдетъ-Гиреевы, Чабукъ-Мурза и К. Янышъ, заключили въ Москвѣ союзъ съ Россіею (въ 1525 г.). Между тѣмъ В. К. звалъ къ себѣ спранствующаго Ислама; но свѣдалъ, что сей бѣглець уже снова царствуетъ въ Тавридѣ, изгнавъ Сайдетъ-Гирей и побивъ 1700 Турковъ, пришедшихъ изъ Кафы на помощь къ Хану. Нашъ Бояринъ Колычовъ возвратился изъ Крыма съ самъ извѣстіемъ. Исламъ не долго властвовалъ, и едва не убитый Мурзами, бѣжалъ въ Тюмень; а послѣ приирился съ Сайдетъ-Гиреемъ, и напалъ на Россію. Черезъ годъ онъ уже опять скинулся въ степяхъ изгнанникомъ. Сношенія съ Ханомъ продолжались. Великокняжескій посланникъ Челнщевъ умеръ въ Тавридѣ. Въ 1530 году Сайдетъ-Гирей требовалъ тысячи ал-

тышъ съ Одоева и съ Рязанскихъ городовъ, сказывая, что сія дань со времени дѣда его, Ази-Гирей, принадлежала одному знаменитому Крымскому чиновнику; ограбилъ нашего посла Злобина, и тревожилъ набѣгами Бѣлевскія и Тульскія мѣста. Государь (въ 1531 г.) послалъ въ Пупивѣ Царя Шигъ-Алея и Шибанскаго Царевича Ахдовлета съ Городецкими Козаками и съ служивыми Татарами, К. Бориса Горбашаго, Воронцова, Оболенскаго (Намѣстника Новгорода Сѣверскаго) съ Дѣтьми Боярскими, Козаками и *Севрюками*, а въ Коломну и Коширу К. Василія Шуйскаго съ сильными войскомъ, написавъ къ Хану грозное письмо. Умертвивъ Ширинскаго Князя, Бахтіра, господствовавшего въ Старомъ Крымѣ, и многихъ знатныхъ, Ханъ выслалъ Калгу Санпъ-Гирей, ненавидѣннаго Вельможамъ, въ Царьградъ, возобновилъ союзъ съ Василемъ, вредилъ Липвѣ, и наконецъ (въ 1532 году) сверженный съ престола, уѣхалъ къ Султану. Исламъ объявилъ себя Царемъ: будучи изгнанникомъ, онъ требовалъ, чтобы В. К. усыновилъ его, и Василій далъ ему имя сына. По волѣ Султана успувъ пресполъ Санпъ-Гирейю, Исламъ остался Калгою; а новый Царь, бывъ дополъ въ дружеской перепискѣ съ Василемъ, началъ весьма грубо требовать богатыхъ даровъ. В. К. послалъ къ нему Вас. Левашева съ поздравительною грамотою. См. Дѣла Крым. № 6, опъ л. 52 до конца сей книги.

(293) См. *Никон. Лѣт.* 234 и слѣд.; также *Каз. Лѣт.* гл. 19. — Сафа-Гирей прислалъ Князей Табая, Даналя и Бакшея Ибрагима въ Новую Слободу къ Государю; а послѣ Князей Мамыша и Курапа.

(294) Въ Казанскомъ походѣ 1524 года.

(295) Будучи внукомъ В. Княгини Рязанской, сестры Иоанновой.

(296) См. *Каз. и Никон. Лѣт.* 257.

(297) Къ Сафа-Гирейю ѣздилъ Бояр. сынъ Иванъ Полевъ, который прислалъ Бояр. сына Сурю Нехаева съ вѣстію объ измѣнѣ Царя. Ноября 24 оправили въ Казань Головина съ письмами къ Уланамъ и Кня-

зьямъ, а Дек. 10 Шигъ-Алея съ Казан. послами въ Нижній. 17 Мая прѣхалъ изъ Казани Головищъ съ извѣщеніемъ объ изгнаніи Сафа-Гирея, а чрезъ два дни послы отъ Царевны, Кичигилея Мурзы, К. Булата и всѣхъ Улановъ, чтобы дать имъ въ Цари Емалей.

(298) Въ Генварь 1533.

(299) См. *Степи. Кн. Лашухина* и въ Синод. библиот. Лѣт. Димитрія Ростовск. въ лѣтѣ, No 87, л. 204.

(300) См. *Ростов. Лѣт.* 587.

(301) Синод. Лѣт. Димит. Ростов. No 87, л. 204, и въ *Собрании Госуд. Грамотъ* занесен Мстиславскаго п Плессеева (стр. 439 и 448). См. также Курбскаго *Исторію Царя Иоанна*: о гоненіи на шѣхъ, которые осуждали вѣнорый бракъ Иоанновъ.

(302) *Степи. Кн. II*, 210, и Синод. Лѣт. No 351.

(303) 30 Окт. 1532, въ 7 часу дня.

(304) Андреевны, 22 Февр. 1533. — Братья Государевы, К. Симеонъ скончался 26 Іюня 1518, а К. Андрей 14 Февр. 1521.

(305) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 139 — 145, *Архив* и *Никонов. Лѣт.*

(306) См. *Архив* и *Ник. Лѣт.*

(307) *Никонов. Лѣт.* 249.

(308) См. *Архив* и *Никон. Лѣт.* 250. Сіе было въ Септ. 1532. Бабуръ названъ *Падисю*, п. е. Пашею.

(309) См. *Архив. Ростов.* (л. 593) и *Ник. Лѣт.* 256.

(310) См. Дѣла Крым. No 7, л. 69 — 76.

(311) *Ростов. Лѣт.* л. 594.

(312) Выписываемъ подробности изъ *Ростов. Лѣт.* л. 594.

(313) См. *Собр. Гос. Грам.* стр. 416.

(314) Въ *Степ. Кн.* сказано, что Василій благословилъ сына и крестомъ Мономаховымъ, вручивъ ему вѣнецъ, діадиму, жезлъ и всю Царскую ушварь сего древняго Великаго Князя.

(315) Жепу Василія Андреев. Челднина, бывшаго Дворецкимъ въ 1513 году.

(316) Жена Ивана Андреев., именемъ Елена.

(317) И посла своего Дворецкаго Тверскаго (Ши-

гопу) къ Алексію Пропопу, и повелъ ему принести дары, и повелъ его пыпати, въ обычай ли ему шодѣло, егда же розлучается душа отъ тѣла? Пропопъ же отвѣща, егда мало того бывало. . . . И какъ начали Капонъ пѣти, и забывся мало, и пробудився и нача говорити, яко видѣше видъ: *Государыня великая Екатерина! пора царствовать!* и примъ образъ Великомученицы Екатерины и любезно приложися къ ней, и пр.

(318) Въ сѣи подробности взяты изъ *Ростов. Лѣт.*

(319) Василій въ 1531 году, Авг. 24, обязалъ брата, К. Юрія Иоанновича, клятвенною грамотою быти вѣрнымъ ему и сыну его. Она написана отъ слова до слова такъ, какъ писались договоры старыхъ Великихъ Князей Московскихъ съ младшими Удѣльными Князьями. Упоминается даже о *выходахъ* Ординскихъ. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 445.

(320) См. Синод. Лѣт. Димит. Ростовск. л. 203 на об.

(321) Павелъ Іовій, стр. 129: *Specie cognitis exitia*. Мы имѣемъ портреты Василіевы, которые считаются копіями современнаго.

(322) Сіихъ писемъ, хранящихся въ Архивѣ, пять (см. *Древ. Рос. Вивлио.* III, 99).

(323) См. Синод. Лѣт. No 365.

(324) *Ник. Лѣт.* 184, и Герберштейна R. M. Com. стр. 11.

(325) *Собран. Госуд. Грамотъ*, стр. 414, 425 и 430.

(326) Герберштейн. R. M. Com. стр. 31.

(327) См. рукописи повѣсть или *Сказаніе о Маѣ-симѣ Инокѣ Сягогорцѣ Ватопедскія Обители*, найденное мною въ библиотекѣ Троицкой Лавры.

(328) См. Посланіе Максима къ В. К. Василю о переводѣ *Толковой Псалтири*.

(329) См. рукописное собраніе Максимовыхъ швореній въ библиотекѣ Троицкой Лавры. числомъ 134. Означимъ шипуль нѣкоторыхъ: 1) *Посланіе къ Даниилу Митрополиту*; 2) *Сказаніе о томъ, что подѣ*

крестомъ на церкви ильсичъ младъ; 3) Слово на Николла Нльмина; 4) На Ивана Лудовика; 5) На Лютерга; 6) На Салуила Евреина; 7) Благодарственное къ Богу о побѣдѣ на Крымскаго пса; 8) Ответное Николаю Латиллину; 9) Слово хотлицимъ оставляти жсны своя безъ вины законныя; 10) Посланіе къ В. К. Василию Ивановичу; 11) Похвала Акакію, Епископу Тверскому; 12) Советъ на злодѣя Исаака Жидовина; 13) Слово къ отрицающимся поставленія Грегескаго Патріарха, аки въ области суще безбожныхъ Турковъ; 14) Слово къ салому Царю, В. К. Из. Васильев. воспоминательно; 15) О Сивиллахъ, koliko ихъ было.

(330) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна*.

(331) См. Курбскаго — и выше, примѣч. 329; но Максимъ въ разсужденіи своемъ говоритъ болѣе о тѣхъ мужьяхъ, которые, оставляя женъ, идушъ въ монахи. Въ Хронографъ Гр. Толст. подтверждается сказаніе Курбскаго.

(332) См. Дѣло Максима Грека, хранящееся въ Архивѣ.

(333) См. *Сказаніе о Максимѣ Грекѣ*.

(334) См. Дѣло Максима Грека. Берсеень говорилъ: »Добръ-де былъ К. В. Ивапъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которос дѣло, ино и Богъ съ нимъ; а нынѣшней Государь не по шому: людей мало жалуетъ. А какъ пришла сюда маши В. Князя Софья съ вашими Греки, ино земля наша замѣшалася; а дошомъ земля наша Руская жила въ пишии и въ мпру; пришли неспроенія великіе, какъ и у васъ во Царьгородѣ. И лзь молвилъ: В. Княгиня Софья по опцѣ Царьскій родъ, а по машери В. Дуксуса Ферарійско-го. И Берсеень молвилъ: какова ни была, а къ нашему неспроеню пришла. Въдаешь, а и мы слышали у разумныхъ людей, которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та земля не долго споншъ; а здѣсь у насъ старыя обычаи К. В. перемѣнилъ. . . . Нышъ Государь нашъ запершися самъ-шрепей у постыси

всякія дѣла дѣлаетъ. Сія любопытныя допросы уцѣдлы въ подлинникъ; видны поправки въ рѣчахъ.

(335) Р. Iovii de Leg. 129.

(336) Гербершп. Р. М. Com. 96.

(337) *Ник. Ллт.* 219.

(338) На прим. въ Можайскѣ, гдѣ было заключено перемиріе съ Литвою въ 1526 г.

(339) Гербершп. Р. М. Com. 99.

(340) См. тамъ же.

(341) См. *Розрядн. Кн. и Послужный Списокъ Бояръ*. Первымъ Ловчимъ былъ въ 1509 г. Нагой, Оружничимъ въ 1511 Салпыковъ, Крайнимъ въ 1514 братель В. Княгини Ивапъ Сабуровъ.

(342) Гербершп. Р. М. Com. 34.

(343) То естъ, изъ лисныхъ горлъ или душекъ червыхъ. Фр. да-Колло сказываептъ, что при его вступчѣ спояло въ ружьѣ, опъ Кремля до Посольскаго Двора, 40 000 богато-одѣтыхъ воиновъ.

(344) См. Гербершп. Р. М. Com. 89 — 101, и *Trattamento* л. 53 на об.

(345) См. Дѣла Прусскія, л. 214.

(346) Тамъ же, л. 43. Фр. да-Колло упоминаептъ о Медикѣ *Николла*, бывшемъ тогда въ Москвѣ: Maestro Nicolo Lubacense, professor de Medicina et di Astrologia, et di tutte le scienze fondatissimo: это *Николлай Люевъ*, какъ върошно. Онъ разсказывалъ Франциску много любопытнаго о горахъ Югорскихъ или Уральскихъ.

(347) Дѣла Турецк. 222, 249, и Фр. да-Колло л. 51 на об.

(348) См. въ *Указателъ Рос. Законовъ* ч. I, стр. 81 и 86, Судебникъ Ц. Ивана Васил.

(349) См. выше, примѣч. 105.

(350) См. Архив. *Ростов. Ллт.* л. 579.

(351) См. тамъ же, л. 588 на об.

(352) См. *Ник. Ллт.* 182, 187, 227, 231, 245. Ромъ Кремлевскій обложенъ кирпичами въ 1508 г.; крѣпость въ Нижнемъ застроена тогда же, Тульская въ 1520, Коломенская въ 1525, а совершена въ 1531. Въ Ар-

жив. Лѣт. л. 249: »Поспавленъ бысть градъ камепъ на Осепрѣ у Николы у Заразсково« (въ 1531 г.) Тогда же срубили крѣпость въ Черниговѣ и Коширѣ.

(353) См. Архив. *Рост. Лѣт. л. 575*, и *Розр. Кн.*

(354) См. въ *С. Г. Грам.*, стр. 416, запись В. Князя, писанную въ Іюнь 1523 г., передъ его Казаи. походомъ. См. также *Архив. Лѣт. л. 182*, 212 на об. и 238.

(355) См. *Архив. Лѣт. л. 184*.

(356) См. тамъ же л. 190 и 219 — *Ростов. Лѣт. л. 578*, и *Никон. 182*.

(357) *Никон. Лѣт. 220*.

(358) См. *Продолженіе Нестора*, стр. 352, *Новогор. Лѣт.* Малин. и Архив. *Ростов. Лѣт. л. 578* и 584.

Между бумагами Іосифовскаго Волоколамскаго монастыря находятся грамота Св. Іосифа къ Вельможѣ Борису Васильевичу и его духовное завѣщаніе, писанное въ 1507 году. Въ первомъ изображаются всѣ наглядныя обиды, претерѣнныя имъ и монастыремъ отъ К. Ѳед. Борисовича, который оппималъ у него вклады, деньги, вещи; хотѣлъ съчь Монаховъ кнупомъ, и проч. (см. *Древ. Рос. Вивліов. XIV*, 177). Тутъ подробно описана ссора Іосифова съ Архіепископ. Новгородскимъ.

(359) См. Архив. *Ростов. Лѣт. л. 581* и 589 на об.: Въ 1530 г. В. К. далъ милоспивую грамоту Лапландцамъ, по коей они долженспвовали бысть судимы не Намѣспиниками и не Тіунами Новгородскими, а Государевымн Дьяками. См. *С. Г. Гр.* стр. 436, Архив. *Ростов. Лѣт. л. 606* подъ годомъ 1534, и въ *Древ. Рос. Вивліов. XIV*, 149, грамоту Макаріеву къ жипеламъ Вотской Пянины, къ Чуди погоста Толдожскаго, Ижерск., Дудровск., Замошск., Егорск., Ополецк., Кипенск., Псковск., Зарѣцкаго, и пр., и Новог. Архіеп. Ѳеодосіа къ сановникамъ Чудск. земли, духовнымъ и свѣшскимъ, въ 1548 г.: см. *Вивліов. XIV*, 167.

(360) См. въ *Псков. Лѣт. Г. Толсп.* посланіе Пам-

ѳила къ Намѣспинику Псков., К. Димитрію Владим. Ростовскому и проч.

(361) См. въ Синод. библіотекѣ рукопись въ лѣспѣ подъ № 87, л. 407: *Соборъ въ богоспасасиомъ градѣ Вилми бывшій* (Гевв. 18, г. 1509). Кромъ Митрополита Іосифа находились тамъ Епископы: Вассіанъ Владимірскій и Берестенскій, Варсонофій Смоленскій, Кирилль Луцкій и Острожскій, Евфимій Полоцкій и Витебскій, Арсеній Туровскій и Пинскій, Аншоій Перемышльскій и Филаретъ Холмскій. Уложивъ, что Цереляи бысть могутъ единственно люди безпорочные и женатые; что Князья и Папы, хищники церковнаго имѣнія, оппучаются отъ церкви; что Инокіи не выходятъ изъ монастырей безъ воли Настоятелей, Свяспипелн говорять далѣе: »Правиль Божеспивенныхъ мірскимъ людемъ не подобаетъ въ себе (у себя) держати, занеже держаще ихъ мірскіи люди въ нѣкоторыхъ дѣлахъ законъ презираютъ и Паестырей своихъ преслушаютъ; ино таковыи, по Св. Апостолу, »самн собѣ законъ бывають.« Оспуждаютъ Епископовъ, кошорые берутъ на себя мірскіи дѣла, и за недосугами уклоняются отъ церковныхъ Соборовъ. Въ заключеніи такъ: »Аще ли отъ Господаря или отъ Вельможъ у (въ) сихъ предреченныхъ дѣлахъ, нами соборнѣ положенныхъ, хотя въ единомъ изъ нихъ до Митрополита или до Епископа прислание будеть, »сію заповѣдь, по правиламъ святыхъ нами утвержденную, хотя зрушиши, и ихъ волю вчинити: намъ ни единому на то не дерзнути никакоже; всѣмъ намъ зъѣхались до Митрополита, кажный подъ своимъ вкладомъ и шкодою, и о томъ Господарю челомъ биши и непоколебимо сполни.« Внизу подписано: »Сей соборъ на паргаминѣ писаномъ спародавшимъ, »яко же здѣ слово въ слово имаши, еспѣ писанъ, у него же печатей завѣшспныхъ осмь.« — Въ языкѣ уже видимъ нечиспую примѣсь Польскаго.

(362) См. *Псков. Лѣт. Толсп.*, *Ростов. Лѣт. л. 574* и 590, и *Продол. Нестора 355*. Въ 1506 г. былъ во Псковѣ моръ безымлишій.

(363) См. *Архив. Лѣт.* л. 190, 238, 256, и *Ростов. Лѣт.* 592.

(364) См. *Никонов. Лѣт.* 213.

(365) См. *Продолж. Нест.* 355.

(366) См. *Ростов. Лѣт.* л. 578 на об. См. еще Гербершт. R. M. Com. 45.

(367) См. *Архив. Ростов. Лѣт.* л. 575, 588, 592, и *Никонов.* стр. 245.

(368) См. *Архив. Лѣт.* г. 1531; также *Ростов. и Псков. Лѣт.* Толст.

(369) На примѣръ, Анабаптисты и другіе.

(370) См. выше, примѣч. 529.

Выписка изъ лѣтописей:

Г. 1506. Генв. 15 поставленъ въ Москвѣ Архіеп. Новугороду Серапіонъ, Игум. Троицк. Серг. монастыря; а въ 18 день Архіеп. Вассіанъ Роспову и Яро-славлю, Архим. Симоновскій.»

Г. 1507. Въ Февр. поставленъ Андроник. Архим. Митрофанъ Епископомъ въ Коломну. В. К. вызвалъ изъ Пскова К. Дим. Ростовск., а на его мѣсто прислалъ К. Петра Васильев. Великаго.

Г. 1508. 23 Генв. поставленъ Епископъ Крушицкій Доспѣей. 8 Марта умеръ въ Москвѣ Епископъ Суздальскій Нифонъ и опвезенъ въ Суздаль. 23 Мая умеръ Тверк. Еписк. Вассіанъ. Расписана и украшена золотомъ церковь Благовѣщенія на Великокняжескомъ дворѣ въ Москвѣ.

Г. 1509. В. К. смѣнилъ Псков. Намѣстника К. Петра Великаго, а на его мѣсто прислалъ К. Ивана Михайлов. Рѣпню-Оболенскаго; а бысть той Князь лютъ до людей (см. *Псков. Лѣт.* Г. Толст.). — Поставлены въ Епископы Авг. 21 Симеонъ Архим. Андрониковскій въ Суздаль, а 24 Игуменъ Богоявленскій въ Тверь.

Г. 1511. Апр. 26 занемогъ Митроп. Симонъ, послалъ за бывшимъ Новогород. Архіеп. Серапіономъ въ Троицкій монастырь, помирился съ нимъ, скончался 30

Апрѣля и погребенъ въ Успенск. храмъ; Іюля 27 избранъ въ Митрополиты Симон. Архим. Варлаамъ, а 3 Авг. поставленъ Священіями.

Г. 1513. Въ Февр. скончался В. Княгиня Евдокія, сестира Государева, супруга Петра Царевича. Въ Маѣ умеръ К. Федоръ Борисов. Волоцкій.

Г. 1514. Поповленъ въ Москвѣ славный образъ Богомашери Владимірской, а В. К. приказалъ сдѣлать для онаго кивотъ, украшенный серебромъ и золотомъ.

Г. 1515. 15 Февр. Архим. Чудова монастыря Юсифъ поставленъ въ Епископы Смоленску. Авг. 28 преставился Ростов. Архіеп. Вассіанъ на Дорогомилевъ и опвезенъ въ Ростовъ. 12 Нолбря скончался Суздальскій Епископъ Симеонъ.

Г. 1517. 10 Февр. Владимірскій Рождественскій Архим. Гешадій поставленъ въ Епископы Суздалю, а Февр. 12 Архим. Андрониковскій Сергій Рязани.

Г. 1518. В. К. прислалъ во Псковъ ко храму Троицы большой колоколъ на мѣсто Вѣчеваго. Въ Іюнь Коломенскій Священитель Митрофанъ оставилъ Епископію.

Г. 1519. Съѣхали Намѣстники Псковскіе, К. Ив. Шуйскій и Андрей Вас. Сабуровъ; ихъ мѣсто заспутили К. Михайло Кислица и К. Петръ Лобавъ-Ряполовскій. Начаша Мисторъ Мунехинъ Дьякъ, да его Подьячей Орпюша Псковининъ назирати убогое мѣсто, незнаемо никимъ же, подъ Нѣмецк. рубежомъ 40 верстъ отъ Пскова, въ Тайловъ погостъ, 7 верстъ отъ Новаго городка Нѣмецкаго, Печерской монастырь, Вялянекую пещеру, и начаша на праздники Пречистыя Богородицы ѣздити со многими людьми и монастырь кормити; а монастырець былъ на верстѣ горы . . . и нача Пречистая недужныя исцѣляти, и услыша вся земля Русская, яко не покмо Крестьянъ, но и Ланыны исцѣляеть, и нача Мисторъ волостыми своею казною по обѣ стороны ручья горы копати и церковь большую создати и въ гору копатися дала и глыбле, и начаша монастырь спростити въ по-долъ межъ горъ, а ручей сквозь монастырь и воду

«возведоша вверхъ, а Св. Θεодосія и Антонія спесоса съ горы въ пещеру въ новую церковь, и начаша съ проскурою и со святою водою къ Государю ъздиши, и нача быти славетъ монастырь до моря Варяжска.»

Г. 1520. Февр. 9 поставленъ Симоновскій Архим. Иоаннъ Архіепископомъ въ Ростовъ, Февр. 14 Игуменъ Угръшскій Тихонъ Епископомъ въ Коломну, Февр. 16 Игуменъ Соловецкій Пименъ на Вологду и въ Пермь.

Г. 1521. 14 Мая нашли въ землѣ мощи Св. Макарія Колязинскаго при основаніи новой церкви.

Г. 1522. 25 Марта поставленъ Рязанскій Епископъ Иона, а 30 Тверскій Акакій.

Г. 1525. Апрель 2 поставленъ на Коломну Епископъ Вассіанъ Гонорко, а на Вологду, 9 Апр.. Алексій Игуменъ Кириллова монастыря.

Г. 1531. Скопчался Епископъ Суздальскій въ Москвѣ и погребенъ въ Суздаль. — Свирѣпствовала язва въ Ревель. Преспавился Пафнуцій Боровскій.

Г. 1532. Юня 22 преспавился Юсифъ, Епископъ Смоленскій, и погребенъ въ Смоленскъ. — Совершена церковь Вознесенія въ Коломенскомъ, и Лѣтописецъ говоритъ, что ипакъ великолѣпной еще не бывало въ Россіи.

Г. 1533. Слншь въ Москвѣ колоколъ *благовѣстникъ* (Николаемъ Нѣмциномъ) въсомъ въ 1000 пудъ, и поставленъ на деревянной колокольнѣ. — 30 Авг. преспавился Игуменъ Александръ, основатель монастыря на рѣкѣ Свирѣ.

(371) R. M. Com. стр. 11 и 92. Гербершп. говоритъ, что прежде его описывалъ Россію Николай Кузанъ: извѣстны сочиненія *Антонія* Кузана, напеч. въ Парижѣ 1513 г.; но въ нихъ не упоминается о Россіи. — Францискъ да-Колло (см. выше, примѣч. 165) говоритъ (л. 51, 52), что воля Государева служишь въ Россіи вмѣсто писанныхъ законовъ, и что кому Вел. Князь прикажетъ повѣситься, тотъ немедленно исполнишь надъ собою сей указъ; что никто не смѣетъ свое своимъ, а все называешся Государевымъ; что имѣіе дѣйспвишельно переходишь изъ рукъ въ руки

по волю Вел. Князя, который возвышаетъ или унижаетъ людей въ одну минушу; что они всегда благодарятъ его, и за милость и за наказаніе.

(372) Тамъ же, стр. 36, 37, и въ прибавленіяхъ къ старому Нѣмецк. переводу Гербершп., напечатанному въ Базель 1567 г. стр. 204. Фр. да-Колло пишетъ о 400,000 конныхъ воиновъ Россійскихъ, прибавляя, что они служатъ не изъ жалованья, а изъ любви, страха и повиновенія (per amore, timore, et obedientia).

(373) См. Павла Ювіл стр. 128, и Гербершп. R. M. Com. 21, 36, 38, 40.

(374) Тамъ же стр. 42, 45, 49, 53 — 59, и Пав. Юв. 126 — 128. — Фр. да-Колло цѣнитъ лучшаго соболя даже во 100 червопцевъ (л. 52 на об.)

(375) Гербершп. 42. На Псковскихъ монетахъ голова человѣческая представлена такъ грубо, что она казалась Гербершпену бычачьею. На древнѣйшихъ Московскихъ, по его сказанію, изображалась роза.

(376) Тамъ же, стр. 56 — 59.

(377) Тамъ же, стр. 11.

(378) Тамъ же, стр. 41.

(379) Тамъ же, стр. 45, 46, и Коншарини въ Бержеронъ стр. 53.

(380) Гербершп. стр. 41 — 56.

(381) См. сей *Исторіи* Т. II, въ примѣч. на Рус.

Правду.

(382) Гербершп. стр. 36.

(383) Тамъ же, стр. 35, 36 — 41.

(384) Тамъ же, стр. 40. Доказательствомъ, что свободные земледѣльцы продавали себя въ холопство, служишь 77 статья Судебника, гдѣ сказано: «а кошпорой крестьянинъ съ пашни продася кому въ полную въ холопи, и проч.»

(385) Тамъ же, стр. 35, 40.

(386) Тамъ же, стр. 36, 40, 56 и выше, прим. 268. Всемъ извѣстно Бургонское вино, называемое Романею, la Romanée. Вѣроятно, что его привозили въ Россію Нѣмецкіе купцы. Нынѣ у насъ въ питейныхъ домахъ именуется такъ наливка *красная*, составлена

изъ вина, черники, клюквы и меду. — *Бастръ* (у Поляковъ *Bastard, Baster*, у Нѣмцевъ *Bastardwein*: см. въ Лексиконахъ Линде и Трота) есть Канарское вино. Имя Мальвазіи не встрѣчалось мнѣ въ древнихъ Русскихъ извѣстіяхъ: не она ли называлась Мушкашелемъ? Въ старинныхъ Русскихъ Арнометикахъ, писанныхъ въ концѣ XVI вѣка, означена слѣдующая цѣна вина: «Ренского вина сполна 11 денегъ, Романешъ 10, Бастру два алтына и двѣ деньги» (14 денегъ) «Алкану» (Аликанту?) «по семи денегъ, красное по алтыну.» Гербершт. говоритъ, что Псковитяне стригли себѣ волосы какъ Поляки, и тѣмъ ошланились отъ другихъ Россіянь. — Выписываю, здѣсь, что говоришь о старинномъ платьѣ Россіянь Олсариѣ, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ:

«Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышивной разными шелками и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выпавляется изъ-подъ одежды) они надѣваютъ узкое и короткое полу-кафтанье, едва достающее до колѣнъ и сшитое всегда изъ тонкой матеріи (изъ шафры или атласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и сполчимъ, а сверхъ того кафтанъ, по икру, также изъ тонкой матеріи, но всегда стеганый и называемый *ферезель* или *ферезью*; а когда идушь со двора, тогда всякой наряжается въ кафтанъ длинной, суконной, темно-синей или кофейной, иногда же въ парчевой или атласной, съ широкимъ воротникомъ, съ золотыми пепланицами и съ длинными сбористыми рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранился множество въ Царской кладовой; въ день аудіенціи дають ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова забирають въ сундуки. — Болре, при всякомъ споржесивенномъ случаѣ, являющіяся въ высокихъ шапкахъ собольихъ и черныхъ лисьихъ; а другіе знатные или богатые люди носятъ обыкновенно бархатныя съ собольею опушкою. Сапоги у нихъ короткіе, по большой части изъ Персидскаго сафьяна, остроносые и съ высокими каблуками. Женщины носятъ ферези, или сарафаны, а сверхъ шубу

или длинное, широкое платье, почти такое же, какъ мужчины, съ застежками или съ серебряными пуговицами. Замужія ходятъ въ шапкахъ съ бобровою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ и вышивныхъ золотомъ; а дѣвцы въ большихъ лисьихъ.»

Гваньини, современникъ Царя Іоанна Василіевича, пишетъ, что по указу Государеву запрещалось бѣдынымъ наряжаться, и что Москвитяне, видя простаго челоуѣка въ богатомъ платьѣ, говорили ему: «Откуда взялъ ты, нѣмѣшникъ, такую одежду, которой самъ не стощь? смѣешь ли наряжаться Папомъ? Вѣрю задумалъ бѣжати въ Литву!» Онъ же сказываешъ, что вороты рубашечные вышивались обыкновенно въ женскихъ монастыряхъ, и что сапоги, всегда подкованные желѣзомъ, не доставали до колѣна. — Флетчеръ, описывая наши обычаи во время Царя Ѳеодора Іоанновича, говоритъ, что Рускіе богачи носятъ на головѣ подъ шапкою скуфью, *Taffia*, вышивную золотомъ или шелкомъ съ жемчугомъ; на шеѣ козырь въ 3 или 4 пальца, также украшенный жемчугомъ; сверхъ рубашки легкое шелковое полукафтанье, *Sheron, зипунъ* или *жупанъ*, до колѣнъ; сверхъ жупана кафтанъ парчевой узкой, застегнутой, съ Персидскимъ полсомъ, а за полсомъ ножъ съ вилками; сверхъ кафтана *ферези*, или широкую шелковую одежду, подбитую мехомъ; сверхъ ферези *охабень*, *Alkaben*, или длинное платье съ рукавами и воротникомъ; сверхъ охабни, для выѣзда, *одноридку*, *Honoratkey*, суконную или камотовую, длинную одежду, подобную охабни, но безъ воротника; сапоги сафьянные съ жемчугомъ; ниже платье парчевое. — Фр. да-Колло пишетъ, что Великій князь жаловалъ храбрыхъ, любимыхъ войновъ одеждою шелковыми, суконными, шубами, конхъ лежало всегда безчисленное множество въ кладовыхъ, занимавшихъ въ Москвѣ цѣлую улицу.

(387) Пав. Іовій стр. 127.

(388) См. лѣтописи подъ годомъ 1473.

(389) Пав. Іов. de Legat. стр. 129., и Фр. да-Колло.

(390) Т. е. которая горька въ навечеріи Богоявленія Христова при освященіи воды. — Сіе описаніе Василіевой свадьбы напечатано въ *Древн. Рос. Вивлѣв.* XIII, 5.

(391) Гербершт. R. M. Com. 92.

(392) Тамъ же стр. 35.

(393) Навл. Iovila de Legat. стр. 128.

(394) См. тамъ же.

(395) Т. VI, стр. 178.

(396) См. *Степен. Кн.* II, 205, 206.

(397) См. *Степен. Кн.* II, 205, 206, 215.

(398) Сіи двѣ повѣсти: *Слово о инокѣмъ купцѣ и Сказаніе о Дракулѣ*, нашелъ я между рукописями купленными Гр. Ѳед. Андр. Толстымъ у Княг. Голицыной изъ Арханг. бібліотеки К. Дм. Мих. Голицына, о коей упоминаетъ Татищевъ. Снисокъ долженъ быть XVII вѣка; но сочиненіе древнѣе.

Герой второй сказки, Дракула или Драгуль (какъ его называютъ Византійскій Историкъ Лука, въ гл. XXVIII) былъ побочной сынъ Воеводы Волошскаго, Мильцы; служилъ Императору Греческому; разбилъ наследника и внука Мильцына, Дама; отсѣкъ ему голову и сдѣлался Господаремъ Волошскимъ. Онъ дѣйствительно былъ тиранъ. — Въ примѣръ слога выписываемъ несколько строкъ:

»Нѣкій купецъ приде отъ Угорскіе земли: оставилъ возъ свой на улицы во градъ предъ полатою и поваръ свой на возѣ, самъ спяше въ полатѣ, и пришедше нѣкто, украде его злато. Купецъ же пойде къ Дракулѣ и повѣда ему изгубленіе злата. *Поди: въ сію мощь обрящещи злато* — и повелъ по всему граду искать папья, глаголя: *еще не обрящещица злато, весь градъ погублю* — и повелъ свое злато принести положить на возу ношю, и приложи едину златницу. Купецъ же вспавъ и обръше единъ лишній златникъ, ии шедше къ Дракулѣ рече: *Государь! обрътохъ злато своеесе; единъ лишній, а не мой*. Тогда приведоша папья со златомъ, и глагола Дракула купцу: *иди съ миромъ*

еще бы еси не повѣдалъ злата, то и тебѣ бы повелѣлъ съ татскаѣ силѣ на колѣ посадити.»

(399) Гербершт. R. M. Com. стр. 74.

(400) Тамъ же, стр. 76. Гербершт. прибавляетъ, что Ханъ имѣлъ обыкновенно четырехъ Совѣтниковъ для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ: первый именовался *Ширинъ*, второй *Баринъ*, третій *Гаринъ*, четвертый *Киптанъ*. Въ Крымскихъ Дѣлахъ No 8, л. 97, упоминается о сихъ четырехъ главныхъ совѣтникахъ Ханскихъ, или Карачахъ: о *Ширинѣ*, *Баринѣ*, *Аргинѣ*, *Киптанѣ*.

(401) Тамъ же, стр. 60 и 89. — Лербергъ, въ своемъ разсужденіи о землѣ Югорской, догадывается что подъ именемъ *черныхъ людей* Сибирской торговли надобно разумѣть Индѣйцевъ или Бухарскихъ купцевъ, а *Грустинцы* должны быть Gaustinzi, о коихъ упоминаетъ Шпраленбергъ въ описаніи Сибири, и которые жили близъ Томска: Татары идолопоклонники, числомъ до двухъ сотъ семействъ. Миллеръ въ своей Сибирской Исторіи называетъ ихъ Евштинцами (см. Лерберг. Untersuch. 38 и слѣд.).

Конецъ Примѣчаній VII Тома.

Г Л А В А I.

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ
ІОАННОВИЧЬ.

Справа.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука, Димитрія. Общій характеръ Василіева правленія. Посольство въ Тавриду. Царевичъ Казанскій принимаетъ Вѣру нашу и женится на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Литовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наследникомъ. Миръ. Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Освобожденіе Лешива. Неудовольствія нашего посла въ Тавриду. Мирный договоръ съ Ливонією. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности 1

Г. 1505 — 1509.

Г Л А В А II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ
ВАСИЛІЕВА.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву. Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву. Раскаііе Магметъ-Аминя. Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимилианомъ. Мирный договоръ съ Гаисою. Посольство Турецкое. Взятіе Смоленска. Измѣна Глинскаго. Битва Оршинская. Измѣна Епископа Смоленскаго. Прислупъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное посольство къ Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посоль-

ство отъ новаго Хана, Магметъ-Гирея, и наше къ нему. Борьба и посольство Царя Казанскаго. Впаденіе Крымцевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Посольство Императора Максимилиана. Послы Литовскіе. Прислупъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимилиану. Новые послы отъ Императора. Смерть Лешива. Возобновленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магметъ-Аминя. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани. Крымцы опустошаютъ Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Нѣм. Ордена. Посольство къ Султану. Буишь въ Казани. Нападеніе Магметъ-Гирея на Россію. Хабаръ Симскій. Судъ Воеводъ. Станъ подъ Коломною. Посолъ Солмановъ. Посольство Литовское и перемиріе. Конецъ Нѣмецкаго Ордена. Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ . . . 49

Г. 1510 — 1521.

Г Л А В А III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ
ВАСИЛІЕВА.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Аспраханъ. Злодѣйства въ Казани. Вѣдствіе Крыма. Ханъ Сайдетъ-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Густавомъ Вазою. Посольства Солмановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рапъ на Казань. Новый Царь въ Казани. Запochenіе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича. Посольства Аспраханскія, Молдавскія, Ногайское, Индѣйское.

Страш.

Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзнь и кончина Великаго
 Князя. Характеръ Висиліевъ. Спрогоспъ и ми-
 лоспъ. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Вели-
 каго Князя. Образъ жизни Василя, охопа, Дворъ,
 обѣды, шипуль. Иноземцы въ Москвѣ. Законы.
 Спроенія. Церковныя дѣлнія. Разныя бѣдспвія.
 Великіе современники Васиіевы. Расколъ Лю-
 шеровъ 132

Г. 1521 — 1534.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ.

Правленіе. Войско. Правосудіе. Торговля. Деньги.
 Бережливоспъ Государей. Дороги и почта. Мо-
 сква. Свойсшва и обычаи. Великокняжеская свадь-
 ба. Въѣздъ пословъ. Иноземцы. Словесноспъ.
 Извѣстія о Воспокѣ и Сѣверѣ Россіи 223

СОРАН

